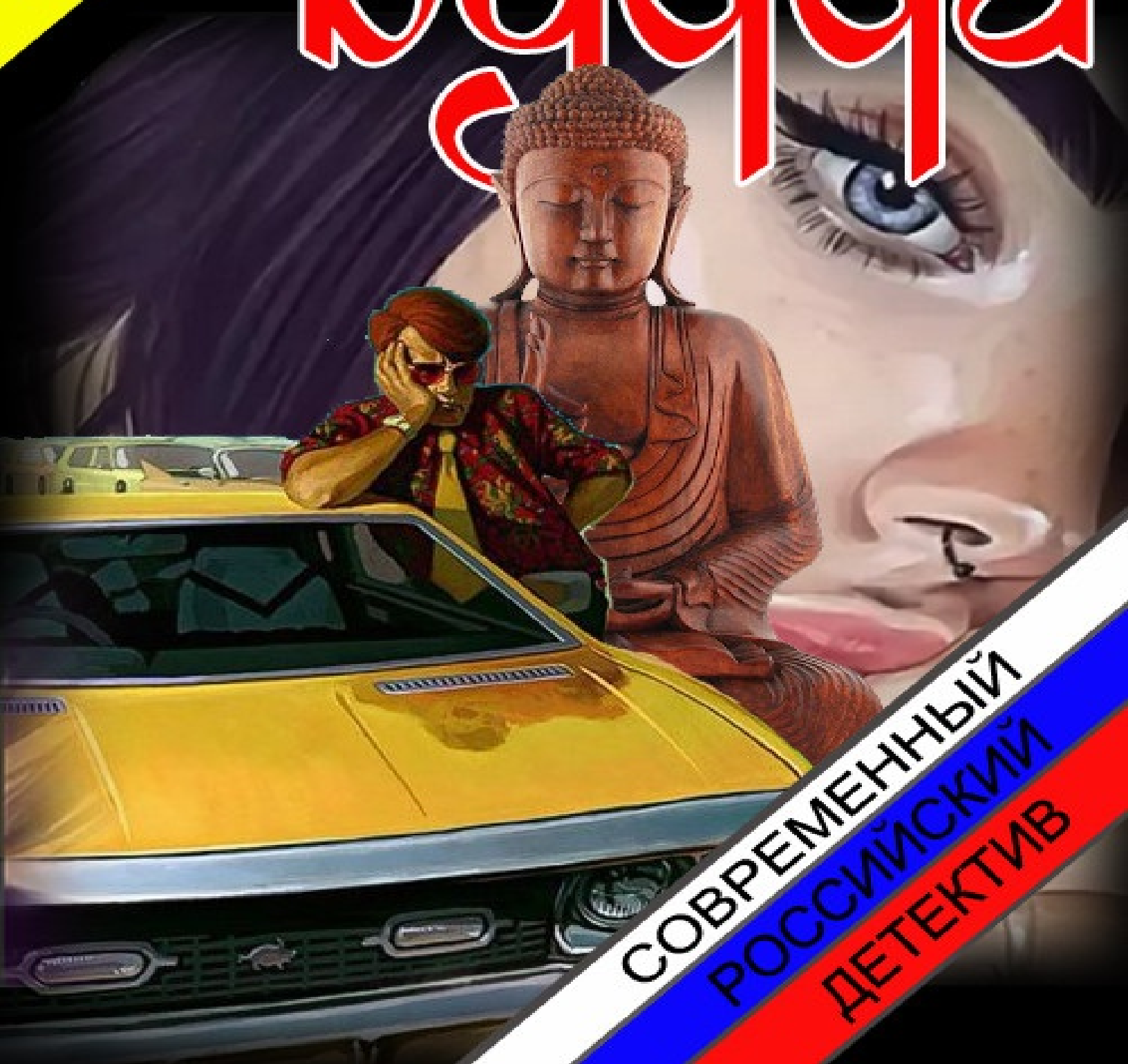

АНАТОЛИЙ БОРЗОВ

О ЧЁМ МОЛЧАЛ

БЦОРА

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Annotation

Дима Скворцов никогда не увлекался буддизмом. Ему нравилась деревянная фигурка Будды, которая вечно молчит. Прежде чем отправиться на небеса, Дима прошептал: «твори свое спасение».

Анатолий Борзов

О ЧЕМ МОЛЧАЛ БУДДА

Не убивай.
Не кради.
Не будь непристойным.
Не лги.
Не пей опьяняющих напитков.

Всего пять.
Пять моральных заповедей.

«Твори свое спасение» — последние слова, что он произнес.

Последователи называли его Шаста, что означает «учитель». Он не претендовал на божественное происхождение. Ученик Гаутамы Сиддхартха, шестой век до Христа, северная индийская провинция Непала. Много лет спустя ему дадут новое имя — «просветленный», а в последствии — Шакьямуни Будда.

Прежде чем попасть в Азию, он неоднократно будет рисковать своей жизнью в морях, смотреть в лицо опасности на караванных путях. Глотать песок пустыни или злой ветер океана.

Спасение за счет человеческих усилий без сомнительной веры в сверхъестественное.

Познать себя, соединившись с космосом.

Найти ответы там, где прежде никто не искал.

Завоевать Тибет, Кашмир, Цейлон, Бирму, Яве, Сиам, Корею, Китай и Японию без единого выстрела.

Написать Евангелие до прихода Христа.

Заставить последователей поверить, что он будет возвращаться на землю вновь и вновь.

Любое изваяние радушно его встретит — будь то крохотная деревянная статуэтка или огромная бронзовая фигура.

Абсолют, заключенный в бесконечном Я ЕСТЬ.

Разрешение отбирать истину из всех религий, существующих на планете.

Бог, который всегда молчит.

Пролог

Ночь. Загородные дома уже давно погрузились в темноту. Спали, вероятно, и счастливые хозяева. Зеленые лужайки мирно дремали в предвкушении утра, когда сонный служитель примется поливать из шланга, наблюдая, как играет радуга — красный, голубой, желтый... цвета будут сменять друг друга. Однако кто-то все же не спал. За забором одного из домов отворилась дверь, и выглянул мужчина. С минуту он смотрел по сторонам, затем прошел к большой темной машине и завел двигатель. Вздохнул, глянул на часы и полез в карман. Две таблетки — он отправил их по назначению. Дернулся кадык — мужчина поморщился. Спустя пару минут из дома вышли еще двое — они несли свернутый ковер.

Аккуратно, — сказал тот, что был постарше.

Мужчины осторожно положили ковер в машину.

— Я остаюсь, думаю, он скоро подъедет. Ты окно открыл? Не открыл? В другую комнату перенес? Ну и правильно. Почему в машине нет воды? Сколько раз тебе говорить — купи воды и пусть она себе лежит.

— С машиной что делать? — спросил молодой.

— Что делать, что делать... а ты не знаешь! Сядешь и отгонишь. Или думаешь, мне машиной заниматься? Она тебя видела?

— Думаю, не видела — спала она.

— Ничего нельзя поручить. За что бы не взялся, все идет наперекосяк.

— Мне с ним? — спросил второй.

— Как ты?

— Нормально. Со мной все в порядке. Вы не беспокойтесь.

— Прихватило вдруг, ноет и ноет, не открылась бы язва. Некогда болеть. Ну да ладно, поезжайте. Вот еще что...

Оба замерли, ожидая приказаний.

— Поезжайте, поезжайте, — мужчина махнул рукой, — на такси я приехал.

— Нельзя вам на такси.

— Можно! Времени не было... его и сейчас нет. Поезжайте, поезжайте. Подушку куда дел?

— Под голову положил, — сказал молодой.

— Тьфу! Антихрист! У тебя отродясь мозгов не было!

— Подушку забрать?

— Да поезжайте вы, наконец! А потом мигом к Фенгольду.

— К доктору? Так вы ему уже звонили.

— Дурак ты у меня. Спал ты — понимаешь? За машиной побежал, а Фенгольд уже уехал. Дело-то серьезное. Приступ у нее! Сердечко прихватило. Ну? Понял?

Вспыхнули ярко красные фонари стоп-сигналов, в нос ударил удушливый запах солярки, и мужчина чихнул. Затем он взял стоящий на крыльце веник и принялся мести грязь, которой не было.

Я сидел и примерял ботинки — огромный магазин. Среда — рабочий день, и посетителей не так много — вообще никого нет. И кожей пахнет — довольно сильно. Вначале запах показался мне неприятным. Однако он затем куда-то пропал. А еще я подумал, что бы произошло, если бы я устроился на работу продавцом именно сюда. Глупая мысль, — кажется, я позволил себе усмехнуться. И только я усмехнулся, как вижу объявление — «Требуется продавец. Возраст и пол значения не имеют». А до этой минуты я пребывал в некотором сомнении — купить ли черные башмаки или коричневые. Черные — они практичней, однако мне больше нравились именно коричневые.

Сижу уже в кабинете и держу коробку с ботинками. Волнения не было, скорей любопытство. И ей, видно, любопытно — она меня изучает. Однако изучает тактично — не всякий так умеет. Документов нет. Обычно всегда какое-нибудь удостоверение захвачу, а тут как назло собрался и думаю — а к чему они? И не взял. А она меня взяла. Но предупредила: полагается испытательный срок. И постарайтесь улыбаться клиентам, даже когда нет настроения — улыбайтесь и все тут.

Стою перед зеркалом уже дома в новых ботинках и... улыбаюсь. Растягиваю рот и понимаю, что улыбаться-то я не умею. Получается все что угодно, но только не улыбка. Что такое улыбка, я знаю. А друг не справлюсь? Они же все как один капризные — нынешние покупатели. Им невозможно угодить. Они всегда к чему-нибудь начнут придирааться... я и сам долго не мог выбрать ботинки. Даже вспотел. А тут мне придется потеть каждый день и встречать каждого улыбкой.

Конечно, главное в человеке и вовсе не его внешний вид. Однако и внешний вид представляет большое значение. Порой значительно большее, чем вам этого хотелось. Гармония в целом — явление крайне редкое, возможно, слишком редкое, когда форма и содержание находятся в единстве. Часто происходит обратное. Часто недостаток одного приходится компенсировать чем-то другим. Своего рода обман — попытка достигнуть гармонии. Вот и мои ботинки. Почему я купил все же коричневые, а не черные? Не знаю, не могу сказать — они мне приглянулись. Сегодня среда. Она сказала, приходите в пятницу, а в субботу приступайте к работе. У меня всего лишь один свободный день — четверг. А прежде все дни были свободные, и разницы в том, что у нас среда или воскресенье, не существовало. Отныне все будет иначе, а как иначе — я не знаю.

Страхи мои — пустое. Я отвык подчиняться — был себе хозяин. Замечательное состояние, когда над тобой нет начальника. А теперь мной будет руководить она. Будет смотреть, насколько мой внешний вид соответствует. Насколько тщательно я выбрит, подстрижен и как я улыбаюсь клиентам. Я не умею, то есть разучился. Научишься. Не самое сложное — встречать покупателей улыбкой. Добрый день! Чем могу быть полезен? Вам нужны ботинки? Отлично! У вас сорок второй, я не ошибся? Ах, сорок шестой! Ну и лапа у тебя, дружок. Не знаю, не знаю, чем тебе помочь. Претензии не к нам, а к папе с мамой...

Встретили меня довольно сдержанно — только один человек улыбнулся. Подошел и пожал руку. А затем сказал — очень рад. Если откровенно, я немного опешил. Чему рад и почему? Новый сотрудник, которого он не знает. Михаил Петрович. Можно просто Миша. Хорошо, я не возражаю. Если Михаилу Петровичу приятно быть Мишей, ради бога. Хотя думаю, дело в другом. Мы оба из прошлого. И оба не стараемся выглядеть моложе. Сколько

есть, настолько и выглядим. Михаил Петрович для своих лет выглядит молодцом — подтянут и шевелюра достойная. Небольшая седина только украшает, вводит в заблуждение и придает благородства. У меня имеется приятель седой как лунь. И благородства в нем ни на грош — чрезвычайно самоуверенный, а где-то и наглый тип. Прежде он таким не был. Пришло с возрастом.

Работа мне досталась только на первый взгляд несложная. Обычное явление. Со стороны многие профессии кажутся несложными. А что сложного быть продавцом? Главное — не упустить клиента и заставить купить. Другой вопрос, нужны ли ему светлые замшевые ботинки, которые он сможет надеть от силы несколько раз в году. Погода у нас скверная. Если с утра светит солнце, это еще не означает, что после обеда не пойдет дождь. Но до чего они хороши! Эти замшевые ботинки. Вы потрогайте — словно персик. Нет, не персик — словно ручка у молоденькой девушки. Что? Девушка не может быть старенькой? Верно. Стилистическая ошибка. Однако вот из таких ошибок и складывается нынешняя реклама. Я говорю, один черт знает, что, несу какую-то ахинею и при этом внимательно смотрю клиенту в глаза. Смотрю и вижу — он вспомнил ту молоденькую девушку, которую когда-то держал за руку. Держал и волновался. И на все ради нее был готов.

— Неплохо, — улыбается Михаил Петрович и одобрительно кивает. — Я первую пару обуви продал только на третий день. А вы — и часа не прошло, вам везет.

Оказывается, мне везет! Миша прав: мне везет. Вот только там, где не нужно. А в остальном я ужасно невезучий человек. Подобного везения не пожелаешь и врагу. Сколько их у меня? Я не знаю. Знают они — мои недоброжелатели. Вырядился я страшно. Словно жених. И галстук нацепил. Он мне нравится, ему лет пять. Подарили как-то на день рождения. Говорю: а пошли выпьем. У меня сегодня, кажется, с утра день рождения. Как! День рождения! Вот это новость. Пошли выпьем. И мы пошли в магазин, чтобы купить что-нибудь выпить. Спиртное дома я категорически не держу. В подарок приятель купил галстук, который сейчас на мне. После обеда я его сниму — он мне мешает работать. Ходить с важным видом и улыбаться клиентам не мешает, а помогать примерять обувь мешает. Приходится выбирать.

В перерыве с Мишей идем в кафе. Совсем рядом и вполне прилично. С галстуком я смотрюсь неплохо и, вероятно, меня можно спутать с каким-нибудь клерком или даже бизнесменом средней руки. Миша берет овощной салат и какой-то сок. Я беру булочку и кофе. По крайней мере, пахнет он приятно. Не Миша, а кофе. Ну что, позади первые часы моей новой работы, в которой я достиг определенного успеха — впарил мужику башмаки, которые он вряд ли когда-нибудь наденет. Миша о чем-то рассказывает, я невнимательно слушаю и поглядываю на часы. Еще вчера мне было плевать, как быстро движется стрелка и движется ли она вообще. Время — аморфное состояние — меня не волновало, чего не скажешь сейчас. Опоздать в первый день не годится. Нынче моя жизнь приобретает строгие рамки, в пределах которых я себе не хозяин.

— Что? — спрашиваю и понимаю, что Миша ждет от меня ответа.

— Прежде вы где работали? — повторяет вопрос Миша и с явным сожалением допивает сок.

Где я прежде работал? Сложный вопрос, потому что прежде я нигде не работал. Ну чтобы официально, вот как сейчас. Чтобы два раза в месяц получать зарплату. Можно, конечно, сказать неправду. Греха в этом я не вижу. Сказать какую-нибудь глупость.

— Платили мало, — отвечаю я. Если Миша человек тактичный, с уточняющим

вопросом он не полезет.

— Мало? — загоняет на лоб брови мой новый коллега.

Понимаю, сморозил глупость. Если нынешняя моя зарплата составляет гроши, что же мне тогда платили прежде?

Идем обратно. Миша вздыхает и дает мне какие-то практические советы относительно работы. Оказывается, нужно быть психологом. А еще детективом — каждый третий покупатель мошенник или воришка. Стащить башмаки невероятно просто. Надел и вышел. Мишу обманывали несколько раз. Поэтому он никому не верит. А еще он устал улыбаться и нюхать чужие носки. Они же пахнут! Иногда чудовищно. Однако в каждой профессии имеются свои недостатки. Так вот наша обязанность нюхать чужие носки. Элла Сергеевна категорически против. Элла Сергеевна считает, что мужчины должны продавать только мужскую обувь. Миша предлагал, убеждал, приводил какие-то аргументы — напрасно. Элла Сергеевна слушает только свой внутренний голос. Элла Сергеевна принципиально не желает ничего менять. Она, видите ли, считает, что у нас не Тайвань, где клиенту за дополнительную плату сделают небольшой китайский массаж. Господи! Какой массаж! Это же естественное чувство. Легкое прикосновение грубых мужских рук к нежной женской ножке...

Мне уже интересно. И чтобы подтвердить свой интерес я внимательно посмотрел в глаза Мише. Он не то чтобы стусеивался, но глаза отвел в сторону и продолжил излагать иные аргументы, которые, впрочем, так и остались аргументами — в женский отдел его не перевели. Однако мысль, что он зародил в моем мозгу, показалась мне и в самом деле интересной. В любой профессии полагается... как это... карьерный рост. А какой может быть рост в мужском отделе? Далее Миша посвятил меня и в другие тонкости нашей работы. Но сделал это несколько своеобразно. У меня сложилось впечатление, что Миша изливает свою душу, проще говоря, жалуется.

Перед входом в магазин, а зашли мы через черный вход, сославшись на теплую погоду, я галстук снял. Миша одобрительно кивнул. Теперь мы чем-то друг на друга похожи.

— Работал корректором, — вдруг выдал я.

— В издательстве? — удивился Миша.

Верно. Я и самом деле работал в издательстве, но только грузчиком. В корректоры меня обещали перевести, когда подойдет срок. А срок как-то все время не подходил. Читать книги и их таскать занятия, я вам доложу, совершенно разные. Когда ты берешь в охапку стопки книг известного автора и тащишь их сначала в подвал, а затем из подвала, тебе плевать, о каких высоких истинах в них написано. Тебе вообще на все плевать. А он еще и смотрит — с обложки своего очередного творения. Или героиня его смотрит — так бы и удавил обоих. Поэтому с некоторых пор книги я не читаю.

— В издательстве, — подтвердил я. У нас еще оставались минут десять. По идее, на работу, как и после перерыва, предпочтительней приходиться минут за пять. Раньше не нужно. А уходить на пять минут позже, больше тоже не следует. Поэтому я достал сигарету и закурил, чем несколько удивил Мишу.

— Вы курите? — испугался он.

— Никотин убивает лошадь, а я человек. В разумном количестве греха никакого. И не верьте пустой болтовне о вреде организму.

— Денег много уходит, — подсказал Миша. — Я в детстве тоже курил. У нас во дворе все курили. Нельзя было не курить. Элла Сергеевна курит — я знаю. Хотя и скрывает. Не

понимаю, к чему скрывать, что ты куришь? Вы же не скрываете?

— Не скрываю.

— Они вас спрашивали? — Миша достал платок и вытер лоб.

— О чем?

— Когда на работу принимали, спрашивали?

— Курю ли я? Нет, не спрашивали.

Миша платок убрал — сунул в карман.

— А меня спрашивали. Странно. Вы курите — вас не спросили. Я не курю, а меня спросили. Элла Сергеевна спросила. Я еще удивился — какое отношение имеет данное пристрастие к работе? Я же не собираюсь курить в присутствии покупателей. Да и как вы себе представляете? Заходит клиент, а у меня в зубах сигарета.

— Элла Сергеевна курит? — перебил я.

— Курит.

— Не ошибаетесь?

— Думаете, ошибаюсь? — вновь испугался Миша. — Нет, она определенно покуривает, хотя табаком от нее не пахнет.

— Привычка молодости, — выдвинул я гипотезу. — Курить, но так, чтобы близкие не знали. Как она?

— Элла Сергеевна? Требовательная, но справедливая.

Я с уважением глянул на Мишу. Довольно точная характеристика. Вот и мне показалось, что мой новый начальник требовательная, но справедливая женщина. Я посмотрел, куда бы пристроить окурок — положенные пять минут истекли.

Вечером я с удовольствием развалился на диване — вспоминал первые впечатления от работы на новом месте. Элли Сергеевну я видел всего лишь раз — она прошла через зал и не обратила на меня внимания. Я тоже не обратил — ходил за клиентом и смотрел, куда тот смотрит. Зашел он явно убить время и покупать ничего не собирался. На лице написано. Поэтому я только бросил дежурную фразу, однако следовал за ним как тень. Из всего коллектива мужчины только мы с Мишей. Он мой наставник и, следует признать, не самый плохой. Несколько странный, так что из того? Все мы странные.

Положенные для испытания две недели прошли. И вот я вновь сижу в кабинете у Эллы Сергеевны. Сегодня на ней довольно легкомысленная кофточка. Это когда не требуется воображения дорисовать, все и так достаточно очевидно. Взгляд мой направлен именно туда — по центру. А что? Я же в конце концов мужчина. А с другой стороны, к чему столь глубокое деколье?

— Ну как? — спрашивает Элла Сергеевна.

— Неплохо, — отвечаю и вдруг понимаю, что меня могут неправильно истолковать. Немного тушуюсь и отвожу в сторону глаза. Мой начальник молчит, отчего делаю вывод, что и она, вероятно, над чем-то размышляет. Вот только мысли наши несутся на разной волне, в противном случае она или улыбнулась или наоборот нахмурилась. Порой, что тут греха таить, со мной случаются странные озарения — я каким-то невероятным образом оказываюсь на волне собеседника. Нет, я не читаю мысли, они в меня влетают. Говорю же, все мы довольно странные существа. Элла Сергеевна в меня еще не влетела, она кружит где-то рядом. А вот не влетел ли со своими мыслями я в Элли Сергеевну? Слава богу, не влетел.

Перевожу дух — еще не хватало споткнуться на последнем этапе, когда испытательный срок уже закончился. Звонит телефон — он стоит на столе по левую руку от Эллы

Сергеевны. Тем временем пока она отвечает на звонок, сообщаю. Водятся за мной и другие странные привычки. К примеру, подмечаю детали, которые мне по жизни не нужны. Вы когда-нибудь обращали внимание на подобные мелочи, вроде того, где располагается телефон на столе вашего шефа? Вот то-то и оно. А я подмечаю. Значит, Элла Сергеевна левша. И трубку она держит в левой руке — какие тут могут быть сомнения? Чтобы чем-то себя занять — слушаю. Однако слушаю не о чем говорит Элла Сергеевна, а как она говорит. Приятный в целом голос, лишь интонации оставляют желать лучшего. Миша прав — требовательная женщина. Требовательность и звучит в голосе. Даже когда Элла Сергеевна смеется. Поэтому я как дурак начинаю улыбаться. Улыбаюсь, до конца не представляя темы разговора. Так обычно поступают подчиненные — желают угодить во всем своему начальнику. Я не желаю, я вынужден подчиниться — смех-то у Эллы Сергеевны требовательный.

Рабочий день начался минут пятнадцать назад, и пятнадцать минут назад я должен быть в зале. На мне вновь галстук — я знал, что меня вызовут. И ботинки новые. Они под столом, и видеть их Элла Сергеевна не видит. И когда я входил в кабинет, она вряд ли их заметила. Она лишь бросила быстрый взгляд и махнула рукой, приглашая присесть. Элла Сергеевна расчесывала волосы и делала это как-то основательно. Мне даже показалась, что расчесывалась она... для меня. Глупость, конечно. Она расчесывала волосы и вдруг посмотрела. Нет не в зеркало, а на меня. Затем села напротив, задала вопрос, а затем позвонил телефон. Две недели. Много это или мало? Для кого — как. Я еще не понял — на своем ли я месте или это ошибка. Если ошибка, устранять ее следует немедленно — еще одна проблема. Существуют люди, и я в их числе, которые ждут последнего момента, чтобы исправить допущенную ошибку. И в этом есть своя логика. Ошибки порой исправляются самостоятельно, без какого-либо участия с моей стороны. Либо их исправляют другие. Все мы сталкивались с проблемой, которая отказывается решаться. Находится тысяча и одна причина, чтобы отложить решение вопроса. Подобные дни еще называют неудачными. О своем везении я уже говорил — какой ни есть, опыт имеется, отсюда и данный подход.

Сиюю я уже пятнадцать минут. Эллу Сергеевну, похоже, мое присутствие не волнует — она продолжает говорить по телефону, и помимо моего желания я узнаю некоторые детали ее жизни. Изредка она на меня поглядывает — с какой целью, я не знаю. Не могу же я вот так — подняться и уйти. Наконец она заканчивает разговор и кладет трубку. Берет карандаш и начинает вертеть пальчиками. Оба молчим. Я понятно — моя обязанность сидеть и молчать. Однако почему молчит Элла Сергеевны? Неужели у нее возникли вопросы? Вряд ли. Никаких замечаний за две недели, никаких жалоб со стороны клиентов — ничего. Побрит я безукоризненно. Свежая рубашка, уже упомянутый галстук. В довершении ко всему я с утра не курил.

— Почему вы ушли из редакции? — задает она вдруг вопрос. Однако тут же и помогает с ответом. — Если не желаете, не отвечайте.

— Мне обещали другую работу, — отвечаю я, что в некоторой степени соответствует действительности. Врать нужно тоже с умом. Говорить неправду, чтобы тебя однажды не поймали на лжи. Меня не поймают.

— Вы офицер?

— Капитан запаса.

Сказанное, вероятно, несколько поднимает мой статус. Или наоборот опускает — трудно представить, в каком направлении и на какой волне возникают мысли у Эллы

Сергеевны. Однако держу нос по ветру — в ее вопросах определенно что-то есть. Что именно, я еще не разобрался — не время. Возможно, праздный интерес, возможно, что-то еще. «А я люблю военных, высоких, здоровенных... — звучит в моем подсознании. Как версия не исключается. А что, если... В жизни всякое бывает, ничего исключить нельзя. А вдруг у нее не удалась семейная жизнь? Или удалась слишком хорошо. Удалась до приторности и безразличия. Удалась, хоть волком вой.

Элла Сергеевна поднялась, поправила платье и неожиданно оказалась у меня за спиной. Черт! Глупая ситуация. Я был уверен, что она меня разглядывает или нет — оценивает. Новое ощущение, которое явно я забыл. Что могла она увидеть там — у меня на спине? Через некоторое время она выплыла и вновь принялась меня разглядывать.

— Вы приняты, — говорит она, — ступайте.

Михаил Петрович видно заждался моего появления — бросился, словно сердобольная мамаша после экзамена любимого чада. В глазах — вопрос.

— Полный социальный пакет, медстраховка и гарантированный отпуск, — сообщил я, снимая галстук. Затем покрутил головой, хрустнул позвонком и сунул галстук в карман.

Вновь с Мишей сидим в кафе. Он вновь заказал овощной салат и сок. Я — кофе с булочкой. Мне по неизвестной причине грустно. Неужели ближайшее время я проведу здесь — в этом кафе? Уже сейчас оно не кажется мне уютным. И кофе обыкновенный — ничего в нем нет. Придется переключаться на овощной салат и компот. Затем я брошу курить, заплыву жирком и буду окончательно доволен жизнью, которая не удалась. Все верно. Кто-то же должен ходить на постылую работу каждый день, заниматься нелюбимым делом и жаловаться на свою судьбу. Сколько их — миллионы, тех, кто недоволен своей судьбой.

— Ты женат? — спрашиваю я без какого-либо интереса.

— А как же! — испугался Миша. — Женат, еще как женат. Она у меня хорошая. Глупая, правда, но хорошая.

— Элла Сергеевна?

Миша явно не понимает вопроса — замужем ли Элла Сергеевна или она такая же глупая?

— Ты прав, — говорю я, — она действительно курит. Элла Сергеевна, она курит. Сейчас многие курят. Ну и пусть себе курит — нам-то какое дело? И дети есть?

— У меня? Двое.

— У Эллы Сергеевны? — продолжаю допрос. — Неужели у нее нет детей?

— Не знаю. Никто не знает. Вероятно, нет.

За прошедшее время, а прошла целая вечность — месяц, я практически не видел Эллу Сергеевну. Несколько раз случайно столкнулся, что встречей назвать нельзя. И взгляд ее поймать не успел, лишь услышал дежурные слова приветствия. К тому же сказанные наспех. Значит, я ошибся, хотя внутренний голос лишь усмехнулся. Я отчетливо слышал, как он усмехнулся. Со вторым моим «я» у меня непростые отношения. Скверный характер у того и другого. Часто скандалят и только ждут случая, чтобы подкинуть какую-нибудь гадость. Борьбаться или воспитывать — пустая трата времени.

— Миша, — сказал я, — ты крайне нелюбопытен. Работаешь, и не знаешь, кто у тебя начальник. Ты не знаешь, есть ли у нее дети, кто супруг. Ты только знаешь, что Элла Сергеевна курит.

— А почему я должен совать нос, куда не полагается? — резонно ответил он. — Какое мне дело до ее семейной жизни? Она мне — кто?

— Верно, она никто. Элла Сергеевна — начальник. Мы на нее работаем, и она нам платит деньги. Небольшие, однако деньги. Значит, она умней нас с тобой. У нее хватило ума открыть магазин и начать свое дело, а у нас не хватило.

— Она его не открывала, — возразил Миша.

— Как не открывала?

— Магазин ей подарили.

Хороший подарок. Если покопаться в памяти, наиболее ценный подарок, который мне когда-либо делали — школьный велосипед. Правда, и тот стащили уже через пару дней. А тут магазин.

— Не ошибаешься?

— Так говорят, — сказал Миша.

Уже кое-что. Эллы Сергеевне сделали царский подарок — подарили магазин. Просто

так подобные подарки не делают. Хотя какие могут сомнения в нынешние времена? Я как-то подзабыл, что на дворе уже двадцать первый век, а живем мы в другой стране. Судя по ассортименту товаров и ценам, подарок обошелся в немалую сумму. Однако какое мне дело? Мише нет никакого дела, а тебе — есть? Мне? Любопытно. Кому из нас двоих — не знаю. Источник информации Миша некудышний. Здесь требуется женщина, желательна болтушка. Выбор мой пал на Кристину. Совсем молоденькая и не шибко умная — клюнула на мои неуклюжие комплименты, как глупый карась на приманку. Каюсь, в некоторой степени мне было неудобно использовать неискушенную девицу в своих корыстных целях. Но иного выхода не было.

Как и многие девицы, недавно вступившие во взрослую жизнь, Кристина была о себе чрезвычайно высокого мнения. Все, что требовалось с моей стороны, укрепить это мнение. Коварный лицемер! Да — я коварный лицемер. А что плохого поболтать с недурной собой девицей? В доверие я втирался неделю. Согласен, срок большой, но и спешить мне было некуда. К тому же смены наши иногда не совпадали. Мой интерес к своей персоне Кристина восприняла вполне естественно. Вероятно, разница в возрасте ее нисколько не смущала, возможно, напротив, слегка кружила голову — знакомое чувство, когда пожилые дамы обращали в свое время внимание и на меня. Мы стали товарищами и даже вместе как-то отобедали, конечно, за мой счет. Непосредственность Кристины порой меня убивала. Она могла без ложной скромности задать практически любой вопрос и точно также ответить. Находка для шпиона. Вот только кто был этим шпионом? На каком-то этапе я даже стал получать определенное удовольствие от общения с девушкой, хотя случались и казусы. Пришлось рассказать Кристине о своей жизни значительно больше, нежели я это сделал перед приемом на работу. Однако и компенсация не заставила себя долго ждать. В достаточно короткий срок я узнал, что многие не узнают за всю свою продолжительную жизнь. Голова моя распухла от поступающей информации, а память трудилась, как она не трудилась со времен моей учебы. Но нет худа без добра — отношения с Мишей едва не дали трещину. Мне показалось, он меня приревновал. Было смешно и забавно. Чтобы внести ясность, я сказал, что люблю болтать с молоденькими девушками. Ничего больше — всего лишь не к чему не обязывающая болтовня.

Что я узнал от Кристины? Это отдельная история, как-нибудь на досуге напишу. Думаю, получится прекрасный роман для молодежи. Элла Сергеевна оказалась еще та штучка. Элла Сергеевна не только курила. Она была если не нимфеткой, то слабость к противоположному полу испытывала определенную. Или противоположный пол испытывал к ней слабость — не знаю. Однако истина находилась где-то здесь — в темных подземельях человеческих страстей, замешанных на любовных похождениях. Мое второе «я» не обмануло, когда подало свой голос. Вот и сейчас я вновь услышал многообещающий смешок из подсознания. Что-то еще будет! Я был заинтригован, как может быть заинтригован племенной бык, перед которым пасется стадо не в одну сотню коров. В этом, в общем-то, избитом сравнении присутствовала определенная доля правды.

Мое появление в сугубо дамском коллективе (Михаила Петровича я в расчет не беру по известным причинам) внесло некую живую струю. Несмотря на возраст, когда гормоны просыпаются куда менее охотно, я все же представлял собой экземпляр мужского пола, хотя несколько и потрепанный временем. Не красавец, но как говорят, если припереть в темном месте к стенке, на что-либо и сгожусь. А потом мое внутреннее содержание. Прожитые годы и полученный опыт — прекрасная компенсация молодецкому румянцу и блеску в глазах.

Знающие дамы, полагаю, согласятся и поймут, о чем идет речь.

После Кристины я переключился на Марию Семеновну. Верней, меня переключили — поставили в одну с ней смену. Запущенный случай — кажется, так говорят врачи? Мария Семеновна была крайне запущена. И смотрела она на меня... у меня нет слов выразить, как она на меня смотрела. Помню советский фильм о подпольщиках, которые попадают в лапы к фашистам. Вот так на меня Мария Семеновна и смотрела. И вся моя вина заключалась лишь в том, что я не женщина. Поэтому, как я переключился на Марию Семеновну, так и отключился. Хотя, забегая вперед, скажу — когда-нибудь мы станем хорошими друзьями.

Да, я избрал достаточно простую тактику — познакомиться по мере возможности с каждой. С кем-то это сработало, с кем-то не очень. В любом случае, я знал как себе следует вести, что и кому говорить, либо молчать и ничего не говорить. Я просто стал Димой. Мой возраст никого не настораживал, и кроме Марии Семеновны ко мне никто не обращался на «вы». Я перестал быть белой вороной, я растворился и пропал — мне было комфортно. Я добился чего хотел — на меня перестали обращать внимание.

Я вновь лежал на диване — любимое положение после трудового дня. Нельзя сказать, что все складывалось безоблачно. Порой на меня нападала хандра. Без всякой на то причины, каким-то необъяснимым образом. Телевизор уже давно не числился у меня в приятелях, чье предназначение, скорей, подсказать, что существует и другая жизнь. Эта жизнь расплзалась на экране морем красок, однако внутреннего мотива принять в ней участия не было. Чужая жизнь, и к тому же надуманная и фальшивая. Я перебирался с канала на канал, зевал, щелкал пультом и ждал очередного дня. Они все как-то подозрительно выстроились в шеренгу — удивительно похожие друг на друга. Мои дни — с понедельника до субботы. Воскресенье магазин не работал по принципиальным соображениям Эллы Сергеевны. В воскресенье полагается отдыхать, о чем сказал не один пророк в своем завещании. Не знаю, читала ли Элла Сергеевна мудрую книгу, но в воскресенье мы не работали. Многие работали, а мы — нет.

Теперь мы в равных условиях — я и она. Хотя, возможно, я знал несколько больше. Понимаю, многое из того, что я узнал, всего лишь слухи или сплетни. К тому же сплетни женские, которые, как известно, отличаются от мужских. Трудно прожить и день, чтобы не испытать на себе соблазн греха. А когда, казалось, день прожит с чистой совестью и по заветам древних, все однако за спиной найдется кто-нибудь с ложкой дегтя. Праведником я себя никогда не считал, грешил понемногу, так сказать, в меру распушенности и соблазна, прекрасно отдавая себе отчет, что я делаю. В этом было некое утешение или оправдание. Состояние хандры именно данным обстоятельством я себе и объяснял. Некая плата или расплата — как хотите. Близких друзей у меня давно уже не было. Они все куда-то пропали. Кто женился, кто развелся, уехал в дальние страны, спился или стал бизнесменом. Я же застрял во времени. Я и внешне не сильно изменился, по крайней мере, так говорили немногие, кого я изредка встречал. Вероятно, я не показательный пример эгоиста. Настоящий эгоист любит себя в полной мере и без остатка. Ни на близких, ни на родственных его уже не хватает. Любимый человек? В любимом человеке эгоист продолжает любить себя. Подсознательно находит отсутствующие у него качества и влюбляется. Я был женат, однако любовь куда-то быстро исчезла. Обычная практика и никакого сожаления. Все когда-то исчезает. Дети? Вполне возможно, не исключая, хотя претензий до сих пор не поступало. Мой кризис возраста совпал с кризисом в обществе — подобное, увы, случается. Я даже где-то читал... хотя вру — ничего я уже давно не читаю.

Если только газету по воскресеньям. Что-нибудь бульварное и пошрое, чтобы бросить на пол газету и понять, что не один ты такой. Вон их сколько! И те, кто пишет, и те, о ком пишут. Однако куда интересней размышлять о другом. Так кто же она — Элла Сергеевна? И почему я постоянно возвращаюсь к ней в своих мыслях?

Попробуем подвести некий итог собранной информации, хотя и основанной на сплетнях. В анкетах обычно первым делом указывается возраст и место рождения. Тридцать пять, откуда-то из Сибири. Родители — не знаю, говорят, есть мать-старушка. Не уверен. Семейное положение — вдова. Детей нет, хотя вновь не уверен. Образование — умна и предприимчива. Вероятно, вуз. Более точно сказать затрудняюсь.

Я встал и дивана и прошлепал на кухню. Открыл холодильник и налил молока. Глянул в окно и молоко выпил. Прошел обратно и лег на диван.

Фигура для своего возраста стройная. Возможно, прежде занималась спортом. А может, и не занималась — хорошая родословная. К чему ей потребовался продавец-мужчина? Как к чему? Чтобы продавать. Нет. Элле Сергеевне был нужен мужчина вроде меня. Как она меня разглядывала. Словно боялась продешевить — вот как она разглядывала. Поехали дальше. Более трех лет владеец магазина, который на нее оформил неизвестный. Проще говоря, подарил. Большая любовь? Или вынужденная ситуация? Уравнение, которое не решается. Частный дом в пригороде на доходы от магазина не построишь. Это всего лишь, как говорят, на карманные расходы. Забыл — Элла Сергеевна вдова. Некий трагический поворот в судьбе. Это вам не благородный супруг, который решил честно поделиться или его приперли грамотные адвокаты. Теперь — моральный облик. Прежде писали — морально устойчив. К чему, позвольте спросить? Элла Сергеевна, судя по слухам, не устойчива — любимое положение горизонтальное или как получится. И что с того? Твое-то какое дело, как у нее получается? Хотя думаю, получается у нее неплохо — в кавалерах ходят десятки человек. Люди видные — как при должностях, так и при деньгах...

И тут меня потянуло в сон. Со мной всегда подобное случается последнее время. Когда начинаешь серьезно размышлять — клонит в сон. Мозгов, видно, не хватает, или они жиром покрылись. Ну да ладно, завтра закончу анализ, — говорю себе и из последних сил тащу подушку под голову. Паршивый из меня пиркентон, правильно и сделали, что уволили. И все лень моя проклятая. Сидел бы сейчас в кабинете, руководил бы работой отдела — валял дурака с девяти до семнадцати. Говорят, им опять оклад прибавили. На что Николай совсем недалекий, и тот в начальники вылез. Встретил как-то. До чего надменный! Мимо прошел и бровью не повел. Хотя узнал, но вида не показал.

* * *

Элла Сергеевна была хороша. Я сидел напротив и слушал, как она говорит по телефону. Никаких проблем — любимое словосочетание нынешнего столетия. Никаких проблем, — говорит Элла Сергеевна и мне подмигивает. Когда? Завтра? Хорошо, как скажешь. Завтра, так завтра. Я к тебе Дмитрия Анатольевича пошлю. Как какого? Что?

Элла Сергеевна смеется долго и искренне. Я тоже не могу сдержать улыбки.

— Прости, не подумала. У меня действительно есть Дмитрий Анатольевич. Он к тебе и приедет. Конечно, я ему все объясню. Не волнуйся, все будет в порядке. Конечно, позвоню.

Элла Сергеевна кладет трубку, поправляет волосы и говорит. Вот и все, — говорит она.

Я договорилась. Завтра, так завтра. Вы не возражаете, Дмитрий Анатольевич?

Я не возражаю. Да и как я могу возразить, когда достигнута договоренность? Вот только какая? Кроме того, что я должен куда-то отправиться, ничего не знаю. Далее последовала какая-то откровенная чепуха — бессмысленная и несвязанная между собой. И вспомнить не представлялось никакой возможности. Одним словом, дурной сон. Сны мне являются не часто. Не знаю, чем объяснить данный факт, однако порой мне кажется, что их не вижу месяцами. С вечера ложусь, закрываю глаза. А когда открываю, понимаю, что наступил еще один день — новый.

Встаю и все напрочь забываю. Небольшие хлопоты, легкий завтрак, новости по радио — все как обычно. Словно живу на автопилоте — мне так удобно. Тридцать минут долой, и я иду по улице. Неплохой в целом день, а в утренние часы — удовольствие великое. А не так и плохо, — говорю себе. Можно сказать, хорошо. И вот в таком приподнятом настроении подхожу. Еще одно достоинство моей новой работы — ходить пешком. Двадцать минут. Сказка. Именно двадцать минут для здоровья. Одно с другим. Приятное с полезным.

— Дима, срочно к Элле Сергеевне, — слышу я, едва переступив порог. Что-то в голове моей звякнуло — какие-то там электроны не смогли разойтись. Иду, поправляю галстук, дыхание в норму привожу и вновь в голове — дзынь! Опять не разошлись! И видно, один из электронов рикошетом мне в висок ударил. И довольно больно. Непонятно, вроде день складывался хорошо...

— Дмитрий Анатольевич, садитесь, — Элла Сергеевна показывает, куда мне полагается присесть. В руках она держит телефонную трубку.

— Когда? Завтра? Хорошо, как скажешь. Завтра, так завтра. Я к тебе Дмитрия Анатольевича пошлю. Как какого? Что?

Электрон вылетает у меня из головы и ударяется о стенку кабинета — я его вижу. Я вижу, как он, вращаясь вокруг своей оси, летит обратно прямо мне в глаз.

Раздается смех — смеется Элла Сергеевна. Но как она смеется! Боже мой! Никогда прежде не слышал, чтобы так смеялись. Раскаты грома и молния в январе — вы в это поверите? Вы поверите, что все это уже было? Я знаю, что она сейчас скажет! Я знаю, что я отвечу! Но только я не знаю, что последует затем.

— С вами все в порядке? — вдруг говорит Элла Сергеевна, чем сбивает меня с толку. — Вы как-то болезненно выглядите. Затем в трубку — нет, это я не тебе. У меня действительно есть Дмитрий Анатольевич. Он к тебе и приедет. Конечно, я ему все объясню. Конечно, позвоню.

— Все будет в порядке, — подсказываю я.

— Что?

— Вы забыли сказать — «все будет в порядке».

Элла Сергеевна медленно кладет трубку и внимательно меня разглядывает.

— А сейчас вы скажете, — говорю я, — Завтра, так завтра. Я договорилась. Вы не возражаете, Дмитрий Анатольевич?

— Что с вами?

— Со мной — ничего. Ужасно разболелась голова. Совершенно неожиданно, без причины... хотя нет, причина имеется...

— Что с вами?

— У вас есть таблетка, а лучше две...

Электроны ведут яростную атаку друг на друга. Тот, что прилетел мне в глаз, крушит на

своим пути и другие, ломает их, превращая в пыль. Боже, как больно! Я сейчас взорвусь, уже взрываюсь.

— Вот возьмите, — слышу я, а затем вижу перед носом стакан с мелкими пузырями воздуха — они стремительно поднимаются со дна, где вращается небольшой вихрь.

* * *

Я сидел и молчал. Ждал, когда утихнут взрывы у меня в голове. Они еще гремели. Однако значительно тише. И вот, наконец, прогремел последний. Мне было неловко. Вокруг меня хлопотал едва ли не весь отдел.

— Как медсестра гражданской обороны, — сказала Мария Семеновна, — я вам настоятельно советую прилечь. И марлевую повязку на голову. Лучше влажную.

— А вы, случаем, не эпилептик? — вмешалась Элла Сергеевна. — Мы должны знать. Поймите нас правильно. Мы не против СПИДа. Мы же не какие-нибудь там варвары! Никто вас увольнять не собирается. У нас хоть и нет профсоюза, но мы все женщины. Вы только скажите, вы — эпилептик?

— Нет, я не эпилептик, — заверил я, устраиваясь на кожаном диване. К слову, вполне комфортном, хотя мой диван лучше. — У меня чудовищно разболелась голова. Почему у меня не может разболеться голова? Я разве не умею права?

— Влажную марлевую повязку, — напомнила Мария Семеновна.

— У меня нет марлевой повязки, — призналась Элла Сергеевна и попыталась вновь заглянуть мне в глаза.

— Как сестра гражданской обороны..., — начала было Мария Семеновна, однако ее тут же перебила Кристина.

— Есть прокладки, — сообщила она — прокладки подойдут?

Я вылетел с дивана, словно подо мной сработал взрывной механизм. Вид у меня, вероятно, был устрашающий — женщины отпрянули в испуге. Я же видел себя в ином образе — посиневший труп с тампоном на голове.

* * *

— У меня тоже случаются приступы мигрени, — слышу я и вижу, что сижу напротив Эллы Сергеевны. В руках она держит трубку. — К тебе подъедет мой сотрудник Дмитрий Анатольевич. Я ему все объясню. Не волнуйся, все будет в порядке.

Признаюсь, в тот момент я был близок к легкому помешательству. А может случиться, что оно и наступило. Я закрыл глаза, однако легче мне не стало. Я услышал голос — чей, понятно. Что я говорил? — сказал он. То-то еще будет. А затем другой голос — Эллы Сергеевны.

— Небольшая просьба. Думаю, вас не затруднит. Кой-какие документы. Я бы и сама, однако как всегда две встречи на одно время. Выручайте, Дима.

В любом обращении главное слово — последнее. А как Элла Сергеевна произнесла мое имя! Тысячу лет не слышал — столько в нем было теплоты. Словно чародей, в один миг она заставила забыть о бушевавшей в моей голове непогоде — она куда-то исчезла. Столь

стремительно, что не осталось и следа.

Уже через десять минут я сидел в машине, держа в руках небольшой портфель. Куда? — спросил водитель и, не дождавшись ответа, тронул машину. Обыкновенное такси. Их сейчас тысячи. Я назвал адрес. Водитель кивнул. Обычное поручение доставить бумаги. Однако что-то во мне подсказывало — это начало, которого я терпеливо и долго ждал. Доставить бумаги — всего лишь повод. Затем последует продолжение, возможно, более ответственное поручение, возможно, что-то еще. Смотрю на проплывающий мимо город. Как он изменился! Когда-то тихий и провинциальный, он стал другим. Как меняются дети ваших знакомых. Еще вчера нескладный подросток, а сегодня, если не мужчина, так взрослый юноша. Вот и мой город канул куда-то в прошлое. Возмужал и окреп — не узнать. Ему уже тесно — он рвется и вверх, и вширь. Улицы, запруженные машинами. А сколько их — этих машин! А прошло всего каких-то пять или шесть лет. Невероятно.

Водитель предпринимает очередной маневр. Нынче все ездят, как угорелые — еще одна примета времени. Бьет по тормозам и останавливается там, где нельзя останавливаться. Запрещающий знак возникает, едва ли не перед носом. С удивлением поворачиваю голову.

— Сигареты куплю, — бросает он и включает аварийку.

Жду, лениво поглядывая, как он бежит к киоску. В определенном смысле счастливый человек. Сам себе хозяин и подчиненный. Одно время я тоже подумывал взять в аренду машину и начать «бомбить». Однако понял, это не мое. А ломать себя — занятие скверное.

— Привет, — слышу я и вижу перед собой лицо, напоминающее человеческое. Откуда они берутся? Это надо сильно постараться, чтобы вытравить из себя все, что в принципе и делает человека человеком. Одна извилина — это о них. Круглая и большая голова, посаженная на огромный кусок окорока, — тоже о них.

— Занято, — отвечаю я, — такси занято.

— Я не помешаю, — говорит детина.

От похмелья я маялся давно и по глупости. Слишком хорошее настроение и обильный стол. А еще интересный разговор или, лучше сказать, дискуссия. По молодости водился за мной грех — любил поспорить. Хотя сам предмет спора не имел особого значения, куда приятней наблюдать за процессом, как ваш оппонент справляется с поставленной задачей и отражает нападение. Отдаленно это напоминает шахматный поединок. Так слово за слово я и набрался, о чем лишь понял только с утра. Господи, как у меня болела голова! Она трещала, и любая приходящая мысль вызывала страшные мучения.

Далекие и неприятные воспоминания меня посетили вновь, когда я открыл глаза. Открыл и тут же закрыл — белый свет был мне не мил. Он меня не раздражал — вызывал адскую боль. Вижу глубокий колодец — в него я и падаю. Долго, мучительно, без шансов на спасение. Жду окончания затянувшейся пытки и не могу дожждаться...

— Что ты делаешь? — говорит мне кто-то. — Что ты делаешь! Разве так можно? Смотри еще раз. Внимательно смотри, потом будет поздно. Потом ты будешь покойник. Наверно, я покойник — мне на все наплевать.

Мы стоим друг перед другом. На мне мокрое от пота кимоно, нужно перехватить пояс — он слез куда-то в сторону, однако нет времени. Сейчас меня будут бить. Меня уже давно бьют — это называется рукопашный бой. Бьют меня дважды в неделю — во вторник и в четверг с шестнадцати до семнадцати. Бьют больно и в разные места. В прошлый раз меня ударили туда, куда мужчин бить не полагается. Ударили ногой — я едва не написал заявление об уходе.

— Дима, — говорит мне наставник, который по непонятной причине требует, чтобы его называли сенсей. — Ты не должен думать, ты должен бить. Смотри.

Он встает в стойку и начинает лупить моего коллегу. Тот, хотя и отбивается, получается это у него неважно. Через минуту он летит на пол.

— Понял?

Я понимаю, что никогда не заставлю себя бить человека без причины.

— Понял, — говорю я. Иначе он забьет меня до смерти...

* * *

Контуры лица размытые. Где-то я его видел. Определенно видел, вот только где?

— Очухался? Ну и славно, — мне суют бутылку с минералкой. Вода теплая и протухшая — я тут же сплевываю. Гадость.

— Повздорили? С кем не бывает. Со мной еще не такое случилось. Нос-то цел?

Оказывается, меня двинули в нос. Память неохотно возвращается. Смотрю на бутылку с минералкой, а где же портфель? Портфеля-то и нет! Он исчез!

— Едем? — спрашивает водитель.

Мне дурно. Мне противно. Я раздавлен и унижен. Но и махать кулаками после драки... раньше нужно было махать. Куда я теперь? И какие документы пропали? Нужно в милицию. Срочно. Сейчас. Какая милиция? — смеется внутренний голос. — Ты на себя глянь!

И тут понимаю, в какую лужу я сел. Прихожу к бывшим коллегам — жалкий, смешной,

с разбитым носом. Помогите! Украли портфель. Что за портфель? А черт знает! Попросили передать. Кто попросил? Элла Сергеевна? А кто такая Элла Сергеевна? Ну, как вам сказать... начальник. Придется составить протокол...Позор. Самый настоящий позор! Да ну его... этот портфель. Документы? Любые документы можно восстановить. Да, хлопотно, да, требуется время, но восстановить их можно.

Элла Сергеевна появилась только в конце рабочего дня. Улыбнулась, однако тут же и нахмурилась. Вероятно, не понравился мой нос. Могу себе представить, как она обрадуется новости.

— Отвезли?

— Документы украли, — сообщил я.

— Как?

— Портфель с документами украли по дороге. Какие-то бандиты. Ударили и портфель забрали.

— Пройдем ко мне.

И вот я вновь сижу в кабинете. Какой по счету раз? Если не ошибаюсь, уже второй, а если учесть мои глупые фантазии, получается четвертый.

— Расскажите, как все произошло.

Если честно, я ожидал истерики. Однако все вышло довольно пристойно, если, конечно, данное слово здесь уместно. Еще мне не понравилось, как внимательно она слушала. Не перебивала, вопросов не задавала, сидела и слушала. У меня даже возникла мысль, а не она ли все это спланировала? Вот только ради чего? Признаюсь, были и другие мысли.

— На первый взгляд досадное недоразумение, — подвела промежуточный итог она и вытащила сигарету. И не следа волнения. Щелкнула зажигалка, глубокая затяжка, и Элла Сергеевна на мгновение пропала — как в прямом, так и в переносном смысле. Облако дыма и отстраненный взгляд. — А вы как думаете?

Хороший вопрос. Как думаю? Последний раз меня спрашивали шесть лет тому назад. А многие советовали вообще не думать, а исполнять. Проще получается. Я посмотрел на свои ботинки — они мне нравились. Прежде у меня приличной обуви не было — таскал казенную. И не в последнюю очередь в целях экономии. Несколько старомодные, что из того? Какая разница, в чем месить городскую грязь? Я молчал — неплохой тактический ход, часто себя прежде оправдавший. Подсознательно я ожидал, что Элла Сергеевна продолжит первой, так, впрочем, и получилось.

— Дело в том, что кроме документов в портфеле была и некая сумма денег, — сказала она.

Ну вот, подтвердилась еще одна моя мысль.

— Вариантов немного, — ответил я, намеренно не сказав «версия». Существуют слова, которых я избегаю — мне от них становится дурно. Итак, о вариантах. Первый — досадное недоразумение, — произнес я. — Второй — ваш партнер или кому я там должен был отвезти портфель. И третий — недоразумение спланировали вы.

— Или портфель стащил Дмитрий Анатольевич, — после некоторой паузы добавила она.

— Невозможно. Слишком мало времени. Чтобы провернуть подобное дельце, требуется время, а его как раз у меня и не было. Сами-то подумайте.

— Таксист?

— Вполне возможно. Хотя рискованно. Большая сумма?

— Могла быть большой. В последний момент, я вдруг передумала. Десять тысяч.

Ого! Речь, как я понимаю, идет не о рублях. Забавно. С некоторых пор десять тысяч долларов перестали считать за деньги. Как я все же отстал от жизни! Какие-то шесть лет назад десять тысяч вызывали у обывателя тихое уважение.

— Глупо вышло. И вины вашей здесь нет, — неожиданно покаялась Элла Сергеевна и даже как-то смягчилась — я это почувствовал и по взгляду, что она на меня бросила, и по тому, как затушила сигарету. — Будем считать произошедшее недоразумением. Никакой огласки — лишние пересуды и сплетни. Нанесенный вам ущерб я компенсирую. Вы сильно пострадали?

Торговаться и выпрашивать не имело смысла. Алла Сергеевна и без того поступила благородно — выдала мне наличными премию. Мой, хоть и помятый, нос явно того не заслуживал. Деньги я взял без тени смущения, как и согласился на пару отгулов — поправить здоровье и компенсировать ущерб, полученный на производстве. Вполне законно и без лишних проволочек. И все же мне было интересно. Элла Сергеевна раскрылась с неожиданной стороны.

Я вновь лежал на диване, щелкал пультом и размышлял. Ничего удивительного — если вы набрались терпения и читаете эти строки, вам придется смириться с тем, что я еще не один раз заберусь на свой любимый диван. Я его обожаю, мы с ним сроднились. Несмотря на почтенный возраст, он не скрипит, вполне комфортный и лежать на нем одно удовольствие. Вот, скажем, у Эллы Сергеевны диван поновей будет, а не столь удобный. И сидят на нем все, кому не лень, — посторонние люди. Получается, диван казенный, а здесь — мой личный. Прежде мой диван сутками стоял без работы — никакого преувеличения. Спать приходилось, один бог знает, где и как. Теперь я компенсирую утраченное, следуя афоризму старого и мудрого дедушки Черчилля. Именно он сказал — если имеется возможность не стоять, обязательно садись. А там, где можешь прилечь, без колебаний ложись.

Таксист на первый взгляд не имеет отношения к краже — слишком естественно он себя вел. Да и маршрута определенного не придерживался, несколько раз менял направление, пытаясь избежать пробок. Была ли у него на пути другая возможность купить сигареты? Была. Однако были и сигареты. Последняя — он достал ее и что-то сказал. Что именно — не вспомнить, я как раз смотрел в окно и пропустил его слова мимо ушей. Бандит действовал вполне грамотно. Открыл дверь, двинул в нос и забрал портфель.

Я встал с дивана и сел на стул. Крайне неудобно обороняться, даже если ждешь нападения. Нападения я не ждал — еще один минус. Позвонить что ли? Спросить статистику — должны же они вести учет дерзким нападениям. Если подобные случаи отмечали и прежде, происшествие можно забыть и выбросить из головы. Хотя как раз могли сработать под него. Опять двадцать пять. Сыщик из меня некудышний. Почему Элла Сергеевна отказалась обращаться в милицию? Она же прекрасно знает, что я из этого ведомства, хотя и бывший. Не хочет пересудов? Вполне возможно. Лишняя огласка порой наносит куда больший урон, чем сама кража, верней, грабеж — преступление дерзкое и опасное. А вдруг она решила, что я украл деньги? Она даже не спросила о таксисте. Оставить нападение безнаказанным? Судя по характеру, Элла Сергеевна вряд ли махнет рукой — не такой она человек. Да и люди в ее окружении имеются серьезные, к кому можно обратиться за помощью. А тут мент, и к тому же бывший.

Город действительно изменился. В этом я убедился еще раз, неспешно продвигаясь по проспекту. Едва ли не все первые этажи зданий превратились в лавки и магазины — настоящий пассаж. И все что-то продают. Однако странно другое — народ-то покупает. Значит, деньги имеются. Хотя и в прежние времена деньги водились, уж кому как не мне знать. Вместо скромной кофейни — новый магазин, здесь когда-то у меня было место встречи. Вынужденные помощники, проще говоря, агентура. А вы что думали? Народная дружина? Или аналитический склад ума майора Зорина? Разведка в тылу врага — единственное средство, способное получить информацию. Данный факт как и прежде скрывают. Вот и у меня других мыслей, как тряхнуть стариной, не нашлось.

В баре ничего не изменилось — существуют места, которые прогресс обходит стороной. Все знакомо и радует глаз — те же обшарпанные столы, и светильники, похоже, старые, лишь парень за стойкой незнакомый — новая поросль. Пиво, вероятно, протухшее и горькое, или нет, ошибся — приятно, однако. Минут десять подождем на всякий случай — бывают же иногда приятные совпадения. Либо человек столь крепко привязан к своим привычкам, что не может позволить их изменить. Все же сегодня мой день — мужчина с кружкой пива расцвел лицом и без колебания присел за столик. Он изменился — глаза стали другими, более хитрыми и наглыми.

— Как служба, Анатольевич? Ботинки, гляжу, новые справил. А то, право, неудобно за тебя было. Думал с пацанами что ли поговорить — купить тебе новые.

Вот засранец. С ботинками они ловко когда-то придумали — двое наших попались. Скандал был — весь отдел едва со смеха не умер. Достали где-то хмыри партию добротной импортной обуви. И в качестве презента парням предложили. А остальную обувь распространили бесплатно в иных ведомствах. Прекрасные ботинки, вот только цветом, как говорится, детской неожиданности — за версту увидишь. Нынче данный факт называют коррупцией.

— А ты все шутишь, — усмехнулся я. — Веселый ты парень, Афтондил. На пенсии али как?

— На пенсию, Анатольевич, нынче не прожить — сам знаешь. А чего это у тебя с носом? Уж не перевели ли тебя в ОМОН?

— Старый я для ОМОНа, там парни нужны без живота, а у меня видишь, какой вырос?

— Трудовая мозоль, — согласился Афтондил. — По службе или отдыхаешь?

— Совмещаю одно с другим. Приятное с полезным. А нос мне какой-то урод дверью зацепил. Видно, не знал, что я при исполнении.

— Ай-ай-ай, зацепил дверью — нехорошо. Старшим нужно дорогу уступать и место в общественном транспорте. Вот оно — тлетворное влияние Запада. Дверь по носу и дальше пошел. А нос, получается, государственный. Коли ты на службе, и нос твой на службе. Слушай, я вот о чем тебя давно хотел спросить. Чего ты меня тогда отпустил?

— Так я потом тебя все равно поймал.

— Потом — да, потом поймал, а прежде отпустил.

— Я плавать не умею. Совсем плохо плаваю.

— Обманываешь, Анатольевич, я же знаю.

— А если знаешь, чего спрашиваешь?

— Ловко получилось, я и сам не ожидал. Прыгнул, а уж потом думаю — что же я делаю? Испугался страшно, жду, когда и ты прыгнешь. Гляжу — не прыгаешь. Решил ты по мне, как по мишени, стрелять начнешь.

— Я же не зверь.

— Эх, молодость, молодость, — вздохнул Афтондил. — Сейчас ни за чтобы не прыгнул. К чему? А высота там какая? А течение? Хоть фильму снимай. А вот если бы и ты, Анатольевич, прыгнул — другое кино получилось.

— Специализацию не сменил? — перевел разговор на другую тему я.

— Ты чего! Вся страна на колеса встала. Глянь — видишь, стоит? Триста лошадей и все необъезженные. Могу похлопотать за пол цены. Все честно. Любую. Какую скажешь. Белый верх, черный низ или наоборот. Нынче без машины, как без порток. А ты на общественном транспорте. Не уважаешь ты себя, Анатольевич. А другие — как? Как они тебя уважать будут? Или у тебя белый Мерседес? Видел тут как-то — впечатляет. Рывкнул сиреной, у меня едва мошонка не свернулась. Я к ребятам — такую же хочу. Они мне цену назвали — я подавился. Думаю, что же творится! Пиво — вот оно. Как ты его не назови, оно всегда пиво. А тут — штука зелени. С ума сошли.

— Афтондил, — я уже устал от его болтовни, — мне нужна информация.

— Информация? Никаких проблем. Все, что в наших силах. Вот только как быть с рыночными отношениями? Информация денег стоит. Свежая информация, проверенная — одна цена, с запашком — другая. А фуфло я не предлагаю. Я себя нынче, Анатольевич, уважаю. Прежде согласен — молод был, однако сейчас другое кино пошло.

— Деньги буду хорошие, — заверил я, — за слова отвечаю.

— Слушаю, — Афтондил отодвинул в сторону кружку с пивом, тем самым давая понять, что настроен серьезно.

— Парень, который прищемил мне нос дверью, взял портфель.

— Понимаю, — кивнул Афтондил.

— В портфеле документы.

— Понимаю.

— Их нужно вернуть.

— Документы — твои?

— Без комментариев, к делу это не относится.

— Как это не относится? — возмутился Афтондил. — Как не относится! Мы же серьезный разговор разговариваем. Если документы серьезные, такса одна, а не серьезные — другая. Ты меня пойми, как я буду тему тереть, если не знаю, что в теме? Меня же за фраера примут.

— В портфеле были деньги — десять штук зеленью.

— Вот это другой разговор, — Афтондил стал еще более серьезным. — Сколько?

— Пятьдесят.

— Ты же сказал в портфеле десять штук!

— Пятьдесят процентов.

— Пять тысяч! — возмутился Афтондил.

— Получается, пять, — согласился я.

— А документы сколько стоят?

— Считай, что разговора не было, — отрезал я и сделал вид, что собираюсь уходить.

— Ай-ай-ай, какой горячий! Совсем как я в молодости. А давай мы водочки откушаем

— веселей беседа пойдет.

— Какая водочка, Афтондил? — я выпучил глаза, стараясь придать своему лицу как можно больше возмущения.

— Хорошо! Не надо водочки. Но и горячиться не надо. Давай поговорим как цивилизованные люди.

Он меня уже изрядно утомил, и я сильно пожалел, что ввязался в это дело. Не сказать, чтобы Афтондил был в авторитете, однако следует признать — в курсе многих дел в городе он был. В прошлом занимался машинами. На машине его и взяли. Тогда он спрыгнул с моста. Я — струсил. Ломать себе шею за крепкое рукопожатие начальника и запись с благодарностью в личном деле — перспектива не слишком радужная. Сейчас Афтондил, вероятно, чей-нибудь осведомитель. Иначе трудно объяснить, что он все еще болтается на плаву в темных водах своего криминального бизнеса. На данный факт мне плевать — когда речь идет о деньгах, многие договоренности теряют силу.

— Пять штук не пойдут, — решительно заявил Афтондил. — Никак не пойдут. Ты в доле, я в доле, а как же другие люди? Деньги отдельно, документы отдельно. Я тебе авторитетно заявляю.

— Это твои проблемы, — возразил я не менее решительно. Если не устраивают условия, разговор закончен.

— Семьдесят процентов.

— Пятьдесят пять.

— Шестьдесят пять, — скрипя сердцем, выдал Афтондил.

— Пятьдесят шесть.

— Что ты за человек! — взорвал он. — С тобой невозможно говорить! А если это отморозок какой? Ты подумал? Ты подумал, как мы его искать будем?

— Шестьдесят — мое последнее слово. Я знаю его внешность.

— А что внешность! Еще доказать надо. Твои слова — тьфу. Кто поверит менту! Прости — погорячился. Сам понимаешь, очную ставку организовать не могу, у нас свой базар. Документы — ментовские?

— Нет.

— Уже проще, — смягчился Афтондил. Я так понимаю, ты ни с кем другим не говорил?

— Правильно понимаешь.

— Это важно.

— Я знаю.

— Когда тебя взяли на гоп-стоп и где?

Домой я вернулся несколько усталый — сказалось отсутствие опыта подобных мероприятий. Когда-то я проводил беседы и поинтересней. Иногда много часов подряд — да и возраст дает о себе знать. К чему я взялся за это дело? Хотя, по правде говоря, в успех затеянного предприятия верилось с трудом. Конечно, Афтондил безумно жадный. Не знаю, как сейчас, но прежде за сотню долларов он был готов удавить любого. Обратиться к бывшим коллегам? А к кому, спрашивается, обратиться? Я уже перебрал в памяти не один десяток сослуживцев. Время раскидало многих. Из оперов, кто по-прежнему топтал городские улицы, а не сидел в теплом кабинете, перебирая бумаги, осталось немного. Спасение утопающих дело рук самих утопающих — крылатая фраза и только на первый взгляд вызывает улыбку. Глубокий смысл всей нашей российской действительности. Слова, которые следует высечь на мраморной доске, и водрузить на видное месте.

Вечером я смотрел фильм — ничего достойного, очередной боевик. Однако определенное удивление он все же вызвал тем, что включил я его именно в том месте, где смотрел несколько месяцев назад. Получается, фильм без начала и без конца — помнится, я уснул, и чем завершились страдания героя, не узнал. Чем-то он, бедолага, на меня был похож — его также выгнали со службы, бросила жена, и он, попав в ужасный переплет, был вынужден сражаться и с нашими, и с вашими, и с самим собой. Чрезвычайно популярный у режиссеров персонаж — в меру опустившийся, грубый, но вместе с тем вызывающий непонятную симпатию зрителя. Знаете, что забавно? Как я не крепился, как не старался, все же уснул, так и не узнав, чем дело закончилось. Еще более странное заключалось в том, что я был уверен, месяца через два-три вновь буду смотреть этот фильм и вновь не с начала.

Жизнь холостяка имеет определенные преимущества. Не хочешь убирать — не убирай. Пылью зарастаи, мохом покройся — никто слова дурного не скажет. Ты даже не поймешь, что квартира твоя уже давно превратилась в свинарник. Именно в свинарнике я и проснулся. Гляжу на окружающий мир и медленно понимаю, что этот мир мой. Как же нужно опуститься и не любить себя, чтобы позволить тараканам бегать по сковороде? Они, вероятно, вообразили себя хозяевами в доме и даже не сделали попытки покинуть помещение при моем появлении. Одного наглеца я раздавил пальцем — он до того разжирел, что не сдвинулся с места, когда я давал ему последний шанс. Второй оказался гораздо сообразительней — юркнул и побежал вдоль стола. Я был взбешен. Откуда у меня в доме тараканы? А потом глянул и все понял — горы немытой посуды. Она возвышалась, как небоскребы на Манхеттене, где я никогда не был. Тронь пальцем, и они рухнут, как братья-близнецы. Кран долго просыпался и не мог сообразить, что от него хотят. А как сообразил, издал такой стон, что испугался бы и тамбовский волк.

Конечно, проще было посуду выбросить и купить новую. Вся проблема заключалась в том, что выбросить пришлось бы всю посуду в доме. Два часа я сражался, не покладая сил, без перекура и перерыва — слушал каких-то двух придурков по радио, которые постоянно шутили над страной, над собой, над чертом и дьяволом. Бога они не трогали. Когда у меня не было работы, в доме присутствовал относительный порядок. По крайней мере, тараканы на кухне не бегали. Еще час я боролся с пылью в комнате — откуда она взялась, если последнее время я постоянно на работе? Затем я заметил, что стекла на окнах словно тонированные. Однако силы явно меня покинули — я сел и закурил. К чему я пришел в свои сорок с небольшим? Не скрою, подобные мысли меня и прежде посещали. Но посещали они меня вечерами, а тут утро. А пришел я к одному и неутешительному факту — жизнь моя не складывалась. Что-то в ней пошло иным путем, а когда — я не понял. Проморгал я этот момент, а сейчас уже поздно. Согласен. Мыть посуду и чистить ковер никогда не поздно, а вот начинать сначала — поздно. Да и кто знает, где это начало? Сегодня не мой день — понял я. Если ко мне с утра лезут вздорные мысли, чего ждать к вечеру? Чтобы как-то взбодриться, отправился в баню — обычную городскую баню. Мне там нравится не только тем, что можно от души похлестать себя веником. Не менее приятно слушать болтовню неизвестных тебе людей — порой бывает забавно. Захожу в пустое помещение — все же рабочий день. Скидываю с себя одежду и прямиком в парилку. Какой-то мужик в старой фетровой шляпе истязает себя уже, вероятно, давно — похож на вареного рака, но только с синим отливом. Дверь, — кричит он. Я как могу сражаюсь с дверью, чем вызываю его недовольство. Он пыхтит, хватается ковш и отправляет добрых полведра на каменку. Через секунду волна раскаленного пара заставляет меня сжаться в комок. Мужик удовлетворенно ахает и начинает вновь себя истязать — лупит двумя вениками что есть силы — наверно, профессионал. Замечаю других любителей пара — все, на что они способны, — лишь наблюдать за этим сумасшедшим, который близок к экстазу. Один за другим они вскоре выскакивают из парилки. Я держусь из последних сил, однако фетровая шляпа решает еще добавить пара — ему прохладно. И чего лезут? — жалуется он, — дверь устал закрывать. Ты тоже выходишь? Нет, — отвечаю я, чувствуя, как уши мои сворачиваются в трубочку. Нужно терпеть — я терплю, не представляя, как в этом аду еще можно хлестать себя веником. И вот

так два раза в неделю, — словно прочитав мои мысли, говорит фетровая шляпа. Единственная радость в жизни — березовым веником по городской и пыльной жопе. Вот, думаю, умру — хрен с ним. А как же я там без бани буду? Должна же у них там баня, хоть какая-нибудь, простенькая? Как считаешь? Вряд ли, — говорю, — нет на том свете бани. К чему она? Напрасно, — вздыхает фетровая шляпа. Неужели грязными ходят? А может, предложить — я бы им такую баню организовал! Бани, — продолжаю я, — есть в аду. Как? В аду? — удивляется мужчина, — тогда мне в ад. Я бы и кочегаром пошел. А что — нормальная работенка. С утра до вечера, знай себе, полешки подбрасывай, а в перерыве кури на здоровье. Смотрел тут передачу на прошлой неделе про загробную жизнь. Не видел? Так вот я тебе докладываю. Инкарнация называется. Оказывается, все мы уже однажды жили. Ага. Кто где. А кто и бабой был, а бабы мужиками. Дурдом какой-то. Типа, миссию свою хреново выполнили. Вот ты живешь, а у тебя миссия, вроде задачи имеется. А откуда, на хрен знать, какая она твоя миссия? Жрешь, пьешь, на работу ходишь, а у тебя миссия. Помер, а тебе — погоди. Миссию выполнил? Нет? И вновь, однако на этот раз в другую страну, вроде как для разнообразия. А уж кем быть — мужиком или бабой, как повезет. Повезет — мужиком будешь, а не повезет... как считаешь, вранье?

К жару я уже несколько привык и принялся разглядывать моего нового знакомого. Лет шестьдесят, крепкого телосложения, заросший, словно тайга, живот, уже отмеченная фетровая шляпа и шлепанцы.

— Данная теория не нова, — с видом знатока сообщил я, — теории инкарнации не одна тысяча лет. Еще древние отметили факт дежавю — необъяснимое чувство пережить, якобы уже знакомое прежде состояние. Однако здесь можно поспорить. Некоторые объясняют данный феномен всего лишь генной памятью, которая передается по наследству. Ты чувствуешь, что когда-то чувствовал твой отец или дед. Ничего удивительного здесь нет. Другое дело, воспоминания о прошлом своем существовании. Это уже похоже на мистику. И научного ответа, к сожалению, на данный вопрос не существует.

— А говорил — не смотрел, — возразила фетровая шляпа.

— Читал. Нынче модно писать на жареные темы. Очевидцев найдут, свидетелей, даже тех, кто побывал на том свете, разыщут.

— Про бани они ничего не говорили? Есть там все же бани или нет?

— А вы в завещании напишите, чтобы вам в гроб веник положили.

— И напишу, — без обиды заверила шляпа. — Если бы мне предложили перед смертью исполнить последнее желание, я бы в баню пошел. Смешно? Я мне не смешно — страсть как люблю. У меня сосед за шестьдесят лет ни разу в баню не сходил. В душе своем поплецется и счастья полные штаны. Я ему — дурья твоя голова, ты на свои лекарства денег столько ухлопал, а в бане не был. Это же чистое здоровье! А скоро все бани позакрывают. Я двадцать лет назад негра в бане встретил американского. Он из Америки приехал и сразу в нашу баню. В газете прочитал, что наши бани самые лучшие. Правду, говорит, лучшие. У них там в Америке бань нет. Они там в душе моются, как мой сосед. А знаешь, сколько прежде баня стоила? Тридцать копеек. Как тебе? Это и есть коммунизм. Жили и не ведали, что живем при коммунизме. А много ли человеку нужно? Отвечаю. Если он действительно человек — ничего ему не нужно. В бане помыться и трусы чистые надеть. Все. Ничего ему больше не нужно. Дверь! — заорал диким голосом любитель пара на вновь входящего. — Тебе что, швейцара поставить?

Через десять минут мы продолжил нашу беседу уже вне стен парилки.

— Николай Васильевич, — представился он и снял шляпу. — Пить воду не рекомендую. Вреда, конечно, никакого, однако организму следует помочь. Он, понимаешь, работал, себя в порядок приводил, а ты в него очередную порцию какой-нибудь отрывы. Дай ты ему остыть, дух перевести, а ты в него пива. В чем смысл? У меня, брат, на сей счет своя теория, проверенная на практике. Я тебя прежде не встречал? Память у меня только на цифры худая, а на лица — ого-ого. Как сфотографировал. Так о чем мы говорили?

Вот за это я баню и люблю. Встретить какого-нибудь папашу, у которого одна радость в жизни. Мы еще поболтали, хотя говорил по большей части Николай Васильевич. Если и задавал он вопросы, то сам на них и отвечал — прекрасный собеседник. Говорил он об обыденных вещах, но с каким-то вдохновением — садись и записывай. Мы еще раза два сходили в парилку, где он тут же преображался — брал инициативу в свои руки и делал все по науке. Возражать никто не пытался. И в завершении мы испили прекрасного горячего чая — Николай Васильевич припас на сей счет термос. Из бани я вышел другим человеком — от хандры не осталось и следа. Чудесным образом преобразился и мир вокруг меня, если и не хотелось мне петь, то лица прохожих явно стали добрей.

И вот я опять на своем любимом диване. Сладкая истома и никаких мыслей — одно блаженство. Вот так бы и жил. С утра в баню, ни к чему не обязывающий разговор с очередным Николаем Васильевичем, легкий променаж и в койку. Утверждают, что лень порок. Я с этим не согласен. От ленивого человека никаких проблем. Ему просто лень создавать проблемы. Лентяи и лодыри — чрезвычайно полезные для общества люди. Им на все наплевать. Прежде я таким не был, и вдруг однажды понял, что суэта и излишняя активность меня утомляют. Всегда я куда-то спешил. Спешил стать взрослым, самостоятельным, спешил жениться, спешил развестись. Мне катастрофически не хватало времени, мне не хватало рабочего дня, не хватало отпуска — мне всего не хватало. И что? Оказался у разбитого корыта, когда наконец можно не спешить. Я прибежал туда, откуда когда-то отправился в путь. Только прибежал изрядно потрепанный и усталый. Начать с начала?

Телефон у меня звонит крайне редко. Иногда он вообще не звонит — данный факт меня особенно не беспокоит. И стоит телефон в моей квартире скорее как вынужденная связь с человечеством и дань времени. Ну никак без телефона сегодня не обойтись, хотя сам аппарат — древний, произведенный двадцать лет назад. И цена имеется — двадцать девять рублей. Цвет жуткий — оранжевый, как прежде говорили — пожарный.

Телефон звонит — напоминает о своем присутствии довольно визгливым голосом. Интересно, кто это может быть? Кому в голову пришла идея мне позвонить? А вдруг это Элла Сергеевна? Решила узнать о моем здоровье, а заодно немножко поболтать. Подобная мысль придает мне силы, я поднимаюсь со своего любимого дивана. Алло, — говорю я, пытаюсь вложить в голос больше душевного тепла.

— Скворцов — это ты?

Идиотское начало для разговора. К чему говорить Скворцову, что он Скворцов? Во всем мире подобный вопрос может задать только один человек — моя бывшая. За все годы совместного брака я так и остался Скворцовым. И фамилию свою девичью она сохранила — знала наперед, что придется разводиться. К чему лишние хлопоты? К чему менять документы, собирать справки и стоять в очередях?

— Ну? — отвечаю я.

— А чего это голос у тебя вроде как радостный сначала был? — спрашивает она.

— В баню ходил. А сейчас лежу на диване. И так мне хорошо лежать — никто не мешает, не дергает, не пристаёт, глупых вопросов не задаёт... я наконец узнал, что такое счастье. А до этого навел в доме порядок и подумал, а не сделать ли мне ремонт?

— Как — ты так и не сделал ремонт? — удивилась она. — Скворцов, по тебе ещё тараканы не бегают?

— Одного я сегодня убил. Вторым позорно бежал, — признал я. — Как поживает твой очередной муж? Забыл — как его?

— Как поживает? Вот у него и спроси. А я прекрасно поживаю, чего и тебе, Скворцов желаю. Я к тебе по делу.

Ещё бы! Не на свидание же она меня приглашает, ведьма коварная. Три месяца не звонила — хоть ты сдохни. Скоро забудет, как я выгляжу. На улице встретит и мимо пройдёт — не узнает.

— Скворцов, я тебе работу нашла.

Ха! Она мне нашла работу! Пусть скажет кому-нибудь другому. Нашла она мне работу! Это надо же такое придумать! Поди, дырку где-нибудь нужно заткнуть, и лучшей кандидатуры, чем Дима Скворцов не нашлось.

— Это все? — спрашиваю холодно.

— Не хаами, Скворцов! Если у тебя скверное настроение, это ещё не значит, что человеку можно хамить.

Она — человек? Она — ведьма. Обвела вокруг пальца, попользовалась и бросила. Так же она поступит и со своим новым муженьком — как его? Наивный идиот. Какая любовь, когда бабе под сорок? А-а-а-а, понимаю, это у него пионерская любовь проснулась, так сказать, напоследок бес в ребро.

— Дорогая моя, — вложив сто пудов иронии, продолжил я, — чрезвычайно тронут твоим вниманием. Твоя забота не знает границ. Однако ты опоздала — я уже давно работаю.

— Где? Где ты работаешь?

— Не твоё собачье дело, радость моя. Где хочу, там и работаю. Прекрасный коллектив, отзывчивые люди, достойная зарплата — я купил себе новые ботинки. Меня ценят, уважают, два месяца не беру капли в рот — даже пива. Сегодня в баню ходил. С Николаем Васильевичем пили чай — он меня угощал. Думаю, сделать ремонт. Найду мастера и обязательно сделаю ремонт. И посуду новую куплю.

— Скворцов, ты пьян?

— Я пьян от счастья, что на меня свалилось. Я прожил сорок лет и не знал, что такое счастье. А теперь я знаю. Все?

— Нет, не все. Где ты работаешь?

— Не твоё дело.

— Ах, какие мы секретные! Скворцов, уже завтра я буду знать. Слышишь? Завтра! И как тебе не стыдно! Ты обо мне подумал? Ты подумал, как мне будет неудобно перед людьми? Я договариваюсь, унижаюсь, а он — пошла вон! Ты всегда таким был — эгоист. Всегда думал только о себе. Скворцов, лучшие свои годы ты прожил со мной. Кто такой Николай Васильевич?

— А хрен его знает! Хороший мужик, мне этого достаточно.

— Событьи́льник он!

Мне стало весело. Когда она злится, мне всегда весело — я ловлю кайф.

— Ты новости смотришь?

— Да мне плевать, какая погода будет в Рио-де-Жанейро! Я чихать хотел на голубые фишки и баррель с нефтью. Мне безразлично, кто будет следующим президентом Соединенных Штатов, и кто войдет в шот-лист национального бестселлера!

— Скворцов, ты определенно пьян!

— Дыхнуть?

И я дыхнул — отвел трубку в сторону и дунул, что было силы. А когда вновь приложил к уху, услышал лишь гудки — она повесила трубку.

Ничего не скажешь — содержательный разговор. Прожить с человеком более десяти лет и быть не в состоянии отличить — пьяный он или нет. Эгоист. Да, я эгоист. А вы найдите сегодня не эгоиста. Время поэтов и романтиков закончилось. Я вновь принял горизонтальное положение — лежал на своем диване. Заботливая какая. Знаем мы вашу заботу — проходили. Увольняюсь, — говорю и слышу в ответ — увольняйся. И ни одного вопроса. Ни единого! Я, помнится, опешил — а не ослышался ли я? Или она столь безразлична к моей судьбе? Мужик собрался увольняться с работы и просит совета. Ты спроси, поинтересуйся, сделай вид, что озабочена. Тьфу и вспоминать не хочется — слишком болезненно.

Телефон вновь запричитал — видно, одумалась или решила закончить разговор на оптимистической ноте, когда последнее слово за ней.

— Ну что — убедились? Пьяный в жопу! — с места в карьер начал я.

— Это квартира Скворцова? — женский голос, явно не принадлежащий мой бывшей супруге. — Дмитрий Анатольевич, это вы?

Ну вот, так всегда. Обделался на ровном месте.

— Простите за беспокойство, — сказал голос, — я, кажется, не во время.

Мне стало дурно. Это же Элла Сергеевна!

— Все в порядке. Небольшое недоразумение, — предпринял неуклюжую попытку большой дипломатии я, — звонила до вас одна особа, мы повздорили.

— Жена?

О женской пронципальности я и прежде знал, поэтому мало чему удивился.

— Как вы себя чувствуете?

Вопрос хотя и дежурный, однако ответил я на него с большим удовольствием. Рассказывать о том, как мылся в бане с Николаем Васильевичем, я, конечно, не стал — ограничился такими же дежурными фразами, добавив теплоты в голосе.

— Дмитрий Анатольевич, я по поводу происшествия. Не хотела вас беспокоить, но тем не менее беспокою. С вами хотят поговорить люди. Я все-таки решила не оставлять дело, как оно есть — без последствий. Слишком дерзким было нападение. С вашего согласия я дам ваш номер телефона. Вы не против? Они все объяснят. Думаю, вас не затруднит с ними встретиться? Еще раз извините за беспокойство. Если есть просьбы или нужна какая-нибудь помощь, не стесняйтесь — звоните. Запишите номер моего сотового.

Я записал и вновь отправился на диван — там думалось лучше.

С вами хотят встретиться люди... знаем, какие это люди. Верней, догадываемся. Большого ума не требуется — Элла Сергеевна организовала свое собственное расследование. Ну что — она права. Украли документы, деньги. Что именно за документы и какая сумма — я не знал. Верить на слово — уже давно не верю. Рассказывать мне не о чем, вряд ли смогу добавить что-нибудь новое. Желают на меня посмотреть? Посмотрим. Они на меня, я на них — к взаимному интересу. Получается, на охоту выходит еще одна компания.

Сию в сквере как в былые времена. Жду — не спеша, покуриваю и поглядываю по сторонам. Мне позвонили буквально через десять минут после разговора с Эллой Сергеевной. Спросили, как удобно. Мне удобно в сквере — они согласились. Опаздывать я не люблю — дурной тон. На часы не смотрю, и без того знаю: в запасе у меня минут десять. Хорошее место, вроде и уединенное, и до центра рукой падать. Сквер замечательный. Когда-то здесь была непролазная глухомань. Иногда находил пустые бутылки, в основном из-под портвейна. А сейчас кусты вырубил или они погибли, остались лишь деревья. Траву постригают редко — как-то видел одинокого газонокосильщика со стримером. Хорошо еще скамья сохранилась — одно время варвары громили все подряд, и никому не было дела.

А вот и друзья Эллы Сергеевны. Их двое — молча идут по аллее в моем направлении. Один постарше меня будет, а второй, наоборот, слишком молод. Я уже знаю, с кем придется вести разговор, вернее отвечать на вопросы. По вопросам и определим, насколько они профессиональны.

— Вадим Анатольевич?

— Дмитрий Анатольевич, — поправляю я.

— Простите. Вы уже в курсе, поэтому сразу приступим к делу. Ваше мнение?

— Мое мнение? Вы о чем?

— Как о чем? Вы же бывший сотрудник. Вот ваше мнение и интересует. В двух словах, пожалуйста. Как считаете, это случайное нападение или оно планировалось?

— Все случилось достаточно быстро, — ответил я. — При любом раскладе нападавший действовал решительно и быстро. Думаю, делал он не в первый раз. Тактика, основанная на внезапности, все решают секунды.

— Внешность, пожалуйста. Возраст, особые приметы, может быть, особенности поведения.

Когда-то подобные вопросы задавал я. Забавно. Теперь меня спрашивают, и я отвечаю. По всей видимости, разговор фиксируется на диктофон — мужчина слушает как-то с ленцой, а второй и вовсе казался безразличным к происходящему. Его, похоже, разговор совсем не интересовал. Тогда к чему он здесь? И что ему нужно?

— Элла Сергеевна о чем-нибудь еще просила вас? Может, на словах передать, либо еще?

— Нет, только отвезти и вручить документы. Такси она вызвала сама, адрес написала.

— Адрес сохранился?

— То есть? — не понял я.

— Бумажка, где она написала адрес, сохранился?

— Он был на папке. Стикер. Она написала и прилепила на папку. Небольшой листок бумаги, желтый такой.

— Понятно. Она говорила, что кроме документов в портфеле находятся деньги?

— Сначала — нет. Уже потом, когда мы сидели в кабинете, она призналась и сумму назвала — десять тысяч долларов.

— Удар был профессиональным?

— Грамотный удар — я его не видел вообще. Чистый нокаут. Бил без размаха.

— Как думаете, почему она вас попросила об услуге? Почему не отвезла сама?

— А что необычного в том, чтобы передать документы? — вопросом ответил я. —

Человек спешит, торопится — две встречи на одно время.

— Так сказала Элла Сергеевна? Или это ваши предположения?

— Она попросила отвезти документы, сказала — спешит. Вызвала машину, написала адрес.

— Мы сейчас покажем вам ряд снимков, — мужчина несколько оживился. — Посмотрите внимательно.

Он обернулся к напарнику, который протянул цифровой фотоаппарат.

— Его здесь нет, — пару минут спустя заявил я.

— Водитель такси мог видеть нападавшего?

— Вряд ли. Если только, когда тот убегал.

— Почему убегал?

— Или уходил. Не цепляйтесь к словам, скажем так — когда грабитель покидал место преступления.

— Водитель вел себя естественно? Ничего странного в его поведении не заметили? Может, нервничал? Или, наоборот, шутил?

— Все выглядело обычно.

— Дмитрий Анатольевич, вам как бывшему сотруднику не обидно?

— Без комментариев. И на старуху бывает проруха, — ответил я.

Мужчина улыбнулся.

— Документы мы обязательно найдем. И деньги тоже.

А кто против? Ищите, господа, бог в помощь — что можно сказать, я сказал. Так себе сыщики. Еще неизвестно, кто кому экзамен сдавал. Любой обыватель, начитавшись детективов, в состоянии провести расследование. Не похожи они на моих коллег, и на других не похожи. Тот, что моложе, изнывал от скуки, чего и не скрывал — всякий раз пялился на молодых девчонок, что проходили рядом. Второй явно исчерпал свои вопросы, иначе к чему напоминать о моем прошлом, да еще в такой форме?

Тут заиграла музыка — тысячу лет не играла. Я даже не понял — чей телефон звонит. А потом сообразил и полез в карман.

— Анатольевич, что происходит? — на линии был Афтондил. Существуют люди, которые никогда в жизни не прибегают к вводным словам и предложениям. Более того, они почему-то уверены, что вы должны быть в курсе их дел и разговор начинают где-то с середины.

— Я тебе перезвоню, — отрезал я и выключил трубку.

Простился я с друзьями Эллы Сергеевны по-английски. Они не соизволили даже кивнуть на прощание — ушли, как и пришли в том же направлении, откуда и появились. Не понравились они мне — слишком надменные, чрезмерно о себе высокого мнения. Плевать — я лишь выполнил просьбу и ответил на вопросы.

— Что случилось? — спросил я, услышав знакомый голос с хрипотцой.

— Что случилось? — Афтондил задышал как паровоз. — Это я тебе хочу спросить, что происходит! Ты же говорил, в теме только ты и я. Был такой разговор?

— Ну?

— Ты бы еще объявление в газету дал, — продолжал бушевать он.

— А что — дельная мысль, — согласился я. — Пропали документы, прошу вернуть за вознаграждение, которое вас приятно удивит.

— Нашел я этого типа, — выдал Афтондил. — Документы есть, а денег нет. Десять тысяч с тебя, дорогой.

— Какие десять! Ты что — охренел? Я тебе должен пять шестьсот.

— Ай-ай-ай! Что ты за человек? Почему такой жадный? Почему слово не держишь? Пять шестьсот? Хорошо, давай свои пять шестьсот. Через час годится?

Еще со школы знаю — люди делятся на флегматиков и холериков. Все отличие в темпераменте и способности быстро соображать. Я, вероятно, флегматик, хотя веду себя порой как раз как холерик — бываю слишком импульсивным. Однако в любом случае понял — кажется, я сел в лужу. Кто бы мог подумать, что Афтондил найдет документы столь стремительно? Сколько прошло времени? А деньги мне откуда взять? Пять шестьсот в долларах. Конечно, для одного сумма незначительная — ему всего и требуется, как подойти к столу и выдвинуть ящик. А у меня — ни то, что денег, так и стола никогда не было.

— Через час не получится, и через два не получится — только завтра. Я сегодня ужасно занят — цейтнот. И что за шухер? Чего ты так переполошился?

— Документы ищут еще какие-то люди, — сообщил Афтондил, — как думаешь, может, мне им отдать? Премииальные неплохие обещают.

— Думаю, тебе оторвут голову — не будь жадным, Афтондил. Десять тысяч плюс пять шестьсот — получается неплохая зарплата.

— Ай-ай-ай! Не веришь? Афтондил решил обмануть... нехорошо, не по-товарищески. Нет у него денег! Слышишь? И никаких денег в потфеле не было. Когда завтра?

— Я позвоню.

— Только потом не говори, что у тебя сел мобильник, — пригрозил Афтондил.

Ну и дела! Чего, спрашивается, я вздумал поиграть в сыщика? Пять шестьсот — не шутка. И где мне их взять? Обратиться к Элле Сергеевне? Если она легко рассталась с десятью тысячами... попросить еще пять с половиной, а затем ей документы и продать еще штук за пять? Афтондилу верить нельзя, и Эллочке нельзя, нынче никому нельзя верить. Пива что ли купить?

Результаты прогресса на лицо. Сегодня пиво можно купить всюду. Иногда у меня складывается впечатление, что наша страна — большая пивная бочка. Пьют все и всегда, только я не пью или крайне редко.

— Привет, — сказал я. — Какую работу ты мне нашла?

— Скворцов, ты — ничтожество. Если провести всероссийский конкурс ничтожеств, ты займешь первое место, — ответила моя бывшая.

— Не льсти, насчет первого места не знаю, хотя в тройку призеров войду. Мне нужны деньги.

— Ему нужны деньги! А как же прекрасный коллектив, отзывчивые люди, достойная зарплата? Или тебя перестали уважать? Могу поспорить — сидишь в каком-нибудь притоне и пьешь пиво. Я права? Скворцов, только честно — я права?

Она была права.

— А как же Николай Васильевич? Спроси у него, он же хороший мужик.

Вот стерва! Все помнит. Я забыл, а она помнит. И через сто лет вспомнит — память у нее, дай бог каждому — ведьма.

— И сколько тебе нужно денег?

— Пять с половиной тысяч в долларах.

— А почему не в евро? — ее иронии, казалось, не будет конца и края.

— Спроси у своего мужика... как его?

— Скворцов, ты даже не можешь запомнить, как зовут моего мужа! Ты вообще ничего не помнишь. Ты никогда не назвал меня по имени. Ты — эгоист. Нет у меня для тебя денег, Скворцов.

Врет. Я отлично знаю, когда она врет, а когда говорит правду. Сейчас она наглым образом врет. Издевается и меня воспитывает. Еще что ли пива купить? И тут у меня вдруг разболелся нос, словно меня вновь двинули! Чертовщина какая! А чертовщина и была — через окно я увидел громилу. Он стоял на переходе. Как хорошо, что я не заказал еще пива — в противном случае пришлось бы его бросить. Из пивной я вылетел вовремя — зажегся зеленый. Вот так удача! Все разворачивается в рамках детектива, — пришла в голову мысль. Быть филером мне как-то приходилось по службе — ничего особенного в этом занятии нет. Все мы когда-то произвольно выслеживали. И вдруг другая мысль — более тревожная. Я, кажется, забыл в пивной телефон! Точно. Он остался лежать на столе — царский подарок для забулдыги. Через десять минут его продадут и пропьют — я бы точно пропил. Поэтому типа я возненавидел вдвойне — у меня возникло желание в первой же подворотне проломить ему голову. Подойти и без всяких объяснений двинуть чем-нибудь тяжелым, как в свое время он поступил со мной. И телефон забрать. А что это даст? Кроме мимолетного удовлетворения — ничего. Однако и вести беседу с такими кретинами глупо.

Я продвигался как туча — мрачный и решительный, впрочем, не упуская громилу из вида. Он ни разу не оглянулся — все правильно. Как часто мы смотрим назад? Мы и впереди себя ничего не замечаем, погруженные в свои мысли.

Что я имею? Кроме неприятностей и проблем — ничего. Мне дали в нос и украли какие-то документы — я не имею о них ни малейшего представления. Пропали деньги или их не было — еще один вопрос. Дурит меня Афтондил, а вместе с ним и Элла Сергеевна — я не знаю. Откуда мне взять пять с половиной штук, и что делать с громилой? На телефон мне плевать — он мне не нужен. Как мне позвонит Афтондил? Я сам ему позвоню из автомата — не проблема. Вот только что мне делать с громилой?

Через тридцать минут я сидел в каком-то дворе и курил. Громила зашел в парадную. Рисковать и бегать по этажам я почему-то не отважился — это только в кино можно безопасно определить, в какую квартиру зашел интересующий тебя объект. Погода, похоже, начинала портиться — небо затянуло. Мокнуть под дождем в мои планы не входило, я был вынужден войти в ту же самую парадную. Где-то наверху хлопнула дверь — я был уверен, сейчас нос к носу столкнусь с ним. Он что-то насвистывал — какой-то мотив и совсем недурно. Ты не должен думать, — слышу я, — ты должен бить. На мне мокрое от пота кимоно — тяжелое и неудобное. Сейчас меня будут бить — это называется рукопашный бой. Дважды в неделю — во вторник и в четверг с шестнадцати до семнадцати. Когда-то должен наступить и мой черед. Бью ногой туда, куда мужчину бить не полагается, затем в нос рукой — думаю, наставник мой был бы доволен. Громила валится, что-то падает. Портфель! Хватаю и бегу, что есть сил. Уже знакомый дворик. Вижу каких-то детей — они играют. Теперь я детей не вижу. Еще пару минут и голова моя взорвется. Выхожу на проспект, шагаю в троллейбус. Двери закрываются.

Дома я первым делом сходил в туалет, приспичило еще в троллейбусе — давно не пил пива. Диван меня принял, как старого знакомого — распахнул свои объятия и не скрипнул. Лежу и смотрю. Что может быть в нем — в этом чужом портфеле? Грязные носки и такая же грязная рубашка? Пачка сигарет, записная книжка или замусоленный кошелек? А вдруг там

деньги — десять штук, перехваченные резинкой? И на каждой купюре — американская знаменитость, а на обратной стороне — «мы верим в бога». А вот верит ли Он в нас?

С богом у меня отношения непростые. Где-то в квартире должна быть... нет, не икона, а крохотная деревянная фигурка Будды. Не знаю, как она появилась. Я знаю, что Будда в отличие от Христа не спустился с небес. Конкретное историческое лицо, древний философ, основатель не менее древней религии. Когда я беру в руку фигурку, иногда мне кажется, что Будда улыбается. Конечно, вздор. Как он может улыбаться? Никаких жертвоприношений, истязаний, ритуалов и великих сановников — для своего времени революционное учение. Вновь звонит телефон, и я знаю — кто. Это она, спорю на что угодно, звонит моя бывшая. Впервые думаю — брать трубку или не брать? Пустые разговоры мне уже надоели. Слушать язвительные замечания и советы встать на путь исправления — тем более.

— Да? — говорю я, когда телефон не может утомиться несколько минут.

— Сколько тебе нужно денег?

Вероятно, в мире что-то произошло. В Рио-де-Жанейро все же выпал снег. Прекратили качать нефть — она теперь никому не нужна. Новым президентом Соединенных Штатов избрали выходца из бывшего Советского Союза. И главное — наконец я стал лауреатом национальной премии в области литературы.

— Как зовут твоего мужика?

— Вадим.

— Не плохо. Вадим, Дима, — ты не повторяешься? Наверно, он похож на меня? Или я на него?

— Почему не отвечаешь на звонки?

— Потерял телефон. Я его забыл, и знаешь — где? В пивной. Ты права — я сидел в пивной и пил пиво. Потом встал и забыл. Как можно забыть телефон? Представляешь — можно. Когда у тебя в голове бардак, можно забыть все что угодно. Вадим. Хорошо я запомню. Мне нужно пять с половиной тысяч долларов. Много? И для тебя много. Я их тебе никогда не верну, поэтому можешь забыть. Не бойся — я еще не сошел с ума. А с работой действительно никаких проблем. Я работаю продавцом в магазине. Смешно? Тебе смешно? Нормальная работа — не всем звезды зажигать. Кто-то должен ходить по земле, вот я и решил — буду ходить по земле.

— Дима, что с тобой происходит? — спросила она. Спросила, словно меня ударила. И почему вдруг «Дима»? Я вдруг испугался, что у нее есть деньги и она готова их мне отдать.

— Ничего не происходит. Со мной ничего никогда не происходит. Со мной случается — почувствуй разницу. А он кто — твой Вадим? Надеюсь, не бизнесмен?

— Бизнесмен.

— И деньги водятся?

— Водятся. Ты должен с ним встретиться и объясниться. Он нормальный мужчина. По крайней мере, даст тебе совет.

Уже проходили. Давать советы и воздух портить — что может быть легче? Я сам когда-то столько советов надавал — ни одного не помню. А давал едва ли не каждый день. Взгляд мой приземлился вновь на портфель — а вдруг там документы? Как возможный вариант, как один процент на сотню? Бредовая мысль — совсем плохая. Документы у Афтондила. Он их выкупил у громилы за двести долларов — нормальная такса. Почему я боюсь подойти и портфель открыть? Что я там должен увидеть?

— У Вадима какой бизнес?

— Юридические услуги.

— Мне нужны деньги, а не услуги — напомнил я, — пять с половиной тысяч.

— У тебя неприятности?

— Я дал слово.

— Поэтому тебе необходимо встретиться с Вадимом. Я не могу его обманывать. Мне будет противно — понимаешь?

— Подожди минутку, — портфель начал меня раздражать. Все время нашего разговора он продолжал мусолить мне глаза. Я подошел и его открыл — этот проклятый портфель. Он был пуст — ничего в нем не было. Даже грязных носков — пустой как барабан. Я смотрел и ничего не понимал. А затем начал хохотать. Сначала понемногу, едва-едва, а потом все громче и громче. Какой же я идиот! Нет, я не идиот, я — кретин. Я ударил постороннего, не имеющего к делу отношения человека — случайного прохожего. Ничего удивительного — в парадной было темно.

Девушка была молода и хороша собой. На меня она потратила совсем немного времени — минут пятнадцать. Все она делала правильно, как, вероятно, учили. Новый телефон — я еще не знал, нравится он мне или нет. Нравилась цена — такие обычно покупают старикам — пенсионерам. Нажмешь кнопку — звонит, другую нажал — выключил. Плевать. Мне было абсолютно все равно — какие в нем заложены возможности. Мне был нужен телефон, а не компьютер — маленький, удобный и неприхотливый.

— Кто это? — спросил Афтондил.

— Милиция, — ответил я и стал ждать.

— Какая еще милиция? Ты что — шутник? Ты шутки любишь? Ты знаешь, кому звонишь?

— Документы у тебя? — обрезал я.

— Какие документы? Кто это?

— Да я это! Неужели не узнал? Скворцов.

— Какой еще Скворцов?

У меня возникло опасение, что я и в самом деле ошибся. Афтондил и вовсе не Афтондил, а черт знает, кто, но голосом похожий.

— Анатолевич — ты? А чего номер незнакомый? Или у тебя телефон-неделька? Помнишь, трусы продавали, неделька назывались? Каждый день — новые трусы.

— Какие трусы! Афтондил! Документы у тебя?

— Я за себя отвечаю. Слушай, тебе мерин не нужен? По цене договоримся, можно и кредит. Сегодня нарисовался — человеку деньги нужны. За товар отвечаю. Совсем новый. А что — сядешь, поедешь куда-нибудь типа в отпуск. Или на море. Десять литров на трассе. Я бы и сам взял, но у меня такой уже есть. Или ты предпочитаешь, как все — на автобусе? Я же забыл — у тебя льготы! Типа безвременный проездной на все виды транспорта. Давай через час на прежнем месте — я на нем приеду. Ах, какой красавец, совсем другим человеком будешь.

Вадим оказался совсем не тем, кого я ожидал встретить. В глубине души я рассчитывал увидеть себя в молодости. Скромная контора, хотя не без антуража. Клиент должен почувствовать, куда он пришел. Переступив порог, он уже должен знать, а не ошибся ли он адресом? Первым делом я утонул в диване — он был огромный и холодный. Даже через штаны я ощутил его холод — как бы простатит не заработать. Вот здесь клиента и начинают обрабатывать. Еще никого нет, еще не появился секретарь — томная дама на ходулях, похожая на вампира, а ты уже готов — мысленно отстегиваешь кровно заработанные всего лишь за консультацию. Я закинул ногу на ногу — классные у меня башмаки. Они словно «Ролекс» на руке, а небритая рожа нынче в моде. Пиджачок так себе — еще ничего.

— У вас назначено?

От вампира пахнет дорогими духами. Свои ходули она передвигает, словно они у нее какие-то особенные — не земные, что ли? Сколько же она грохнула на своей имидж — вероятно, я бы на эти деньги безбедно прожил полгода. Где их всех учат вертеть своим задом? Хотя сам зад с кулачок — хлопнешь и промахнешься. У меня назначено, поэтому я в полной мере желаю получить удовольствие — гляжу, как вампир исполняет свое дефиле. Наконец удовлетворенно крякаю и направляюсь в указанном направлении. А вот и Вадим —

Вадим Николаевич, нынешний муженек моей бывшей супруги. Интересно, как он ее обнимает? А спит — как? С левой стороны или с правой? Я спал справа — у окна. И мне вечно в глаз светила луна. Я закрыл газетой — не глаз, а луну — прилепил на окно. А тут жалюзи — Вадим Николаевич с ними играет. Я не возражаю — сажусь в кресло и напускаю на себя серьезный вид. Несерьезные сюда не ходят, несерьезные сидят дома. На месте Вадима Николаевича я бы послал меня куда подальше, а может, еще дальше — мест хватает. На Вадиме костюм от Версаче. Или тот на женщинах экспериментировал? Не важно. Смысл именно такой, какой — вы поняли. Стрелки на брюках — можно порезаться. Утюг я не помню, когда держал в руках. И главное его предназначение — приложить к голой заднице. Новое применение нынешнего столетия. Приложить и спросить — где деньги, Зин?

Не сказать, чтобы ирония переполняла меня, однако чертовски хотелось закурить — хоть слегка испортить воздух. Однако у Вадима Николаевича не курят, и сам он не курит — он думает, с чего начать разговор. И согласился принять меня в силу вынужденных обстоятельств. Когда ты женишься, тебе в нагрузку достается многочисленная родня. Я — нагрузка, списанные в утиль отголоски прошлого. Время от времени они заявляют о себе, ухудшают аппетит и чрезвычайно вредны для пищеварения. Интересно, когда Вадим Николаевич вечером ужинает, он чавкает? Я чавкал — не мог разжевать макароны, что слиплись у меня во рту. Прекрасное было время — я сидел и даже не замечал, чем занят.

Я придвинул кружку пива и глотнул. Наверно, Вадим Николаевич пива не пьет — он и без того полный. Он пьет дорогой коньяк — рюмочку на ночь в целях профилактики. Или виски с друзьями. Что это был за разговор? В худшем сне не приснится. Пытка для обоих. Не знаю, кто из нас в большей степени страдал. Наверно, страдали оба — я и Вадим Николаевич. Он был должен мне помочь, а как именно — не знал. В подобных случаях суют деньги и с кислой миной на лице проводят до дверей. Но вы попробуйте сунуть пять с половиной тысяч! Отдать какому-то оборванцу, пусть он и бывший супруг твоей жены. В общем, он красиво говорил — речь у него оказалась на удивление правильная. Подобную речь сейчас вы не встретите ни в одном романе — я заслушался. Сидел и слушал, как он говорит. Наверно, в школе у него по русскому языку была пятерка, и он скрупулезно учил все правила. Он прекрасно знает не только грамматику, но и много того, чего я не знаю. Затем он учился в университете, принимал участие во всех значимых мероприятиях, получал повышенную стипендию и был уверен, что станет преуспевающим юристом. А когда он им станет, получит все, что не получил в юности. И женщину он получит любую. Не важно, замужем она или нет.

Я еще раз глотнул пива — бедный Вадим. Потратить на меня драгоценное время, где каждая минута, считай, не один доллар. А я у него их ворую — сижу и ворую. Афтондил задерживался. Он и прежде не отличался пунктуальностью. У меня тысяча долларов. Они здесь, в моем кармане. Я их даже не считал. Мне их передал Вадим Николаевич. И расписку я написал, как он и сказал, слово в слово. Не густо, конечно, а куда денешься? Лучше тысяча, чем ничего. А если Афтондил меня обманет? Никто кроме Эллы Сергеевны не знает, какие в папке были документы и были ли они вообще. Я тяжело вздохнул — подъехал Мерседес. Красавец — Афтондил не обманул. Обманул я.

В следующее мгновение на меня обрушился мир, хотя первым вылетело окно. И если бы не столик, что долбанул меня в грудь, вероятно, это был бы мой последний день на этом свете. Как гремит взрыв, я прежде слышал — возили на полигон снаряды, что обнаружили

строители. Но это было давно, да и стояли мы на безопасном расстоянии. Здесь же я ощутил чудовищный жар и грохот — взрывная волна прошла сквозь меня. Оглох я на левое ухо — принялся ковырять пальцем. Лежу на полу в осколках битого стекла и ковыряюсь в ухе. Затем на меня наезжает перепуганное лицо. Что? — говоря я. — Не слышу! Громче, ничего слышу! — А потом понял — живой, — кричу, — только ничего не слышу.

Короче, Афтондила взорвали. И Мерседес тоже. То есть Мерседес как раз и взорвали, а вместе с ним Афтондила. Смотреть, что осталось от Афтондила, я не пошел — не до того было. Тут, конечно, народ набежал — воду суют. Нет, чтобы пива предложить? Минут через двадцать приехали медики, мои бывшие коллеги и прочая заинтересованная публика. Какой-то ублюдок умудрился меня сфотографировать — тычет в рожу фотоаппаратом. Может, и репортер, а может, и зевака обыкновенный. Я его послал — сказал что-то в нецензурной форме. Несмотря на все сопротивление, меня уложили на носилки, а тетка в халате укол сделала — вогнала кубика три какой-то гадости через штаны. И мне вскоре стало очень даже неплохо — захотелось спать. И я заснул.

Приснился мне Афтондил — злющий, как черт! С тобой невозможно делать дела, — кричит он. — Ты меня надул! Мы же договаривали на шестьдесят процентов! А ты сколько принес? Афтондил, — говорю, — к чему тебе деньги? Ты что — дурак? Какие шестьдесят процентов — тебя же убили. Ты еще не понял, Афтондил, но тебя взорвали. И Мерседес твой взорвали — тебя нет. Как нет! Ты что несешь? — кричит он.

Вот такой сон. А может, и не сон. Возможно, Афтондил и в самом деле не понял, что умер. Когда ты дряхлый старик и знаешь, что дни твои сочтены, либо страдаешь от смертельного недуга, тут все понятно. Но когда полон сил, и тебя убивают — ситуация, полагаю, несколько иная. А характер у Афтондила горячий, переубедить в чем-то практически невозможно. Да и как сказать, что он умер?

Вы давно были в больнице? И не ходите — я вам не советую. Привезли меня, вероятно, в городскую — положили в коридоре и куда-то ушли. Обед у них, что ли? Лежу — мужик какой-то подошел. Видно, из пациентов — в спортивном костюме и кроссовках. Я уже давно обратил внимания на интересный факт. У нас в больницах пациенты через одного ходят в спортивных костюмах — словно здесь школа олимпийского резерва. Закурить, говорит, нет? Вопрос я понял только с третьего раза — три кубика оказалось для меня многовато. Оглох? А голый почему? — спрашивает мужчина. Точно! Смотрю — я же голый! И ботинки мои новые утащили. Сигареты есть, только они в кармане остались, — объясняю. — Раненый я, то есть контуженный, ты новости слышал? Минут через пять он меня к себе в палату закатил. Мужиков, что там были, успокоил — сказал временно, а сам за сигаретами убежал — добрая душа. Лежу на каталке, медленно в себя прихожу — голова чугунная. И вдруг вижу Николая Васильевича. Только без фетровой шляпы с рукой на перевязи. И воняет от руки неизвестно чем — мазью какой-то, кровью и еще, один черт знает, чем. Газету Николай Васильевич читает и бережно держит руку или что он нее осталось. Приподнимаюсь, опускаю ноги и прикрываю срам, хотя чего там прикрывать — меня же не в женское отделение привезли. Мужики смотрят телевизор — он на подоконнике стоит. Я тоже смотрю — начинаются новости.

Как я уже сказал, Мерседеса Афтондила я не видел, а тут — бог ты мой! Ничего не осталось — груды металла и два колеса. Озабоченный голос диктора объясняет, что и где произошло. Меня не показали, только скорую — я даже вновь почувствовал, как входит в бедро игла.

— А вот и мы, — открывается дверь, и в палату заходит мой знакомый в спортивном костюме. В руках он держит не только мои шмотки. Каким-то необъяснимым образом он нашел ботинки — я улыбаюсь. Все-таки на белом свете имеются отзывчивые люди. Чтобы мне ни говорили, как бы ни запугивали — верю. На сотню обязательно найдется порядочный человек. И появится он в трудную минуту.

Николай Васильевич газету отложил и говорит.

— Дожили, твою мать! Как на диком западе, среди белого дня взрывают! У нас что — война?

— Сигареткой угостишь? — спрашивает мой спаситель в спортивном костюме.

— Какие вопросы! — лезу в карман брюк, — кури, дорогой, на здоровье.

— Я тебя где-то видел, — вдруг оживляется Николай Васильевич и заходит с тыла.

— Что с рукой?

— Ерунда, — говорит из-за спины Николай Васильевич. — Дима — ты что ли? А тс гляжу — спина знакомая!

Мы обнялись.

— А ты чего здесь делаешь? — улыбается Николай Васильевич. — Уж не заболел ли случаем? Не похож ты на больного. На кого угодно, только не на больного.

— Контуженный я, — объясняю, — новости смотрели, так вот я и есть пострадавший. В пивной сидел, думал отдохнуть.

— А я о чем! — поддержал Николай Васильевич. — Отдыхать, Дима, нужно дома. Диван, поди, имеется? Вот на диване и отдыхай. Пива захотелось — купи и бегом на свой родной диван. Взрыв, говоришь? А дома не взорвут, если только какой-нибудь придурок газ забудет выключить. Сильно зацепило?

— Еще не знаю, оглох слегка, а так вроде ничего — повезло.

— Повезло! Еще как повезло! Я тебе вот что скажу — ты, Дима, сегодня второй раз родился. Картинку видел? Уж на что Мерседес машина крепка, и та в хлам — смотреть некуда.

— А вы? — киваю на руку, — тоже бандитская пуля?

— Сущий бандит! Хоть бы предупредил. Я с ним, как с человеком — болит? Он молчит. Я вновь — здесь болит? Никакой реакции, а затем как схватит! С виду порядочный, хозяйка вся из себя, воспитанная. Десять швов наложили и колют постоянно. А как мне без руки? Как я в баню ходить буду? Одним словом — беда и не вовремя. В деревню собрался — год не был. Дима, а выглядишь неплохо. Глаза вот только дурные, но это пройдет.

Николая Васильевича и мужчину в спортивном костюме я вскоре покинул — вылез через окно. Прыгать не пришлось, палата находилась на первом этаже. Состояние мое опасений не вызывало — голова еще гудела, но слух восстановился полностью. Николай Васильевич — ветеринар, и его укусила собака. Я же по своей глупости едва не лишился жизни. Хотя и здесь непонятно. Еще одно досадное недоразумение или происки коварных врагов, которых я не знаю. Деньги у меня пропали — словно их никогда и не было. Тысяча долларов. Но голова на месте, а могло быть иначе. Доллары бы нашли, а вот голову — нет.

Вечером позвонила бывшая жена. Интересно, как бы она отреагировала, если бы узнала, что со мной произошло?

— Как решился вопрос? — тактично спросила она.

— Вопрос не решился, он перерос в другой вопрос, — не менее тактично ответил я. — Но денег я, кажется, никому не должен. То есть я их должен твоему Вадиму — он сильно

расстроился?

— Тысяча не такие уж и большие деньги. Ничего страшного — подождет.

Я был несколько удивлен. Похоже, с Вадима можно было слупить гораздо большую сумму. Однако и вернуть пришлось бы тоже гораздо больше. А так Вадим оказал мне некоторую услугу, сам того не зная — забавно. А если бы он мне вообще ничего не дал? Кто стащил деньги? Кто угодно — тот же парень в спортивной костюме. Он что — не проверил мои карманы? Или санитар — лица я не помню. А кто взорвал Афтандила? — Еще более сложный вопрос. Понятно лишь одно — нужно ставить жирную точку и прекращать совать нос в чужие дела.

На кухне, куда я зашел подкрепиться, вновь сидел таракан. Не знаю, не могу сказать, был ли это тот самый таракан, что прежде позорно бежал, но меня вдруг охватило бешенство. Словно таракан был причиной всех моих бед и несчастий. Я принялся его гонять. Таракан оказался ловким — юркнул в одну из щелей, а потом в знак глубокого ко мне презрения показал свои усы. Разбирать мойку я не решился, — у меня руки пришиты не к тому месту. И уж если я берусь за какое-то дело, вещь, подлежащую ремонту, можно смело выбрасывать. И тут до меня дошло — каким-то подсознанием я сообразил, откуда на моей кухне тараканы. Не менее решительно набросил рубашку и направился в прихожую.

День все равно был испорчен — какая после этого разница? Меня едва не убили, украли деньги, а соседи решили потравить тараканов. Учинить маленький скандал, вдоволь наругаться и с чистой совестью отправиться смотреть телевизор — очередную пошлость на ночь — таковы были мои ближайшие перспективы. Я уже преодолел один пролет, когда случайно глянул вниз. Глянул и ошалел — на лестничной площадке стоял тот самый тип! Громила, который дал в нос и стащил портфель. Решительность моя куда-то улетучилась, ей на смену пришло недоумение. Что происходит? Какого лешего ему здесь нужно? Я почувствовал, как забилося сердечко — неужели за мной следят? Или еще одно нелепое совпадение?

Тип стоял и ничего не делал — курил. Я тоже стоял, прижавшись к стене, и благодарил бога, что прежде глянул вниз. Слышал ли он мои шаги? На цыпочках поднял к себе и неслышно притворил дверь — что делать? Откуда он узнал, где я живу? А если так — он меня пасет. И я, дурак, не заметил! А кто заметит? Вот и он не заметил, когда я за ним шел. И все же, что-то подсказывало на абсурдность моих размышлений. Как-то уж свободно он себя вел — стоял и курил. И внимания не обратил — спускается или поднимается кто по лестнице — ему было все равно. А если все обстоит именно таким образом, значит, забрел он сюда случайно.

Господин-случай — я тебе верю. Только самодовольный и легкомысленный не понимает всей глубины, заложенной в случайности. Только на первый взгляд события складываются по воле случая, а по сути — это закономерность. Что должно было случиться, что невозможно избежать — математическая формула, где нет места ошибке. Словно тебе дается шанс — вот только какой?

Я подошел к окну и осторожно выглянул — несколько лучшая позиция, нежели стоять на лестничной площадке. Выход из парадной просматривается — чего еще желать? Однако не могу же я вечно стоять и смотреть! И что я увижу? Как тип, наконец, выйдет из дома? Броситься в погоню? В домашних шлепанцах?

Помнится, у меня был товарищ — один из первых детективов в городе. Специализировался на том, что искал доказательства неверности супругов. Оказывается, едва ли не в каждой семье в шкафу стоит скелет — какой понятно. Довольно не хлопотное занятие, если знаешь, что и как полагается делать. Как правило, достаточно фотоаппарата и небольшого знакомства в паспортной службе. Так вот, Константин предлагал мне работу — я отказался. Мне было лень или противно. Сейчас не могу точно сказать, хотя, возможно, и то и другое. Какое, спрашивается, тебе дело — кто и кому изменяет? И почему я вдруг вспомнил о Косте? Одному явно не справиться — только в кино одинокий волк выходит на тропу войны и побеждает. В жизни все гораздо прозаичней. Много воды утекло с тех пор — помнит ли он хоть меня?

Стою, листаю потрепанную временем и грязными руками записную книжку, не теряя, впрочем, бдительности — поглядываю в окно. Прошло минут десять — тип, словно испарился.

— Привет, это Скворцов, — говорю я.

— Привет, Дима, как дела? — говорит Костя, словно виделись мы вчера. — Вот уж чего и подумать не мог — неужели твоя суженная наставляет тебе рога? Ты поэтому звонишь?

— Мы давно развелись. И какие рога у очередного муженька, я видел сегодня. Скажу честно — вкус у моей бывшей паршивый. Я хоть думал, на меня чем-то похож — ошибся. Не возьму в толк, чем руководствуется женщина, решившаяся найти замену? Помнится, ты как-то предлагал мне работу? А сейчас хочу предложить я.

— Что-нибудь серьезное?

— Не могу пока сказать — не знаю. Мне нужна помощь, возможно, совет.

— По моей части? Дима, я в другие дела не лезу. Слишком хлопотно и здесь — чудовищно вредная работа. У меня сложилось впечатление, что народ только тем и занят, что изменяет друг другу. Какой-то ужас. Циником, если помнишь, я и прежде не был, но что творится сейчас! Какое-то падение нравов, я уж подумываю, а не проверить ли мне мою! А вдруг и она мне изменяет? А что? В темном, как говорится, омуте и черти водятся. А тут домой прихожу — что за хрень? Перекрасилась в брюнетку, с чего, спрашивается? Я же постоянно на работе, а чем бабе длинными и холодными вечерами заниматься? А жизнь-то, Дима, проходит. И у них, оказывается, она тоже проходит.

— Встретиться можешь?

— Можно и встретиться. Только я, Дима, не пью и не курю — скучный стал. Устал, если честно — и пить, и курить. Видно, взрослою. Один, понимаешь, в тридцать взрослоет, а я в сорок. Здоровье-то как?

— Нормальное здоровье. Простатита еще не нашли, — ответил я.

— Когда встретимся? У тебя срочно али как?

— Завтра годится?

— Значит, срочно. Сейчас погляжу, что день грядущий мне готовит. Пошел бы тогда ко

мне, развелся бы еще раньше, — Костя хихикнул.

Громилу в тот вечер я так и не увидел — стоять истуканом мне надоело, куда комфортней лежать на диване, тем более, что тот меня заждался. Ну как тут поставить точку? Я бы и рад прекратить играть в детектива, однако не пускают. Едва ли не в квартиру приперся. Обидно, что не успел переговорить с Афтондиллом — унес он с собой не только долг, но массу полезной информации.

Ночь прошла относительно спокойно, чему способствовала погода — дождь поливал как из ведра. Я слышал сердитые порывы ветра и барабанную дробь по крыше. Никто мне не снился, не беспокоил — я ждал приближающегося дня. Он был в дороге, шагал с востока, разгоняя хмурые облака, которых я не видел.

* * *

Костя изменился — он был абсолютно лысый. Гладко выбритый череп блестел — у меня возникло странное желание его потрогать. Я где-то читал... хотя думаю, что и вы читали. А если не читали, то слышали: информация в нынешний век порой залезает в голову, не спрашивая разрешения... Так вот, я где-то читал, что вскоре бритыми будут ходить и женщины. Ничего удивительного — бритым быть удобно и практично. А это уже кое-что. Бритая женщина — в этом есть что-то, похожее на патологию. В мужике — нет, а в бритой женщине присутствует. И кто-то определенно доживет до этих времен.

Кроме того, что Константин изменил прическу, он еще и потолстел. Не знаю, подходил ли ему новый имидж, но показался он мне совершенно другим человеком. Хотя голос не изменился. Глаза? Я их не видел — Костя по неизвестной причине избегал встретиться взглядом. Он как-то ловко уходил из-под моего обстрела, куда-то нырял, пригибался и ускользал. Нынче Костя работал на себя — я это почувствовал. Если бы тогда я согласился, быть мне сейчас бизнесменом.

— С начала или как? — предложил я.

— Дима, рассказывай, что сочтешь нужным. Только не рассказывай, что к делу не относится. Я как пастор — столько мне пришлось выслушать признаний в грехах! На мне этого греха — в бане не отмыться. А я — человек.

— Сколько стоят твои услуги?

— Разговор не юноши, а взрослого мужа, — улыбнулся Костя. — У тебя много денег? Не похоже. Дима, с некоторых пор я чувствую, как пахнут деньги. Я их вижу — на счетах, в карманах, в сумочках. Я слышу их шелест — приятная музыка. Деньгами ты явно не пахнешь.

— А чем тогда? Чем я пахну?

— Еще не знаю, но деньгами точно не пахнешь. Мои услуги? Я уже не бегаю и не сижу в машине — мне вредно в сухомятку. Бегают другие, глянь — сколько их. Они молодые, а мы с тобой в возрасте — время, когда беготня утомляет. Удивлен? Сегодня я могу себе позволить философствовать. Одна беда — не с кем. С кем, прикажешь, говорить? А мы с тобой все же коллеги. Лучшие годы вместе...

Костя и в самом деле изменился. Прежде услышать похожую болтовню от него было невозможно. Да и не слушал его никто. По правде говоря, и я не слушал. Еще один недостаток молодости — слушать и не слышать. Я не перебивал — пусть выскажется. По

себе знаю, иногда возникает необходимость поболтать.

Наконец он замолчал и погладил свой лысый череп. Словно проверял, насколько чисто он выбрит. Я держал паузу, ожидая продолжения.

— Пятьсот долларов, — произнес он.

— Что?

— Мои услуги стоят пятьсот долларов в день.

— В день? — опешил я.

— В сутки. А ты что думал? Ненормированный рабочий день. Трудовой кодекс читал?

Они же нынче все грамотные пошли, прежде можно было работать в две смены на третью. Парни работают в паре. Машина, бензин. Ты знаешь, сколько он стоит? А соцпакет? Страховка.

Капиталист! Самый настоящий капиталист! Пятьсот долларов в день — с ума сойти можно!

— Нет у меня таких денег, — признался я.

— А сколько есть? — не моргнув глазом, спросил Костя.

— Честно? У меня вообще сейчас нет денег. Вчера были.

— Понимаю — временные обстоятельства. Можно в долг — я тебе верю. Как бывшему коллеге сделаю скидку, либо можно договориться на разовые поручения — это дешевле.

И вдруг он рассмеялся — я сидел, как оплеванный, и не мог сообразить, чем вызван приступ веселья.

— А ты что думаешь! — Костя вновь стал серьезным. — Это же бизнес! За благотворительностью ступай в церковь. Ты же вешаешь на меня свои проблемы — а это стоит денег. И обрати внимание — проблемы, за которые не всякий возьмется.

— Сначала оплата, а уж потом дело? — уточнил я.

— Как в магазине. Денежку заплатил, товар получил.

Худшее зло — влезать в долги. И хотя сейчас многие исповедуют иной подход к данной теме, о чем свидетельствует кризис в банковской системе, я отношусь к ретроградкам. Прекрасное слово, оно уже вымерло, как и многие другие. Я — законченный консерватор. Не просто консерватор, а законченный, тот, кого уже не исправишь. Тяжелый случай, и мне с этим как-то нужно жить дальше. Я никогда не могу себе позволить купить ненужную вещь, даже если она слишком хороша. Даже если у меня найдутся лишние деньги. Потому что и лишние деньги мне жалко — такой я человек. Я лучше приду вновь в магазин и посмотрю, как она хороша — ненужная мне вещь. Брать в долг — быть кому-то обязанным. Быть обязанным уже потом, когда ты вернешь деньги или не вернешь. Ты уже в кабале — она у тебя в подсознании. Она будет отравлять твое существование, вылезая мерзкой гадюкой — крохотной, как червяк. Только кусать гадюка будет не тебя, а твоего благодетеля. Любая оказанная в жизни услуга часто отравляет взаимоотношения. И мы не желаем себе в этом признаться. Я не боюсь. Я давно себе в этом признался. Что может быть проще, чем взять у бывшей жены в долг и не вернуть? Вадим это отлично понимает. Ему также жаль денег. Даже в том случае, если их у него много. Говорят: денег много не бывает. Бывает! Умные люди подтвердят. Я еще не решил — возвращать долг Вадиму или нет. Сейчас у меня действительно нет денег, и в ближайшее время я их вряд ли верну. А когда они у меня появятся, в чем я нисколько не сомневаюсь, вопрос будет стоять иначе. Возвращая Вадиму деньги, я все также остаюсь его должником.

Несколько иначе дело обстоит с Костей. Нужна помощь? — Плати. Не можешь сейчас,

заплатишь позже. Вопрос — сколько?

— Работаешь? — спросили меня.

— Продаю обувь.

— Понимаю, — кивнул он.

Нет, Костя не понимал. Вероятно, думал, я торгую оптом.

— Работаю продавцом в магазине, — продолжил я.

— Ты? Продавцом? — он был действительно удивлен, что читалось у него на лице.

Могу себе представить, какие мысли пронеслись в его лысой голове — я их даже увидел.

— Так ты — башмачник?

— Башмачник — тот, кто делает башмаки. Я их продаю. Жду клиента, а когда тот приходит, набрасываюсь на него. Моя задача — впарить башмаки, лучше дорогие.

— Никогда бы не подумал, Димка Скворцов торгует башмаками, — признался Костя. Хотя ты всегда был не как все.

Костя прав. Я всегда был не как все.

— Дадим твоему делу имя «Башмачник». Ты не против?

В бытность свою у нас был начальник — предпенсионного возраста дед. Большой выдумщик. Всем делам придумывал оригинальные названия. Фишка в том, что по истечению определенного времени многие поражались точности, с которой он лепил ярлыки. Он и сам мне признался, что за всем стоит какая-то необъяснимая мистика. Старик не верил ни в бога, ни в дьявола. Он вообще никому не верил, благо опыт имелся богатый, и людей через него прошло тьма. Так вот, данное стариком делу имя начинало работать. По мере сбора информации или проведения мероприятий это имя каким-то непонятным образом приобретало самостоятельность и начинало жить своей жизнью.

Башмачник? А что — не самый плохой из возможных вариантов. Значит, Костя все же решился оказать мне услугу. Оказать, зная, что я гол, как сокол. Похвально. Приятно ошибиться в человеке, хотя сомнения оставались. Костю всегда зажимали. Он был рабочей лошадкой. Таким больше всех достается, их по неизвестной причине «любит» начальник и желает «иметь» чаще, нежели свою возлюбленную. Они сидят без выходных и проходных, и в отпуск уходят последними. Их забывают наградить, а если подобное случается, в списке награжденных они стоят на последнем месте. А сама награда столь малозначима, что о ней хочется быстрее забыть. Костя из них, из рабочих лошадок.

Рассказал я все, кроме Афтондила. Хотя и про Афтондила можно было рассказать — какое покойному нынче дело? Запишут его в осведомители или не запишут? Знаю, дело закроют, но не уничтожат — отнесут в архив. И будет оно там пылиться, желтеть и стареть.

Костя внимательно слушал — по крайней мере, мне так казалось. Гладил свой лысый череп, не перебивал и вопросов не задавал.

— Прости, — наконец сказал он, — я тебя не понимаю. Что тебе нужно?

Действительно, что мне нужно?

— Установить громилу — кто он такой? Ты и сам можешь прекрасно справиться. Адрес знаешь, какие проблемы?

— Документы, — подсказал я.

— Что документы? Твоя Элла Сергеевна уже отправила на охоту людей. Не сомневайся, найдут.

— Я их уже нашел! — вырвалось у меня. — Афтондила помнишь?

Костя переменялся в лице — сразу видно, он в курсе событий.

— Афтондил нашел?

— Так он утверждал, ... в общем, ждал я его. Встреча у нас была назначена в кафе. И тут его... новости, поди, смотришь?

— Интересный расклад, — крикнул Константин. — Тебя же могли грохнуть.

— Бог миловал.

Зазвонил телефон. Костя взял трубку и погрузился уже в свои проблемы — я это почувствовал. Кто меня дернул упомянуть Афтондила? Прости, парень, видно, иначе не справиться.

— Это уголовщина, — пару минут спустя сказал Костя, — я занимаюсь другим. Супружеская измена, иногда поиск пропавших любовников. У меня даже оружия нет — слишком хлопотно. И в уставе четко записано...

— Что у тебя записано, меня не интересует, — перебил я. — Тебе деньги нужны? Ты что, не понял? Это же деньги! Находишь документы и возвращаешь за вознаграждение. Элла Сергеевна человек не бедный.

— Дима! Ты откуда свалился? Она уже заплатила. Сам сказал, с людьми беседовал. А что за люди — понял? Хотя если документы серьезные, и деньги серьезные. А кто найдет — разница невелика. Хорошо. Давай поступим так. Ты говоришь с Эллой Сергеевной. Если она согласна, я начинаю работу... хотя не пойдет.

— Почему?

— Работать на голом энтузиазме? Спасибо — проходили. Нужна предоплата, иначе меня не поймут.

— Кто не поймет? — растерялся я.

— Учредители. Откуда у бывшего мента деньги? Ты не подумал? А подумал, сколько стоит аренда здания? А кресло, в котором сидишь? Дима, ты категорически отказываешься взрослеть! Что с тобой? Я тебя не узнаю. Я по-прежнему рабочая лошадка, только на меня нацепили дорогую сбрую и запрягли в нарядную карету.

Как все прозаично. Вот откуда взялись пятьсот долларов в сутки. Я-то дурак решил, что Костя такой же — дерет три шкуры и жалуется, что не хватает денег. Пардон, Константин, плохо о тебе подумал. Однако темная моя сторона не сдавалась.

— Могу быть казачком, — предложил я.

В свое время именно так мы называли внедрившегося сотрудника.

— Сколько, по-твоему, могут стоить документы? — спросил Костя. — С казачком решим потом.

— Нужно перетолковать с Эллой Сергеевной. Я не знаю, сколько они стоят. Однако то, что их разыскивают, говорит само за себя. Ни документов, ни денег я не видел.

— Видел громила. Спрашивается, чего мы тут из пустого в порожнее переливаем — были документы, не были. Поговорить нужно с этим типом, вот и все. А уж потом выработать тактику и стратегию. Ох, Скворцов, ты и авантюрист! Не сидится — бабу тебе нужно. Чтобы взяла она тебя в охапку и навешала проблем. А что Элла Сергеевна? Хороша будет? Или не в твоём вкусе? Я тебе, Димка, по опыту скажу — женщине влюбиться, пара пустяков. Откуда знаю? Так через меня сколько прошло! В смысле дел. А есть такие, хоть садись и роман пиши. А уж какая там любовь! Страсти какие! Одно скажу — мужики так любить не умеют.

— Значит, берешься? — уточнил я.

— Адрес пиши. И телефон свой. Самодеятельности никакой. Все согласно утвержденного плана. Вацлова помнишь?

Старика звали Вацлов Петрович.

— Как он меня изводил своей педантичностью! — признался Константин. — Во сне снился — и там покоя не было. А сейчас вспоминаю теплым словом — умница. Ни в одном пособии не найдешь, чему он меня обучил. Хороший был старик, но вредный.

Прошли три дня — серых и невыразительных. Обо мне забыли. Не звонил даже Миша. А что ему звонить? Он мне кто? Элла Сергеевна также не звонила, и вообще складывалось впечатление, что я никого не интересую. Перестали мной интересоваться и тараканы — они исчезли. Видно, жрать было нечего. Кухня сверкала, как Эрмитаж в лучшие свои годы. Я вымыл и натер до блеска даже лампочку под потолком — подобного со мной не происходило никогда. И что странно — я получал удовольствие. За три дня ни разу не прилег на диван, поэтому он обиделся — скрипел вечерами, жалуясь на вынужденное одиночество.

Костя позвонил, когда я сел ужинать — приготовил замечательный борщ. Полдня готовил. И только взял в руки ложку, как звонит телефон. А тарелка на столе. Скатерть новая, и запах сумасшедший — я уже слюной захлебывался. Тут он и звонит.

— Спускайся, — говорит, — побеседуем.

— А может, ты ко мне? — отвечаю. — Совместим приятное с полезным?

— Ты забыл. Не пью я и не курю.

— Куда спускаться? Во двор? Борщ у меня и ложка в руке. Ты борщ любишь?

— Борщ я люблю, — признался Константин, — но конспирация дороже. Надевай портки и за угол. Белый Шевроле.

Ох, уж эта конспирация!

— Нашли мы твоего типа — полное ничтожество, — сообщил Костя, едва я залез в машину. — Сдается мне, он и читать не умеет. Ничего удивительного. Нынче читать нет никакой необходимости. Сначала упирался — не брал, не видел, короче, я — не я.

— Можно закурить?

— Кури, — разрешил Константин. — Нарисовали ему перспективу, объяснили возможные перспективы. С кодексом он знаком, кое-что знает — сообразил. Денег, говорит, в портфеле не было. Документы выбросил.

— Как выбросил? Куда? Врет!

— Конечно, врет — кто бы сомневался. И тут, Дима, начинается самое интересное. Он предложил мне копии, но за пятьсот долларов.

И в самом деле — ничтожество. Где взять копии, если он их выбросил?

— Требуется аванс, — продолжил Константин.

— И ты дал?

— А куда денешься? Пришлось дать. Представляешь, засранец первым делом бросился их проверять — полетел в банк. Как думаешь, куда он затем поехал? Ну давай, соображай...

— К Афтондилу?

— Молодец! Кретин даже не знал, что Афтондил уже стоит в очереди к Святому Петру! Ну и рожа у него была, когда он вышел обратно.

— Сколько ты ему дал?

— Двести. Нормальная цена за документы.

— Какие документы?

— Как какие? Документы, что он мне передал.

Мне стало дурно.

— Он тебя надул! — закричал я. — Как он мог сделать копии, если они сгорели вместе

с Афтондиллом? Он тебе сунул, один черт знает что! Тебя развели.

Костя был спокоен.

— Как сказать. Документы мы проверили у нотариуса — они подлинные.

И все равно я отказывался верить.

— Афтондил сделал копии и держал их у себя? И как этому типу позволили их взять? После убийства там и муха не пролетит незамеченной! Ты хоть это понимаешь?

— Не горячись и не прожги мне сиденье, — подсказал Костя. — Он мог всучить вообще левые документы, те, что никогда не было в портфеле. Однако и достать эти «левые» документы не всякому дано. Где они могли их взять? Подмена? Но документы, верней копии — подлинные.

— Ты не знаешь Афтондила. Для него состряпать любой документ, что плюнуть. У них везде схвачено. Через день принесут любые документы на машину.

— А чего тогда с ним связался? — задал вполне грамотный вопрос Костя. — Если у тебя сомнения, чего соваться? Он мошенник. А какой спрос с мошенника? Я тут вот о чем подумал. Элла Сергеевна знает о твоей прежней работе?

— А как же!

— Знает, однако от помощи твоей отказалась.

— Разговора не было.

— И нанимает людей. Выходит, документы ей нужны. Но тебе она не верит.

— Как не верит? А кто просил отвезти портфель?

— Ерунда какая-то получается, — озадачился Костя. — Ничего не понимаю.

— Документы при себе?

— В сейфе оставил. На словах скажу — это дарственная. Кто-то кому-то что-то дарит, а что именно не понять. Документ составлен столь хитро, что разобраться невозможно. Крименюк. Тебе ничего не говорит эта фамилия?

— Никогда не слышал.

— Сейчас мои парни уточняют, хотя первая проверка не дала результатов. Дарственная оформлена от лица Крименюка. Что-то голова сегодня плохо соображает. Тупит и мыслей никаких.

— А что помешало Элле Сергеевне восстановить документы? Это же просто делается.

— Не хочет огласки, — сказал Костя. — Да и как она их восстановит, если не имеет никакого к ним отношения? Может, это залог? Или еще что-нибудь.

— Элла Сергеевна говорила, что собиралась передать значительно большую сумму, однако передумала. Почему — неизвестно. Костя, дарственная тоже деньги. Мы не знаем, какие, но это деньги. Чтобы человека взорвать, — перешел к другой теме я, — нужны основания. Афтондил не входил в число авторитетов, и его гибель для меня загадка. Ты согласен?

— Не по Сеньке шапка? — уточнил Костя.

— Именно. Могли взорвать Мерседес, а не Афтондила, который оказался в нем случайно. Самое смешное — он мне его предлагал купить.

— Купить? У тебя же нет денег! А тут — Мерседес. Он что, твой Афтондил, совсем дурной? Дима, куда ты влез?

— А черт знает! Сколько я тебе должен?

— Спроси у Эллы Сергеевны. Сколько она готова отдать за документы?

— Представления не имею. Я их даже не видел, а то выходи самостоятельно, без

посредника.

— Не обижайся. Голова чугунная... что-то здесь не складывается, а что — не пойму. Хотя, возможно, мы все накручиваем. Тебе когда на работу?

— С понедельника.

— Вот и выходи. Наберись нахальства и к ней в кабинет. Мол, как успехи, спасибо за сочувствие и главный вопрос — как продвигаются дела. Вроде как озабочен и чувствуешь угрызения совести.

— Три минуты.

— Что три минуты?

— Разговор на три минуты. Занята Элла Сергеевна. Хлопот и забот выше крыши. Что дальше?

— Предложи помощь.

— Костя, ты что — дурак? Это же разводка. Она тетка умная. Она должна попросить, понимаешь — она. Моя роль закончилась — крохотный эпизод. Мелькнул на экране и пропал. Если начну проявлять активность, возникнет подозрительность — а уж не Скворцов и в самом деле устроил весь этот спектакль?

— Если кто и устроил, так это Элла Сергеевна.

Константин принялся чесать за ухом, нисколько не заботясь, как выглядит со стороны. А выглядел он столь комично, что я едва удержался, чтобы не прыснуть от смеха. Определенно его можно было брать на небольшую роль в кино — когда требуется небольшая разрядка, и зритель должен передохнуть от суматохи на экране.

— Есть идея, — Костя, вероятно, докопался до мысли. — Мы проверим звонки Эллы Сергеевны. Вот только стоит подобная услуга дорого.

Улыбка сползла у меня с лица. Сколько стоит услуга, о которой говорил Костя, мне плевать. Я был встревожен другим. Накануне убийства с Афтондиллом, я активно говорил с ним по телефону. А если так, за мной уже давно присматривают бывшие коллеги.

— Ты чего?

Костя хоть и не был психологом, однако произошедшие со мной перемены заметил.

— Думаю, когда ждать гостей, — признался я.

— И над легендой следует поработать. Решил, что сказать? — огорошил меня Костя. Чего это вдруг бывший милиционер и кидала воспылали друг к другу любовью? Чего тебе от него нужно? А ему — чего? И самое дурное — Афтондила убивают, когда он едет к тебе на встречу. На, держи, — и сунул мне конфетку.

Я понял — Костя недавно бросил курить. И своей сигаретой я устроил ему настоящую пытку.

— И что — совсем не пьешь?

— Совсем, — вздохнул Константин. — Три месяца, две недели и пять дней. Сегодня как раз пятый пошел.

— И как долго собираешься считать? — задал глупый вопрос я.

— Скворцов, ты счастливый человек. Делаешь, что тебе вздумается, и не ломаешь голову. Я же не могу себе позволить жить, как я хочу. Обстоятельства диктуют. Ступай домой и ешь свой борщ.

— Хотел тебя спросить...

— Ну?

— Чего тип делал в моем доме?

Костя улыбнулся.

— А вдруг у него здесь любимая женщина живет? Или просто женщина? Ты, Скворцов, сам подумай — я же твоих соседей не знаю.

Труд облагораживает человека. Помнится, когда я учился в школе, на тыльной стороне тетрадки кроме таблицы умножения имелся свод правил строителя коммунизма. Ничего не помню, лишь то, что труд облагораживает. По природе своей я законченный лентяй, хотя греха большого в этом не нахожу. После вынужденного безделья, которое, впрочем, бездельем назвать сложно, я отправился на работу. Первой встретила меня Кристина — бросилась взволнованная. Не знаю, чем я очаровал бедную девушку, но она не скрывала своих чувств. Кристина была рада меня видеть. Честное слово.

— Дима! Что случилось? Говорят, вы заболели? Дима, вы знаете, накануне мне приснился сон. Вы приснились. И такой бледный. Лежите на каком-то диване, и я за вами ухаживаю. А потом мне сообщают, что Скворцов и в самом деле заболел. Я, конечно, расстроилась. Решила сначала навестить, а вдруг у вас жена? Что она подумает? Мне плевать, а вам, думаю, нет. У вас все в порядке?

По правде говоря, я был тронут и собирался хоть как-то отблагодарить Кристину — взять за руку или заглянуть в глаза. Не успел! Рядом возникла Элла Сергеевна — вынырнула, словно черт из бутылки.

— Дмитрий Анатольевич, зайдите ко мне, есть разговор.

Слишком бурное начало трудового дня. Подсознательно я чувствовал, что события только начинают разворачиваться, и был прав. Едва я уселся напротив Эллы Сергеевны, как дверь кабинета распахнулась, и вошли двое. Кто они и откуда — не имело смысла представлять. Когда-то именно таким же образом я появлялся на сцене: решительно входил и показывал корочки. Эти двое действовали иначе — удостоверение не показали, посчитав пустой тратой времени.

— Вот и наш герой, — сказал старший и без приглашения уселся, закинув ногу на ногу. Я улыбнулся — ботинки у него были казенные.

— Вы позволите нам переговорить? — обернулся он к Элле Сергеевне и только тут, спохватившись, достал удостоверение.

— Что-нибудь серьезное?

— Вот об этом мы и хотим поговорить, — туманно объяснил мужчина.

Явно встревоженная, Элла Сергеевна покинула кабинет, бросив в мою сторону сочувствующий взгляд — я поправил галстук.

— Скворцов Дмитрий Анатольевич? Вы знакомы с господином Чевадзе?

Хуже начала сложно себе представить. Даже в зашуганных детективах подобную сцену описывают веселей. А тут штамп, от которого тошнит. Парни незнакомые, прежде встречать не приходилось. Они хоть поинтересовались, с кем им предстоит беседовать? Думаю — вряд ли. Там у них правая рука не знает, что творит левая. Хотя прокинуть по учетам — что может быть проще?

— Да, я знаком с господином Чевадзе.

— С какой целью он вам звонил... — оперативник назвал дату нашего разговора.

— Звонил, чтобы поговорить. Машину он мне подыскивал. Афтондил — серый дилер. Работает под заказ.

— Подробней, пожалуйста, какая машина, сколько стоит, как вы с ним договорились? Надеюсь, вы в курсе, что произошло с Афтондиллом?

— Да, я в курсе.

— Он остался вам должен? Сколько вы ему заплатили?

— Ничего я ему не платил. Разговор был — подыскать недорогой вариант.

— Подождите, подождите. Насколько мы знаем, Чевадзе недорогими машинами не занимался вообще.

Я вновь поправил галстук.

— Чевадзе оказывал мне услугу, скажем... как старому приятелю. Дело в том, что я неплохо его знаю.

Кажется, они и в самом деле не проверили меня по учетам. Эх, молодая поросль — вечно спешат. А куда спешит их начальник?

— Василий Алексеевич все еще работает? — спросил я, воспользовавшись небольшой паузой.

Оба перегнулись.

— Вы знакомы?

— Более чем, сидели в соседних кабинетах. Паркет-то заменили? Или по-прежнему прикрыт старой дорожкой?

— Ты что тут делаешь, Скворцов?

— Работаю.

— Крышуешь? — по своему понял старший.

— Я здесь работаю.

— Чевадзе зачем тебе понадобился?

— Подыскать машину. Кому как не ему знать — чистая она или имеет темное прошлое? Сделка планировалась законная.

— Какую машину вы заказали? Мерседес?

— До Мерседеса я еще не дорос — слишком хлопотно и обременительно. Разговор вели о более скромном варианте. Время от времени Афтондил звонил.

— Где вы были в среду шестого числа?

— В два часа по полудню? Пил пиво — сидел в кафе и ждал Чевадзе.

— Я понял, — встрял второй, — это тип, который сбежал с больницы. Скворцов, а чего вдруг ты сбежал с больницы?

— Не убегал — я ушел. Встал и ушел — на меня махнули рукой. Лежал, как идиот, в коридоре. Сколько можно? Взял вещи и ушел — терпеть не могу больницу. А потом это мое личное дело.

— Был скандал, — сказал оперативник, — кто-то схлопотал выговор.

— Сожалею, но и лежать на каталке в коридоре — удовольствие не из приятных.

— И все же, о какой машине шла речь?

— Парни, вы не там ищите, позвоните Василию Алексеевичу и спросите, кто такой Скворцов?

— Умер он, — сказал старший. — Василий Алексеевич умер.

— Как!

— А вот так — пришел домой и умер. Лег спать и не проснулся.

Мне стало и горько и неловко. Перед Василием Алексеевичем прежде всего, парни волновали меня мало.

— Слушай, Скворцов, ты в самом деле здесь работаешь? А то мы думали, другой какой. Мало ли на свете Скворцовых? Машину какую купить хотел?

— Чего вам сдалась машина! — возмутился я. — Обыкновенная — на четырех колесах, чтобы бегала и головной боли никакой. Сел и поехал — вот такая машина. Еще вопросы?

— А ты не кипятись! Нам решать — из города ни ногой. По делу проходишь.

— Бумагу давай.

— Какую еще бумагу?

— Сам знаешь — где подпись поставить.

— Ты, Скворцов, кажется, не понял...

— Все я прекрасно понял, бумагу давай, а если бумаги нет — ауфидерзейн, господа.

Вот такая встреча. Понять и объяснить можно многое. Но как объяснишь явное пренебрежение к бывшему коллеге? И откуда это высокомерие? Нужно делать дело — так ты его и делай, но грамотно, профессионально.

— Кофе будем пить?

— Что?

Элла Сергеевна сидела напротив меня. Посетители ушли по-английски, не простившись.

— Что-нибудь серьезное? — она ждала объяснений.

Я мысленно выругался. Еще не остыл от одной беседы, а тут новая. И почему они не могли завалиться ко мне домой? Какая им разница? Сегодня понедельник, и многие дела начинаются именно в понедельник.

Кофе — она его заварила наспех. Включила кофеварку и достала чашки. Две штуки. Конфеты. Я сунул в рот и вспомнил Костю. Он прав — куда я влез?

— Дело в том, что я стал случайным свидетелем одного происшествия, — вяло начал я, — посидели, поговорили, ответил на интересующие их вопросы.

— Мне показалось, они были неудовлетворенны, — сказала Элла Сергеевны, — особенно старший.

— Они всегда неудовлетворенны, издержки профессии.

— Дима, вы водите машину?

Опять машина! У нас что сегодня день автомобилиста? Однако мысль моя скользнула дальше, я задал немой вопрос — взял чашку и поднял глаза.

— У меня нет водителя, — сказала Элла Сергеевна. Но как она это сказала! С какой интонацией! У меня нет водителя — я несчастная и незащищенная женщина. Я ужасно нервничаю и каждая поездка превращается в пытку. Мне неудобно нажимать педали — слишком высокие каблуки. Машина постоянно не слушается, а на заправке ужасно пахнет бензином.

— Вы согласны?

Похоже, меня переводят на другую работу. Вот только в связи с чем?

— У меня Пежо, — сообщила Элла Сергеевна.

Знаю, это когда у машины широко открыт рот. Она ездит с широко открытым ртом и никак не может его закрыть. Это называется Пежо.

— Автомат?

— Автомат, — неизвестно чему обрадовалась она.

Мой опыт был ограничен Жигулями и милицейским уазиком. В школьном дворе я ездил по кругу на списанном в утиль газике. Что еще? Правил телегой, запряженной пенсионного возраста кобылами, когда нас бросили на помощь колхозникам в далеком социалистическом прошлом. После отцовских Жигулей, которые я был вынужден продать, сидеть за рулем мне

не приходилось. И вообще я равнодушен к машине. Она не вызывает во мне чувства. Я с удивлением смотрю, как любуются мужики своим железным конем. Господи, как они смотрят! Кусок металла превращается для них едва ли не в самое любимое существо на свете. Они его персонифицируют и дают всяческие имена. Часто женские. Я где-то читал, хотя думаю, что и вы читали. А если не читали, то слышали — машина для мужчины — второе Эго. Так вот, его у меня нет. Мое второе Эго отсутствует.

Я посмотрел на Эллу Сергеевну — как мы будем смотреться в машине. Я — слева, она — справа. Какой цвет у машины? Ослепительно желтый — Элла Сергеевна шагает в ногу с модой, она ее опережает. Желтый цвет — что может быть капризней?словно ты говоришь окружающим — я не такой как все. Меня не интересует ваше мнение. Я не боюсь заявить о себе и выделиться из толпы. Мой мир — не ваш мир, и вам никогда меня не понять. А когда вы все спохватитесь и броситесь скупать желтые машины, которые окажутся в дефиците, я куплю еще что-нибудь более авангардное и смелое.

— Еще?

Я лишь кивнул, наблюдая, как в чашку тонкой струйкой опустился кофе. Что происходит? Элла Сергеевна не похожа на легкомысленную и взбалмошную женщину, чей удел постоянные капризы и эпатаж. Она холодная и расчетливая. Более того, Элла Сергеевна умная. Она не стала меня терзать вопросами и выпрашивать, с какой целью приходили эти двое. В своем поведении она столь естественна, что уловить признаки даже легкого кокетства мне не удастся. Если Элла Сергеевна и играет какую-то роль, то играет убедительно и достоверно. До сих пор я не могу ее понять.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— О чем вы думаете, Дима?

О чем я думаю? Я думаю о тебе. Я думаю, что ты затеяла. Скажи, я прав? Ты затеяла какую-то игру, в которой мне отведена определенная роль. Не больше и не меньше. Я должен исполнить свою роль и уйти. Скажи — я прав?

— Элла Сергеевна, — я глотнул из чашки, чтобы взять лишнюю секунду на раздумье, — вам документы нужны?

— Пусть данный вопрос вас не беспокоит, — тактично ответила она. — Или вы желаете предложить свою помощь? Я вас правильно поняла?

— Я чувствую вину...

— Прекратите. Я уже вам говорила, с моей стороны никаких претензий.

— А если я все же найду?

Элла Сергеевна рассмеялась. На этот раз я уловил едва различимые признаки фальши. Она поторопилась.

— Вы упрямы, как все мужчины. Ничего страшного не произошло. Каждый день что-нибудь пропадает. Кто-то теряет, кто-то находит — рутина, из которой складывается жизнь. В некоторой степени ущемлена ваша гордость, или нет, даже не гордость, вы понимаете, что я имею в виду? Забудьте, выбросьте из головы, пусть этим вопросом занимаются другие люди. Кстати, можно спросить ваше мнение?

— Ради бога.

— Какое впечатление они на вас произвели?

— Уверенные в себе.

— Это правда, — согласилась Элла Сергеевна, — возможно, излишне уверены, если не самоуверенны. Хотят произвести впечатление. А вы другой. Вы, Дима, обманчивый. Не

обижайтесь — слово неудачное вышло. Вы не показной, — вот что я имела в виду. А водитель мне действительно нужен. Справитесь?

* * *

Город мелькал за окном. Я сидел в машине, мимо которой еще несколько часов назад равнодушно прошлепал, не обратив внимания. Что-то в моей жизни произошло, кем-то заведенная пружина сдвинулась с места и дала мне — нет, не пинка под зад, но определенное ускорение. А может, все бросить? Пока не поздно. Заправить машину и положить ключи на стол. Улыбнуться и выйти вон из кабинета. И план Эллы Сергеевны рухнет. Представляю, какое у нее будет лицо — настоящее, где нет места фальши.

Прекрасная машина, потому что новая. Где сейчас сижу я, всегда сидела Элла Сергеевна. Вы доверите свою машину чужому человеку? Кто из нас двоих ближе Элле Сергеевне — машина или я? Мы вместе всего лишь средство доставки. Машина в красивой упаковке и чужой человек, неожиданно оказавшийся за рулем.

— Привет, — сказал я. — Как думаешь, чем я сейчас занят? Могу спорить на что угодно — не угадаешь. Весь твой аналитический склад ума бессилён приблизиться к разгадке. Я за рулем машины Эллы Сергеевны. Как тебе?

— Приходили? — спросил Костя.

— Приходили. Сказал, покупал машину у Афтондила и не купил. Мне ее подарила Элла Сергеевна.

— И что теперь?

— А черт знает! Она предложила стать водителем. Костя, я ничего не понимаю. Я согласился.

— Дима, она тебя водит за нос. Ты что губу распустил? Подбери немедленно! Слышишь?

— Сколько я тебе должен?

— Дурак!

— Костя, мне нравится быть дураком. Мне нравится сидеть в машине... мне кажется, и она мне нравится.

— Ты не дурак, ты безмозглый кретин! Ты хочешь быть овощем? Ты уже овощ. Слушать тошно. Нравится... Димка, нравиться может, что угодно... она тебя сожрет. Неужели не понял?

— Пусть жрет. Глядишь, и подавится. Ядовито желтого цвета.

— Что?

— Пежо ядовито желтого цвета. А под задницей табун в сто двадцать лошадей — все породистые.

Моя желчь и злобная ирония относительно необъяснимой любви мужиков к своей машине вылетели в окно. Невероятно, но я чувствовал то, чего прежде никогда не чувствовал. Не знаю, не могу найти верного слова — новый опыт, я вдруг стал другим. Человечество начинает сходить с ума, как только проедет за рулем автомобиля. Вирус — незаметный и коварный — поразит вас навсегда. Он влезет в ваши мозги, разрушит и сделает своим рабом. Я чувствовал, как они карабкаются по моему хребту — неопиcуемый восторг и радость бытия. Сидеть на заднице и в то же время куда-то стремительно лететь — счастье.

— А как же прежняя договоренность?

— Она сказала: пусть данный вопрос меня не беспокоит. Выбросить из головы и забыть.

Им занимаются другие люди.

— Скворцов, ты пьян?

Ну как моя жена. Чуть что — сразу пьян.

— Сколько я тебе должен за хлопоты? Ты обещал скидку.

— Тысяча пятьсот, — злобно ответил Костя, — со скидкой тысяча.

Ага, получается две тысячи. Одну я должен... как его там... Вадиму. И вторую Константину. В итоге мы имеем две тысячи долга. Афтондилу по понятной причине я ничего не должен. Нужно будет попросить прибавку к зарплате или отказаться. Положить ключи на стол и сказать — что? Простите, Элла Сергеевна, но я знаю трудовой кодекс. Это же ненормированный рабочий день. Круглые сутки за рулем, а моя поясница? Кто мне заплатит за поясницу? С подогревом? Каким подогревом? Ах, сиденья с подогревом? И что из этого? Греют-то сиденья, простите, совсем иное место. Поясница вон она где, а тут значительно ниже. Там обычно геморрой образуется, это когда прямая кишка вылезает и торчит — очень больно.

— Шестьсот рублей, — улыбнулась мне женщина.

— Что? Шестьсот! Какие шестьсот?

Мне показали чек — действительно, шестьсот рублей. Вонючее пойло для цыпленка Эллы Сергеевны стоило шестьсот рублей. Я отдал деньги и взял чек — для отчетности.

Наш мир — одна большая деревня. Любой город, каким бы огромным он не был, сколько бы миллионов в нем не жили, когда-нибудь превратится в деревню. Публичные люди подтвердят — скрыться невозможно. О тебе будет известно все до мельчайших деталей — с кем ты провел вечер, что сказал, о чем подумал. Мир сжимается до размеров новостей и слухов, в чем я лично убедился еще раз.

Вечер был хорош. И не в последнюю очередь благодаря моему настроению. Я шагал со стоянки — ближайшей к моему дому. Желтый цыпленок может вздохнуть спокойно и перевести дух — сегодня ему досталось. Я наездил километров сто. Мало? Это для вас мало. Впервые за много лет я проехал сто километров — куда мы только не ездили! А кой-куда и по два раза. Женщины чрезвычайно забывчивые существа. Память у них избирательна и часто подводит. Однако о деревне. Едва я снял башмаки и прошел в комнату, как тут же раздался звонок. Я был уверен, это далеко не первый звонок. Телефон, вероятно, потрудился на славу и вопил в мое отсутствие через каждые пять минут. Трубку я не взял — был голоден. В отличие от многих, кто бросает свои дела и мчится сломя голову, чтобы ответить на звонок, я действую иначе. Если я голоден, ничто на свете не помешает мне набить свою утробу. Я — эгоист. Для меня нет более важных дел, чем мои дела. Если я смотрю телевизор, и мне нравится программа, телефон может звонить сколько угодно — я не сдвинусь с места. Я кому-то нужен? Простите, господа, сейчас я занят более важным делом.

И только когда я развалился на любимом диване, чувствуя, как в животе набирают силу пищеварительные процессы, только тогда позволил глянуть на телефон. Он молчал. Правильно. Куда приятней развалиться и ощутить животную радость в тишине.

— Скворцов, — сказала она, — ты — лгун.

Согласен, но только отчасти. Ложь моя совершенно безвредна, а порой даже полезна. Ложь во спасение — это обо мне.

— Тебе не стыдно? А знал бы, как мне было стыдно! Я, как дура, не могла привести ни одного здравого аргумента...

Я держал трубку, слушал, не перебивая, мою бывшую и пытался влезть в тему. Почему-то она начинает разговор даже не с середины, а ближе к концу. Хотя в чем-то здесь есть и моя вина. В бытность нашего супружества именно я приучил ее говорить по делу, отбрасывая вводные слова и предложения. Сначала я слушал все подряд, однако понял, что теряю не только время, но и терпение. Любой разговор, инициатором которого была моя жена, начинался со времен царя Гороха.

— Что я опять сделал не так? Тебе не достаточно... как его... Вадима? Дорогая, я уже не твой муж. А если забыла, глянь в паспорт. Видишь? Мы развелись.

— Ты всегда был циником. Даже когда на мне женился. Лицемерно обманул наивную девушку...

Опять понесло... хотя она в чем-то права. В действительности я оказался совсем другим человеком. Многие поступают именно таким образом, когда ухаживают за дамой. Больше внимания, обожания, приятные для слуха слова — я не исключение. Я что — должен был вывалить все свои недостатки? Кто после этого вышел бы за меня замуж? Дура последняя и та бы не вышла.

— Что мне сказать Вадиму? — спросила она, перечислив все мои прегрешения.

— Передай ему привет, — не без доли иронии посоветовал я.

— Скворцов!

— Да?

— Чья это машина? Только не ври! Раз в жизни скажи правду.

Ах, вот в чем дело. Стоило мне проехать на желтом цыпленке, как об этом знает весь город. Наш мир — одна большая деревня.

— Вадим видел тебя на заправке. Ты сел за руль и уехал. Чья это машина?

— А твое какое дело? — огрызнулся я.

— Как это какое! А деньги кто тебе дал? Забыл?

Понимаю ее логику. Чтобы взять в долг, нужно ходить, прикрывшись фиговым листом. А Вадим-то каков? Хуже бабы — побежал меня тут же закладывать. Как ты думаешь, кого я сегодня видел? На новой машине ядовито желтого цвета. Твой Скворцов! И после этого он просит у меня в долг пять тысяч. Твой Скворцов — мошенник! И денег мы от него не получим никогда! — Получите, господа. Вашу тысячу я вам верну. В год буду возвращать по десять долларов. Сколько лет получается? Столь долго нынче не живут? Внукам буду возвращать — какие проблемы? Скворцов — порядочный человек. И все же мне в некоторой степени повезло. Что бы случилось, если бы Вадим увидел меня не на заправке, а часом позже?

— Скворцов, не думай, что я законченная дура! Кто она?

Значит, мне не повезло.

— Еще не знаю, — ответил я, — в женщинах я разбираюсь не столь хорошо, чтобы сразу сказать, кем для меня будет Элла Сергеевна.

— Элла Сергеевна?

— Мой начальник. Она брюнетка, по всей вероятности натуральная — у нее темные глаза. Относительно характера ничего определенного сказать не могу — слишком рано. Для более подробного отчета обратись через неделю, думаю, к тому времени наши отношения продвинутся.

Конечно, я мог вообще не отвечать на вопросы. Бросить трубку — как она часто поступала. Однако удовлетворил ее любопытство. К чему скрывать, если срывать еще нечего?

Моя новая должность не пришлась по душе не только ей одной. Миша явно затаил обиду — поздоровался на следующий день холодно. Кристина по простоте своей набросилась на меня с вопросами. — Дима, это правда? У вас роман? А ты шустрый малый! Я тебя не оценила. Не успел на работу выйти, тут же в отпуск какой-то подозрительный отправился. Вновь выходишь и сразу на новое место. Дима, что происходит? — Почему у Эллы Сергеевны не может быть любовника? — огорошил я. Она что — хуже других? У тебя сколько кавалеров? Не считала? А ты посчитай! Почему любовники могут быть только в книжках? Почему в книжках мы их не осуждаем? Каждый имеет право поступать, как ему нравится. Спрашиваешь — что происходит? Ничего не происходит. Дима Скворцов обыкновенный водитель. Он возит Эллу Сергеевну по делам. Похоже, никто не был рад моему новому назначению. Сначала я сидел в машине и слушал радио. Затем читал книжки — опять в машине. Иногда мы куда-то ездили. Элла Сергеевна называла адрес, и мы ехали. Прошла неделя. Я умудрился прочитать едва ли не всю книгу. Может, мне записаться в библиотеку? Если подобным образом пойдут дела, я компенсирую пробел в своем образовании довольно быстро. А что, если мне куда-нибудь поступить? Заочно на

юридический факультет? И через пару лет открыть контору — «Дмитрий Скворцов — юридические консультации». Глупо. Поэтому, чтобы убить свободное время, которое у меня вдруг появилось, я спал. Откидывал сиденье, включал радио и спал. Все бы ничего, но я не мог спать по ночам! Я приходил домой отдохнувшим и выспавшимся. Уж лучше бы я сидел в отделе и продавал башмаки. Хотя иногда Элла Сергеевна приглашала к себе в кабинет. Я сидел на кожаном диване и слушал, как она говорит по телефону. Элла Сергеевна не тяготилась моим присутствием, и порой мне казалось, она незаметно за мной наблюдает. Затем поспешно бежала к машине, и мы куда-то ехали. О чем-то говорили, а случалось, молчали. Жизнь вновь превращалась в рутину — забытое состояние, когда ты медленно и неотвратимо погружаешься в болото безразличия.

Приближался выходной, и я с ужасом думал, чем бы мне заняться. Можно, конечно, вообще ничем не заниматься — проваляться до обеда на диване или сходить в баню. Отправиться в сквер или на выставку. Миллион лет я нигде, кроме бани, не был. А что если навестить Николая Васильевича? Купить яблок или без яблок зайти и узнать, как он? Однако не тот он человек, чтобы сидеть в выходной день в больнице.

И вот он наступил — выходной день. Была легкая надежда, что пойдет дождь. Именно так и бывает — в субботу или воскресенье обязательно испортится погода. Не испортилась. Небо — куда ни брось взгляд — синева безбрежная. Придется куда-нибудь идти. Вот только куда? Налево или направо? На работу мой маршрут лежал в левом направлении — я там знаю едва ли ни каждую трещину в асфальте. Значит, пойдем направо.

Хороший день воскресенье — ленивый. Последний день недели и последний выходной. Даже если бы у меня отшибло память, я бы все одно его узнал. Что-то в нем есть особенное — некое умиротворение, которое объединяет многих. Если кто и спешит в этот день, то спешит с ленью. И время растягивается — тоже лень крутить стрелки часов и бежать. Я шел в никуда, по крайней мере, мне казалось на тот момент — без цели и причины, не спешно двигался в произвольном направлении...

* * *

Я — Скворцов. Мне нравится моя фамилия. Она возражала. Говорит — птица легкомысленная. Может быть. Фамилия, как имя, твой вечный спутник. Куда мне лететь? Я приземленный человек. Она — другая. Когда ей двадцать, а ты на год старше, когда весь мир в кармане — голова кругом. Выпить хочется. Но я не пью. Костя и тот не пьет. Это нормально, когда можно, а ты не пьешь. Сколько держится? Каждый день считает.

— Привет.

— Что-нибудь срочное? — ответил Костя. — Или хочешь отдать мне деньги?

— Могу и отдать, как скажешь.

— Разбогател? Или премию выписали? Скворцов, ты веришь в мистику?

В мистику не верят. Мистика не нуждается, чтобы в нее верили.

— Было это все, Костя, — сказал я.

— Что именно?

— А ты не знаешь! Ты же меня вспоминал? Прежде чем я позвонил — так? Это не мистика. Дерьмо это. Чем занимаешься?

— Скворцов, ты забыл — я не пью.

— А никто и не предлагает. У меня отсутствует комплекс одиночества.

— Хочешь вернуть деньги?

— И деньги тоже.

— Давай завтра.

— Завтра денег уже не будет, — заверил я. — Ты меня знаешь.

— Ты пьян?

— А какая разница? Пьян я или в хорошем настроении? Главное, у меня есть деньги. Только потом не говори, что Скворцов тебя обманул.

— Через час.

— Ну уж нет! А почему не через три? Оторвать задницу от стула, спуститься вниз и завести свой драндулет — три часа?

— Я крашу, — сообщил Костя.

— Красишь? А что ты красишь? Уж не потолок ли? Самое мерзкое занятие — красить потолок. Хочешь совет? Плюнь и не смотри на свой потолок. К примеру, я никогда на потолок не смотрю. Что я там увижу?

— Крашу дверь.

— Дверь? — удивился я — Тем более! Зачем красить дверь? Костя, сейчас никто не красит двери. Их красили сто лет назад. Сейчас двери покупают, а старые выбрасывают. А хочешь, я к тебе приеду? Ты где живешь?

— Через час на прежнем месте, — отрезал Костя.

— Ну уж нет! Стоять идиотом и ждать, когда ты подъедешь? А вдруг ты вообще не приедешь? Или у тебя спустит колесо?

— Через час, — и он повесил трубку.

В выходной день красить дверь — ужас! Я действительно чего-то в жизни не понимаю. Костя меня просто послал. Он не приедет. И я бы не приехал. Представьте, вы красите или чем он там занимается? Звонит явно не трезвый Скворцов и предлагает свою компанию. Вы что — идиот? Бросите свои дела и куда-то поедете? Вам это надо? Ах, деньги нужны! Правда, деньги нужны всем. Тут не поспоришь — ради денег и покойник прибежит. Только скажи или намекни.

Воскресенье я терпеть не могу. Какая выставка, какой сквер! Вы что, с ума сошли? Скворцов не сошел, но зашел, а что мне еще осталось делать? Я даже позвонил своей бывшей — решил услышать ее голос. Они все как сговорились — домашний телефон не отвечал, мой сотовый разрядился. Дрянь телефон, прежний лучше был. Работает, работает и вдруг скоропостижно умирает. Кстати, куда я его положил?

Прошел час. Костя не появился. Спускать вниз я тоже не думал. И вдруг звонок в дверь. Стоит — мрачный и недовольный.

— У меня мало времени.

А у кого много? Завтра — понедельник, начало трудовой недели. Признаюсь — не ожидал, что Костя приедет. Бросил свои дела и приехал — молодец.

— Проходи.

— Я на минутку, — говорит Костя и трет руки — они у него в краске. Он действительно красил!

Мне стало неловко.

— А почему дверь? — спрашиваю, — прохудилась?

— Собака сгрызла.

Вот уж кого терпеть не могу так это собак. Крайне непонятные существа — и собаки, и те, кто собак держит.

— Не знал, — говорю, — оказывается, ты большой любитель животных. Дело, конечно, личное. Где-то я читал, хотя думаю, и вы читали. А если не читали, то слышали: собак обычно держат люди, которым некуда девать свою любовь. У них столько много любви, что они заводят собаку.

— У меня сто долларов, — объясняю я. — С утра было триста.

Если бы Костя дал мне в нос, я бы не обиделся.

— Борща хочешь?

— Скворцов, ты самый последний засранец из тех, кого мне приходилось встречать, — сообщил Константин. — У тебя растворитель есть?

— Есть водка. Не сердись, деньги я тебе верну. Возможно, завтра. Тысяча не такие и большие деньги.

— Чего ты несешь? — Костя снял башмаки и прошел в комнату. Я проследовал за ним.

— Значит, тут ты и живешь?

— Ага. Вон там — на диване. Нормально, вполне удобно. Деньги возьмешь?

— Водку носи и тряпку.

Пришлось отправиться на кухню. Обычно я пью на кухне — грязи меньше.

— Сердишься? Знаю — сердишься, — возобновил я разговор, появившись спустя пару минут. — А ты не сердись. Накатило, а хочешь, сегодня верну? Вот сейчас мы с тобой выпьем, и верну — хочешь?

— Скворцов, ты не понял — не пью я. И деньги твои мне не нужны. Забудь. Тряпку дай.

— Собака большая?

— Глупая она. Как твоя Эллочка?

— Не знаю, не могу понять. Наверно, уволюсь. Возьму в долг тысячу и уволюсь — устал я, Костя.

— И куда пойдешь?

— К тебе. Возьмешь?

— Неожиданное предложение.

— А ты подумай. Я не спешу, и ты не спеши.

— Хорошая краска, — сказал Константин, — финская и без запаха. Она тебя за нос водит. А ты — как овощ.

— Я — Скворцов.

— Овощ ты, Скворцов. Сам-то подумай. Какой, к черту, из тебя водитель? Ты и капот самостоятельно открыть не можешь. Неделя прошла?

Я кивнул и налил водки.

Неделя — срок небольшой. За неделю человека не узнаешь. Сколько я знаком с Костей? И не знал — не было необходимости. А сейчас вдруг возникла. Сидит — трет тряпкой и молчит. Интересно, о чем он думает? Если бы не думал, уже давно встал бы и ушел.

Паршивый день воскресенье. Сколько их было — не год и не два. Прибавился еще один. Пару часов и он провалится в прошлое. Я о нем забуду и никогда не вспомню. И я забыл, едва за Костей затворилась дверь.

В понедельник с утра пошел дождь — обычное явление. Дождь был нудный и противный, вероятно, он и сам себе не нравился. Кругом слякоть и грязь, а где же лето? О лете напоминали мои ботинки — они хотя и сохранились, но потеряли свой блеск. А еще они сморщились. Себя я замочил часов в шесть утра — налил в ванную горячей воды. И вот я шагаю, переступаю через лужи и подхожу к стоянке.

Желтый цыпленок Эллы Сергеевны похож на общипанного петуха. Словно его окунули в дерьмо и там оставили сохнуть. Даже подумал, а не ошибся ли я? Чтобы так уделать машину, нужно сильно постараться. Звоню и докладываю обстановку. Показаться в обществе на грязной машине неприлично. Элла Сергеевна соглашается — не успела вчера. Поезжайте, Дима, на мойку, а затем ко мне. Вам сколько потребуется времени привести себя в порядок? Конечно, она оговорила — уже час, как я был в полном порядке.

Она выходит, садится в машину, и тут я понимаю, что вчерашний день гулял не только я один. Элла Сергеевна тоже гуляла. Сквозь искусно наложенный макияж проглядывается усталость вчерашнего дня, а может, и ночи. Ловлю себя на мысли, что и она поняла, чем я вчера занимался. Странное, следует признать, совпадение. Выглядит Элла Сергеевна замечательно. Вряд ли кто другой заметит — я заметил. Стараюсь вести себя непосредственно — то есть, как обычно.

— Ездил за город, — вдруг говорит она, — вернулась за полночь. А чем занимались вы?

— Красил двери. У приятеля собака сожрала. Глупая до безобразия.

— Видно, скучала, — выдвигает интересную версию Элла Сергеевна, — вы любите животных?

— В школе любил. У нас в школе был кружок. Вот в него и записался. Мы кормили кроликов. Я кормил, кажется, по вторникам и четвергам. Хорошие кролики — пушистые и двери не жрут.

Элла Сергеевна позволила себе улыбнуться.

— А вы, Дима, смешной. Кто бы мог подумать — Дима Скворцов кормит кроликов? И что — целый день красили двери?

— Дверь сначала нужно снять, — принялся объяснять я, — затем зашпаклевать. Четыре часа ждать, пока высохнет шпаклевка, выровнять и только потом красить.

— Голова не болит?

— От финской краски голова не болит. Голова болит не от краски.

Наш ни к чему не обязывающий разговор мне нравился. Говорили об одном, а думали о другом и каким-то образом прекрасно понимали друг друга. Однако разговор был вынужденным — просто убить время. Хотя... как знать?

— Элла Сергеевна, не могли бы вы дать мне в долг? — спросил я. Вопрос вылетел из меня непроизвольно, и в какой-то момент я испугался. Вопрос, похожий на хамство. Когда собеседник меньше всего ожидает подобной выходки — иным словом, мой поступок не назовешь. Зачем я спросил? Деньги мне были не нужны, то есть они были нужны, но не в той степени, чтобы портить беседу.

— Сколько?

Повеяло прохладой. Очевидно, я преступил грань дозволенного. Каждый сморчок

должен знать свое место — я его, вероятно, забыл.

— Сигареты купить, — исправился я, — забыл дома портмоне.

Элла Сергеевна закусила губу и принялась меня внимательно рассматривать. Довольно откровенно, словно прежде никогда не видела.

— А вы, Дима, шутка, — наконец произнесла она. — Сколько вам нужно? Тысяча? Две тысячи? У вас проблемы?

Наш разговор мне не нравился. Элла Сергеевна оказалась гораздо умней, нежели я рассчитывал. И сумму она угадала с первого раза. «Две тысячи» произнесла для эмоционального выражения. Или я ошибся? Мы уже не играли, мы испытывали друг друга — занятие крайне опасное. Деньги она даст, в чем я не сомневался. А почему бы не взять две тысячи? Одним махом решить сразу две проблемы.

Скворцов, ты и в самом деле идиот! — заорал мне кто-то в ухо. О чем ты говоришь? Как часто ты видишь Вадима? А Костю своего — как часто? Элли Сергеевну — каждый день. И каждый день долг будет отравлять твое существование.

— Я действительно забыл портмоне.

Со стороны выглядел, наверно, жалким и растерянным. К подобным просьбам готовиться следует заблаговременно. Экспромты тут не проходят, в чем и убедился — меня бросило в жар.

— Остановитесь, где сочтете нужным и купите сигареты, — последовал совет.

Элла Сергеевна поняла мою ложь и не только потому, что бумажник предательски торчал из кармана брюк. Ложь выступила и на лице — скверный обманщик. Я могу обмануть, сказать неправду, не моргнув глазом, однако сейчас оплошал. А почему — не знаю. Вероятно, синдром похмелья, помноженный на угрызения совести. Оказывается, она у меня еще есть — моя совесть. И вылезла в самый неподходящий момент.

К обеду я окончательно пришел в норму — мы никуда не ездили. Сначала я сидел в машине, затем отправился в магазин и поговорил с Мишей. Затем вновь вернулся в машину и достал телефон.

— Привет, — сказал я, — где тебя вчера носило?

— Была занята.

— Я не спрашиваю, чем ты была занята. Я спрашиваю, где ты была?

— Скворцов, а твое какое дело? Я что, должна по каждому поводу перед тобой отчитываться?

— Не хочешь — не отвечай.

— Дай слово, — потребовала она.

— Даю слово, никто не узнает.

— Вадиму не скажешь?

До чего странные существа женщины. Почему я должен говорить Вадиму то, что он и без меня знает?

— Мы ездили посмотреть новую квартиру.

Ах, вот оно что! Квартиру ездили посмотреть — мне бы их проблемы.

— Нормальная квартира? — спросил я, словно собирался в ней жить.

— Ужасно дорогая, но Вадик все просчитал.

— Ты беременная?

— Скворцов, я тебя не понимаю. Чтобы купить новую квартиру, нужно обязательно быть беременной? Мы хотим улучшить жилищные условия, что в этом плохого?

— Я хотел вернуть долг, — неизвестно с какой целью солгал я.

— Вадим будет рад, — сказала она.

— Ты не поняла. Я хотел вернуть долг вчера, но вас не было дома. А сегодня я долг вернуть не могу — придется немного подождать. Ты не возражаешь?

— Деньги нам, конечно, нужны. Однако тысяча ничего не решает. Я не возражаю. Вернешь, когда сможешь. А что случилось?

— Ничего не случилось.

— Тебе прибавили в зарплате? Как твоя Элла Сергеевна?

— Прости, мне, кажется, пора.

Элла Сергеевна направлялась к машине. Открыть дверь я не успел, а если честно, и не хотел.

* * *

Когда-то здесь стоял лес. Я его помню — хороший сосновый бор. Он и сейчас стоит, скрывая в своем чреве жизнь, которая не должна бросаться в глаза. Я даже представить не мог, что где-то в глуши скрывается она — чужая жизнь. Загородный поселок. Хотя слово «поселок» не совсем удачное в данном случае. Мы свернули с магистрали и въехали в лес. Каких-то двадцать минут и следы цивилизации пропали. Однако я чувствовал обман — слишком ровная асфальтовая дорожка бежала навстречу. Еще один поворот, еще одна горка и мимо пролетел огромный джип. Элла Сергеевна встрепенулась — как оказалось, не напрасно. Монстр тут же ударил по тормозам и принялся неуклюже разворачиваться. Я бросил встревоженный взгляд — Элла Сергеевна опустила козырек и принялась поправлять макияж. Еще через пару минут мы остановились.

— Я сейчас, — бросила она и открыла дверь. Дверь джипа тоже распахнулась, и вылез мужчина. Большой мужчина — под два метра и такой же внушительной комплекции. Я смотрел в зеркало заднего вида, как мужчина приближается. Затем оба раскланялись. Дверь своей машины мужчина не соизволил прикрыть. Поэтому она перегородила и без того узкую дорогу. Однако, похоже, мужчину данный факт не волновал, он был занят разговором — каким именно, я не слышал. Элла Сергеевна стояла ко мне спиной, одной рукой держала сумочку, второй изредка поправляла волосы. Прошло минут десять — оба продолжали разговор. Я заглушил двигатель и вылез. Слегка пнул колесо и полез за сигаретами. Проехала машина. Мужчина, спохватившись, прикрыл, но не закрыл дверь. Я выбросил сигарету и после некоторого сомнения вдавил ее в песок обочины. Затем Элла Сергеевна обернулась, и оба посмотрели на меня. Чтобы чем-то себя занять, я вновь слегка пнул колесо. Проехала еще одна машина и подала сигнал. Мужчина махнул в приветствии рукой. Элла Сергеевна улыбнулась. Затем она вернулась и принялась внимательно изучать свой телефон. К тому времени я сидел в машине.

— Напрасно ездили, — сказала Элла Сергеевна, — странно, но звонка я не получала. Может быть, вы, Дима, слышали?

Звонка точно не было.

— Куда? — спросил я и завел двигатель. Джип неуклюже развернулся — поднял придорожную пыль и стремительно скрылся из вида.

— В город, — сказала Элла Сергеевна. До поселка мы не доехали километра три. На тот

момент я об этом не знал. Дорога и дорога, а куда она ведет — какое мне дело? Я же не пешком иду.

* * *

Вечером я смотрел телевизор. Положил ноги на стол и тупо глядел на экран — шел какой-то фильм. В бытность свою я был большим фанатом кино, а потом словно отрезало. Либо засыпал, либо терял интерес и выключал телевизор. Смотреть новости интересней, какая ни есть, а все-таки жизнь. Хотя и новости вскоре начали утомлять. Я встал, прошел на кухню и открыл холодильник. Он был пуст. Большой, вместительный холодильник, куда залезет не одна тележка продуктов, был пуст. Взял в руки Будду и лег на диван. Откуда ты пришел? Говорят, для тебя нет преград, ты можешь появиться в любой точке мира. Это правда? Или красивая легенда? Миф или сказка? Будда молчал. Он всегда молчит. Смертный разум должен понять — истинная вера обращена за пределы материального мира, к реальностям вечного будущего. Кажется, это твои наставления? Тебе никогда не было дела до мелкой суеты, что и составляет земную жизнь. А вот я не могу подняться над собой. Меня постоянно преследуют проблемы. Не дают покоя, даже когда я лежу на диване. Заползают в голову, словно мерзкие твари. Как ты с ними боролся? Сидел и терпеливо ждал, когда они тебя покинут? Понимаю, с глупыми мыслями ты также боролся. А как быть с умными? Откуда они берутся? Молчишь? Ты всегда молчишь — погрузился в нирвану и забыл обо всем на свете. Ты — Будда. Ты — символ, а я — Дима Скворцов.

* * *

Разводились мы более чем странно — мы вообще не разводились. Нас развели обстоятельства. Я был молодой и глупый — делал карьеру. Уходил в страшную рань и возвращался, когда все нормальные люди, исполнив супружеский долг, спали. Иногда звонил и предупреждал, чаще — не звонил вообще. Я был чертовски занят, а чем именно — не знаю. Сейчас не могу вспомнить — а чем я был занят? Что делал сутки напролет? Мы жили рядом словно чужие — я и она. Я не знал, какие цены в магазинах. Я и сейчас не знаю. Не знал, откуда берутся продукты — лениво ковырял вилкой, что-то ел. А жизнь куда-то бежала, вот только бежали мы с ней в разные стороны.

— А ты кто?

— Скворцов, звать Дима.

Зачем она спросила? А если не Дима? А если не Скворцов? Это что-то меняет? Сколько на свете имен. Почему она спросила, как меня зовут? Я — Скворцов и был им прежде, чем родиться. Еще не появился на свет, а Скворцов уже был. Ветер в окно. Деревья проснулись — о чем-то говорят, шумят, качаются. Подойти к окну? А что я там увижу? Как качаются деревья?

Звонит телефон. А прежде не звонил — умер он. Я ходил и платил, а он, сволочь, не звонил. Три месяца не звонил, и три месяца я платил. Спрашивается, за что платил?

— Дмитрий Анатольевич? Я вас, наверно, побеспокоила. Нет? — Элла Сергеевна смеется в трубку, — за вами сейчас заедут. Кто заедет? Тимур. Его зовут Тимур. Он

позвонит, и вы спустись вниз. Спасибо... я на вас рассчитываю.

Хрень какая-то! Кто такой Тимур? И что ему от меня нужно в половину первого ночи? А если я сплю? Или у меня болит голова... и почему Тимур?

Деревья качаются — я не ошибся. Погода — дрянь. Укрыться теплым одеялом и на все забить. Мы едем — летим в ночи. За рулем, наверно, Тимур. Он не представился, но позвонил. Сказал — выходи. Я вышел. Тридцать минут всего лишь. А вот и поворот — я его узнал. Здесь мы стояли и я, как дурак, пинал колесо. Зачем я пинал колесо?

Поселок. А здесь серьезно. Охрана, будка и шлагбаум. А теперь куда? Вниз? — я спускаюсь вниз — пахнет сосной. Мой любимой запах — свежая сосна. Не туда? А куда? — Тимур, или кто он там, подсказывает, туда лучше не ходить. Но именно там раздаются голоса. Мы заходим, я беру в руки кий и начинаю играть. Просто мне больше нечем заняться. Гоняю шары, вновь ставлю и вновь бью — тысячу лет не играл. Последний раз... когда же это было?

— Привез?

На меня смотрит какой тип — явно не Тимур.

— Ты — Скворцов?

Я кладу кий на стол и жду.

— Только до развилки, — говорит он мне. — Понял? Только до развилки. Лично отвечаешь, — в голосе угроза. Он достает телефон и начинает нажимать клавиши. Через мгновение мой карман приходит в движение — звонят мне! ОК, — говорит тип и закрывает дверь.

Ночной воздух бодрит, я вижу, как идет пар — сегодня прохладно. Дима! Ну где же ты был?

Элла Сергеевна машет мне рукой. Она сидит в своем желтом цыпленке и улыбается. Элла Сергеевна пьяна — не нужно быть проницательным, чтобы понять, как она пьяна.

— Ты на меня сердисься? Какие вы, мужики, упрямые! Дима, у нас сегодня что? Понедельник или вторник? Ах, уж вторник... как быстро летит время. Где сумочка? Я вечно забываю сумочку. Дима, будь добр, посмотри, пожалуйста.

Я смотрю.

Элла Сергеевна смеется.

— Ну до чего ты не сообразительный. Посмотри, есть ли там мои права... не бойся, только до развилки. Я дала слово Грише. Ты видел Гришу? Колоритная внешность, а в душе ягненок. Но сначала мы проедем... как вы его, мужики, называете? Блок пост — вот как. У них тут все под контролем — государство в государстве. Они тебя проверяли? Не проверяли? Гриша их всех уволит.

Перспектива оказаться в качестве пассажира с нетрезвой дамой на загородном шоссе ночью — все о чем я мечтал. И почему, в конце концов, именно я? Тот же Тимур неплохо бы справился с обязанностями.

— Это опасно, — предупреждаю я.

— Знаю, — говорит Элла Сергеевна, — я никогда не курю за рулем. Пристегнись на всякий случай. И прошу тебя — не давай мне советы. Самое противное, когда тебе дают советы. Ты какую музыку любишь? Тут одно старье, — она принялась копаться в бардачке. — Все некогда. Зайти в магазин и купить что-нибудь приличное — некогда. Завтра съездим и что-нибудь купим. Ты согласен?

— Может быть, поведу я? Вы сейчас не в том состоянии, к чему напрасно рисковать?

Элла Сергеевна включает музыку.

— Он мне иногда нравится. И бывает, не нравится вообще — слушать не могу. У тебя так бывает? Странно, правда? Либо он нравится, либо не нравится...коробка автомат... с Гришой мы простились. Свинья, даже не вышел проводить даму. Скворцов, как по-твоему, я похожа на даму? Ты не видел настоящих дам... ну и стервы они все.

Как мы проехали десять километров до развилки — я их буду помнить всегда. Каждый поворот казался мне последним. Элла Сергеевна не только вела машину, она еще и шутила. Определенно, она была на подъеме, чего не скажешь обо мне. Постареть я не постарел, но похудел точно. Желудок мой прилип к позвоночнику, пальцы на ногах скрючились в напрасной попытке ухватиться за что-нибудь. Слава богу, я не ужинал. В противном случае несложно представить возможные последствия. На развилке мы покурили. И что странно — мне показалось, Элла Сергеевна и вовсе не была пьяна. Так обычно выглядит усталый человек — несколько заторможенные реакции и небольшая апатия.

— Вот еще один день прошел, сказала она, — а нужен он кому-нибудь или не нужен... Грише невозможно отказать. Он нормальный мужик, бескорыстный — редкое явление наших дней. Не понравился? И правильно, зато мне нравится. Ты не понял, Гриша не в моем вкусе. Мы... в общем, мы приятели, это когда без взаимных обязательств. Я ему сказала, мне нужен Скворцов, и он тебя привез. Я сказала — до развилки и слово сдержала. Он тебя предупредил? Видишь — предупредил, а мог и промолчать. Выходит, какие-то обязательства существуют?

— Поздно уже, — напомнил я.

— Знаю. Ты меня не слушаешь.

— Почему — слушаю. Можно поговорить и в машине — холодно здесь.

— Умным людям холодно не бывает. Скворцов, ты — кто?

Быть нянькой мне давно не приходилось. В лесу было действительно прохладно. Два часа ночи — не лучшее время для философской беседы, да и находилась мы на разной волне. Вероятно, Элла Сергеевна поняла. Или устала или замерзла — шмыгнула в машину.

Глупый какой-то получился день, а вечер еще хуже. Поэтому мой вам совет — не берите телефон, если вам звонят за полночь. Ответить можно только в одном случае — если у вас на свете имеется дорогой и близкий человек. Гриша мне не позвонил. На диван я запалился усталый и злой. Или нет, в обратном порядке — злой и усталый. Что-то начинает происходить, некое движение в непонятном направлении.

Как ни покажется странным, но чувство неудовлетворенности — прекрасный жизненный стимул. Одна беда — оно вас может раздавить и уничтожить. У меня когда-то был товарищ — весельчак и балагур. Я ему завидовал — все нападки судьбы он встречал улыбкой. Много лет спустя до меня дошло — его улыбка единственная защита в этом жестоком и несправедливом мире. Улыбаюсь я крайне редко — слишком много скопилось во мне иронии и цинизма. Они оба ходят, держась за руку, и часто провести грань и определить, кто есть кто невозможно.

У меня неприятности, верней, неприятности у Миши — Михаила Петровича. Какие-то семейные проблемы, он обратился ко мне — попросил подменить. Я — к Элле Сергеевне. Результат? Мишу уволили. Я был взбешен! Ворвался в кабинет и потребовал объяснений.

— А не много ли вы себе позволяете? — холодно спросила она. — Вы, Дмитрий Анатольевич, вообще-то здесь кто? И почему он не обратился ко мне? Он у кого работает — у вас или у меня?

— Обыденная практика, человек попросил подменить.

— Я бы все равно Лаптева уволила. Давно собирались, но решение откладывала. А вам его жалко?

— Не вижу причины.

— Причина — мое решение.

— Нет, это не причина. Лаптев не вписывается в вашу новую концепцию.

— Странный вы человек, Дима. Какое вам дело? Вы что — друзья? Понимаю, вам его жалко. Какой вы, право, жалостливый человек. Пошло, видно, с тех пор?

— Каких? — растерялся я.

— Когда за кроликами ухаживали.

Рано или поздно конфликт произошел бы — я это чувствовал. Самоуверенная и жестокая баба. Все они — нынешние капиталисты, чья мысль только набить карманы. Какой же я дурак, что не взял в долг! Вот бы сейчас и отыгрался. Знаю, расписки она с меня не взяла бы — я слишком порядочный. И она об этом знает. Оказывается — не знает! Я такая же сволочь, как все. Вот бы было разочарование! Дима Скворцов не только не желает вернуть деньги, он отказывается его признать! Какие деньги? Простите, я не знаю, о каких деньгах вы говорите...

— Расстроен? — спросила Элла Сергеевна.

— Думаю, — ответил я.

— Давайте подумаем вместе. Михаил Петрович ответственный и старательный работник, у меня к нему нет претензий. До некоторых пор он меня устраивал, однако обстоятельства изменились. Вынужденный прогул всего лишь повод, чтобы мирно разойтись. Или вам необходимо знать обстоятельства? Никто не пришел за него хлопотать — никто. Вы не современный человек, поэтому и пришли.

— Я его подвел.

— Вы помогли решить проблему, за что полагается премия. Выпишу уже сегодня — два оклада достаточно?

Элла Сергеевна продолжала издеваться — спокойно, рассудительно, со знанием дела. Аргументов у меня не было и быть не могло — достойный урок.

— Кроме того, вы забыли, что больше не являетесь продавцом. Приказ уже давно подписан — простите, забыла довести до вашего сведения.

Она права — куда я лезу? Любой из нас может вылететь со своего места, прежде чем осознает, что произошло. Лаптева с тех пор я не видел — выбросил из головы.

* * *

Костя деньги даже не пересчитал — открыл ящик и карандашом сбросил их куда-то вниз — в чрево стола. Словно не желал к ним прикасаться.

— Похудел, — заметил он, — и выглядишь неплохо. Все утряслось?

— Справочку наведи.

Костя развернул лист бумаги, что я ему протянул, и загнал на лоб морщину.

— А тебе это нужно?

— Сколько? — спросил я и полез в карман.

— Нисколько. Знаю я его, поэтому и нисколько. Григорий Аркадьевич — заметная фигура. Ты, Скворцов, сильно отстал от жизни — таких людей полагается знать в лицо. Дружок твоей Элочки?

— Или любовник.

— Дружок, любовник — какая разница? Дима, ты куда лезешь? Она тебя сожрет. Знаешь, чем кончил твой предыдущий коллега? Очень печально закончил, хотя в газетах и не писали. Элла Сергеевна любит мужиков, причем не обязательно состоятельных.

И тут до меня дошло. Костя же занимается супружеской изменой! Получается, что и Элле Сергеевну он знает?

— И ты все это время молчал?

— Я тебе дал совет, — напомнил он, — она тебя сожрет. Был такой разговор? Был, что тебе еще нужно?

— Мужика своего она тоже сожрала?

— Там другая история.

— Кто ей подарил магазин?

— Дело темное и дело давнее — не могу сказать, слухами не пользуюсь. Бросай свою Элочку и уходи.

— А где других взять? Ты мне подскажи, где их взять — порядочных, честных и любящих? В газету объявление дать?

— Прежде нужно было думать.

— Прежде, Костя, я был женат.

— Я тебя предупредил. К Григорию Аркадьевичу ездили? Ну, и как он тебе?

— Не разглядел — темно было. Элла Сергеевна — спидрейсер. Нажрется до поросычьего визга и за руль. А чтобы не страшно было, рядом мужиков сажает. Видно, надоело Грише и холопу его Тимуру башкой своей рисковать. Представляешь, развлечение себе нашла? А потом за жизнь, типа, философии на ночь. Костя, портфель — это ее работа. Хоть убей! Чувствую — она все спланировала. Громила этот, как нам его раскрутить? Только он знает.

— Ни черта он не знает! В темную его, как тебя — дурака.

— Кто такой Крименюк? Фамилия довольно редкая — ты узнал?

— Странный ты парень! — возбудился Костя. — Бросаешься из одной крайности в другую — через минуту меняешь решение. Ты мне что сказал? Пусть данным вопросом занимаются другие люди. Затем прибегаешь и требуешь объяснений. Ты сам-то — чего хочешь?

Знать бы — чего я хочу?

— Мне нужна помощь. Один не справлюсь — у меня нет времени. Могут выдернуть в любую секунду. А может, у нее с психикой что-нибудь? Костя, ей не двадцать лет — пора перебеситься.

— У каждого в голове свои тараканы. Спиртное не помогает снять напряжение, вот она и гоняет по ночам.

— А я зачем нужен? Я что — рулетка?

— Увольняйся, — дал совет Костя.

— Найдет другого.

— Тогда напейся и провези свою Эллу Сергеевну ночью с ветерком.

А это идея! Заглотить полбутылки и вдавить педаль газа в пол, чтобы дыбом встали волосы, и желудок прилип к позвоночнику. Вся беда в том, если я пробью лобовое стекло и повисну на ветке дерева с оторванной головой, Элла Сергеевна сломает лишь свой перламутровый ноготок. Я в этом уверен. Они всегда выходят сухими из воды.

— Придешь на похороны? — спросил я. — Костя, мой гроб даже некому нести. Думаешь, она расстроится? Машина застрахована до последнего болта — ей плевать. Элле Сергеевне плевать на весь мир, я ее не понимаю.

— Ты и меня не понимаешь. Я не психиатр, я оказываю детективные услуги. Не могу я и не хочу лезть в душу каждому. Какое мне дело, почему муж изменяет жене, а жена мужу? Это их проблемы. Они желают убедиться — я им помогаю. Что дальше последует — разведутся они, или она наймет подонка проломить голову любимому — меня не интересует. Завтра придет Элла Сергеевна, заплатит деньги и попросит за тобой присмотреть. Я не смогу отказать. Это бизнес. И то, что мы сейчас сидим и беседуем — исключение из правил. Определись — что ты хочешь, мой совет ты слышал.

Костя знает больше, чем сказал. Я вдруг почувствовал, что он имеет какое-то отношение. Вот только какое? И за дело взялся неохотно, а его совет? Увольняйся! Уволиться просто. Написал заявление и свободен на все четыре стороны. Дерьмовый совет — любой может дать. Но и разгребать авгиевы конюшни одному мне не под силу. Это в дешевом детективе старая бабка вяжет носочки и распутывает головоломку. Глупость в угоду обывателя. Во-первых, она старая. Значит — склероз. Она имя свое по утрам забывает, а тут сложная психологическая задача. Во-вторых, бабка отстала от жизни и живет в прошлом, где все было по-иному. Я — не старик, но ума явно недостаточно. Настоящий сыскарь прежде всего психолог, а уж потом детектив. Почему преступность часто берет вверх? Они психологи. Преступления совершают либо в одиночку, либо небольшой группой. А кто их распутывает? Огромная неповоротливая машина. Распутывает по долгу службы, где часто отсутствует внутренний мотив — вот вам и результат. Боюсь, придется забыть про свой диван — слишком долго я на нем пролежал.

— Сколько? — спросил я.

— Ты мне ничего не должен, — улыбнулся дежурной улыбкой Константин, — будут деньги — заходи.

Григорий Аркадьевич оказался и в самом деле колоритной фигурой. И габаритами, и содержанием, которое фигура в себе заключала. Странно, почему прежде я ничего о нем не слышал. Хотя чему удивляться? Порой жизнь выбрасывает на поверхность столь стремительно, что не успеваешь замечать. Так же стремительно они и пропадают. Вчера был, а сегодня уж далеко — не помнит никто. Григорий Аркадьевич на поверхности задержался.

Я сижу в машине и слушаю музыку — тактический ход, все, до чего я додумался. Вряд ли Элла Сергеевна помнит в деталях наш разговор при луне. Угрохал вечер — в современной музыке я не силен. А тут — джаз. Прежде я полагал, что джаз — это старые афроамериканцы, которые дуют в сурдинку либо издеваются над саксофоном. Оказывается, все гораздо сложнее. Молодой парень — хвала его терпению и выдержке — потратил на меня ни один час. Не мог понять, что мне нужно. Ничего удивительного — я и сам не знал. Купил четыре диска — не слишком большая брешь в моем скромном бюджете. Куда значительней затраты — мой новый пиджак. Одна-единственная пуговица в районе живота — сказали, круто. Ботинки старые, но дело справляют — бросаются в глаза.

Она шагает по дорожке, выложенной плиткой и, как всегда, копается на ходу в сумочке. Значит, все же рассеянная. Пусть немного, слегка, но рассеянная. Убавляю громкость и выхожу, чтобы открыть дверь автомобиля — он безупречно чист. Можно, конечно, было поступить иначе — прибавить громкости и сделать вид, что читаю. Однако данное решение ошибочно. С некоторых пор по вечерам штудирую литературу по психологии — есть много полезного.

— Что это? — Элла Сергеевна не успела поправить платье, как уже лезет прибавить звук.

Парень в магазине не обманул — первым делом она обратила внимание на музыку. А что будет, когда Элла Сергеевна заметит мой новый пиджак? Не заметила, наверно, слишком консервативный. Вот если бы там было пуговиц как у гусара и все блестящие...

Мы подъезжаем, но покинуть машину Элла Сергеевна не спешит. Сидит и ждет. Выхожу, открываю дверь и складываю руки в причинном месте — в телевизоре видел.

— Дима, — говорит она, — что происходит? Вы решили за мной приударить? Напрасно — у вас не хватит денег. Сколько стоит ваш пиджак? Понимаю, отказались от ужина и приводите себя в форму. Единственный недостаток у мужчин — пивной живот. Все можно простить — плешь, усы, кривые ноги, но простить пивной живот? У вас большой живот?

Живот у меня нормальный, по крайней мере, не требуется зеркала, чтобы проверить, все ли на месте. Тактично помалкиваю, хотя язык чешется страшно — тоже мне, Бриджит Бордо, ядрена мать. Почему-то женщины думают, что они неповторимые. Самые обычные, как и все остальное.

— Вечером идем на ужин? Столик заказали? — издевается Элла Сергеевна. А затем она красится — достает из сумочки пудреницу и начинает себя шпукатурить. — Почему опять без галстука? Или вы мачо? Простите — забыла, мачо не носят галстук.

Улыбаюсь дураком и думаю. Нет, не о том, о чем думают мужики, когда женщина превращается в похотливую стерву. Элла Сергеевна слишком умна, чтобы играть потаскуху. Паршиво получается, впрочем, как и у меня — спектакль художественной самодеятельности.

И бедрами она покачивает излишне вульгарно — они у нее еще крепкие.

Так вот, Григорий Аркадьевич. Фамилия — Шепитько. Что-то в этом есть — в его фамилии. Говорит Гриша словно шепчет, но громко. Голос командный, не терпящий возражений, а глаза настороженные — ошупывает постоянно. Он мне трижды звонил — искал Эллу Сергеевну. Мою роль, вероятно, Григорий Аркадьевич еще не определил — то ли водитель, то ли штатный ухажер или мальчик на побегушках. Я и сам еще не определился — в какую шкуру мне влезть и что изображать. Более или менее вырисовывается круг знакомых Эллы Сергеевны, почему-то одни мужики. Женщин крайне мало — мои смотрины она устроила только раз. Невыразительная шатенка довольно нагло меня осмотрела, словно прикидывала мои возможности. Элла Сергеевна, вне всяких сомнений, получала удовольствие. Интересно, какой я у нее по счету? Люди меняют квартиру, машину... так и на меня смотрели, как на новое приобретение.

— Ступай, — разрешила Элла Сергеевна, — подожди в машине.

Ну не барыня ли? Нет, не барыня — они, помнится, подолами разгоняли пыль с мраморной плитки, а здесь упитанные ляжки, и нога на ногу — сидели подруги в летнем кафе. Шатенку звали Римма — Элла Сергеевна потом как-то обмолвилась. Видел я и типа, который приезжал в сквер снимать с меня показания. Чрезвычайно надменная личность. К чему делать вид, что он меня не помнит? Я-то помню. Из всей публики ближе всех оказался Тимур — классно играет на бильярде. Однако разница в возрасте и некоторая заторможенность — он постоянно переспрашивает, даже когда нет необходимости отвечать. В общем, с большим скрипом я вливался в коллектив Эллы Сергеевны. Со мной иногда здоровались, типа, привет, Дима, как дела? Элла Сергеевна держит меня на коротком поводке, разрешая гавкнуть в ответ — нормально. Единственный вынужденный собеседник — все тот же Тимур. Пока Элла ведет светские беседы с Гришей у него на ранчо, мы гоняем шары. И тут мне однажды повезло — мы нашли общего знакомого. Хотя беспокоить прах покойного неприлично, мы все же вспомнили Афтондила. Наш мир — одна большая деревня. Забытый лозунг вновь о себе напомнил. Лучший метод снискать к себе расположение — не задавать лишних вопросов. У меня, кажется, получилось не только закатить победный шар в лузу, я кое-что узнал. Немного. Тимур обронил всего несколько фраз, но каких! Я едва не поперхнулся — Афтондил и Григорий Аркадьевич знали друг друга. Я предложил еще одну партию, однако на этом везение закончилось.

Мне вновь предстояло залезть в кокпит желтого болида и испытать перегрузки на выносливость.

Ночные гонки по пустынному шоссе случались не часто — раз или два в неделю. Где-то я даже привык, чувствуя адреналин в крови и вытекающие отсюда последствия. Однако Элла Сергеевна этим не ограничилась. Она стала гонять на время. Включала музыку, заставляла меня делать отсчет и вперед! Бросить взгляд и оценить состояние, в котором она находилась, невозможно. Я молил господ, чтобы в повороте не отвалилось колесо или шпилька на туфельке — Элла Сергеевна категорически не желала сменить обувь. И настал вечер, когда мы заключили пари — она меня вынудила. Вот тут все пошло серьезно — и сделанные ставки, и гонка на выживание. Теперь бояться за Эллу Сергеевну не приходилось — на второй попытке за рулем сидел я.

Сумасшествие? — Несомненно. Любая встречная машина означала неминуемое столкновение. Увернуться никакой возможности, слишком узкая дорога. Стрелка тахометра в зоне ограничителя, на скорость я не смотрел — она была бешеной. И мы оба —

бешенные, выпучившие от страха глаза, влажные руки и вопли ужаса. Как она кричала! В этом что-то есть — звериное, неподконтрольное чувство. Оно не пугало... оно заводило, как заводит крик большой любви. А потом мы спорили — бранились и доказывали, кто на этот раз вышел победителем. Проверить невозможно. Когда я был за рулем, время контролировала Элла Сергеевна, и наоборот. Она меня обманывала и я тоже — мы оба обманывали друг друга. Затем мы курили — двое идиотов на пустынном шоссе. Пару раз мимо проезжала машина, отчего вновь появлялся адреналин. Мы смотрели друг на друга, понимая, что обманули третьего участника. Видно, и ей было забавно — старухе в подвенечном платье. Смерть нам улыбалась и прощала.

Как-то вечером мы направились за город. Здесь я прежде не бывал — покинутый участок шоссе, на смену которому невдалеке отгрохали современную трассу. Элла Сергеевна остановила машину и выключила радио. Мы вышли. Тишина, сосны качаются — замечательно. Я полез за сигаретами. — Подожди, — сказала она и медленно пошла вдоль дороги. Тишина слегка отодвинулась, и родился звук — каблуки на асфальте заброшенного шоссе. Что-то в этом было таинственное и завораживающее — я двинулся следом. Поверить сложно, но я пропал — растворился, нет, не в тишине, а в звуке каблуков — они отчитывали время. Я его физически чувствовал или даже видел. И вдруг она остановилась, повернулась и пристально на меня посмотрела. Черт! Я понял, что во мне умерли режиссер и оператор одновременно. Это же фильм! И я снимаю кино — навожу камеру и приближаюсь.

— Дима, — сказала Элла Сергеевна, — ты кто?

Кто я? Об не знает ни одна живая душа и не должна знать. Секундное напряжение — я испугался. Испугался, что она заберется на мою волну — она уже подбиралась.

— Последний герой, — отшутился я и вытащил сигарету.

— Не кури, потом покуришь.

Она меня пугала. Определенно, это была какая-то другая Элла Сергеевна — я ее не знал.

— О чем думаешь?

Вновь вопрос, однако на сей раз слишком банальный и затасканный — ответить можно, что угодно. А можно и не отвечать — посмотреть задумчиво вдаль. Я все же сунул в рот сигарету...

Что мы здесь делаем? Стоим на обочине старой дороги и ведем глупый разговор — играем в не менее глупую игру? Элла Сергеевна — не наивная и романтическая барышня. Зачем она меня сюда притащила? Подышать воздухом? Она чертовски умна и коварна, она тебя сожрет, — раздался в голове голос Константина.

Элла Сергеевна уже шла в обратном направлении, постукивая каблукками, а я напряженно думал. Стоял, загоняя в себя одну затяжку за другой, и тут я услышал. Как это произошло — одному богу известно. Скрип тормозов — вот что я услышал. Каблуки на заброшенном шоссе — они отчитывали последние секунды...

— Дима, вы скоро? — она сидела в машине. Я подошел — равнодушная и отстраненная, знакомая Элла Сергеевна.

— Пари?

Она вздрогнула и испугалась. Я был прав! Я все понял! Дима Скворцов все понял! Ну вот и доигралась. Не следует играть с Димой Скворцовым — он далеко не дурак. Убедились? Или все еще сомневаетесь? Элла Сергеевна — скажите. Все еще сомневаетесь? Однако я не зверь — чиркнул двигатель, и машина сорвалась с места. Ох, как я не обделался той ночью — с пьяной дамой за рулем.

— Ремень набросьте, — посоветовал я.

Рычаг тормоза на себя, педаль газа — в пол. А сейчас вперед! Только вперед!

Желтый цыпленок задрал заднее колесо и взвизгнул покрышками — Эллиу Сергеевну отбросило. В глазах — ужас. Я смотрел не на дорогу — в ее глаза. Цыпленок — уже не цыпленок, а смертельный снаряд, летящий по заброшенному шоссе. Еще немного — где мы стояли? Поворот приближался стремительно... и тут она закричала. Пытка не может длиться вечность. Вечность — секунды, мы уже их пролетели.

Элла Сергеевна плакала. Закрыла лицо руками и плакала.

— Здесь? — спросил я.

Она кивнула.

— Вы тоже были в машине?

Размазанная тушь — что может быть ужасней? Дергающие губы — она, кажется, их прикусила.

— Нет! — закричала Элла Сергеевна, — я его не убивала! Он сам себя убил — несчастный случай! Я была в другом месте — Гриша подтвердил. Мы были вместе с Григорием Аркадьевичем! Там еще был Тимур — он тоже подтвердил! У меня алиби!

Ужас. Элла Сергеевна убила своего прежнего водителя — они разбились. Вылетели с дороги и в лепешку. У бедняги голова в кустах, у а бедняжки сломанный ноготок — трагедия. Могу себе представить. Она — пьяная в хлам — вываливается из машины и не может поверить в чудо. Копается в сумочке и звонит Грише. А дальше — совсем немного ума. Григорий Аркадьевич — мужик сообразительный. Интересно, сколько оба заплатили за молчание Тимура? Пять тысяч или десять?

— Убирайся прочь!

— Что?

— Я говорю — прочь! Ты уволен!

Это вновь не Элла Сергеевна, один черт знает — кто. Хотя, может быть, и сам черт. Черт в юбке? Возможно, в жизни всякое возможно, ничего исключать нельзя.

* * *

Домой я добрался за полночь — не привыкать. А к чему мне теперь спешить? Работа? Так меня уволили! Без выходного пособия и прочих полагающихся по закону льгот. Вышвырнули из машины и оставили в лесу — прекрасный шанс пообщаться с природой. Вдохнуть свежего воздуха и подумать о вечном.

Открыл холодильник и тут же закрыл. Он был пуст, а вот бутылка — дурацкая привычка не допивать меня раздражает. Не русский характер — я не могу допить до конца. Забываю.

И чего ты, Дима, добился? Раскрыл преступление? Вывел на чистую воду заблудившуюся в реальности капризную тетку? Мир полон потерянных душ — они кругом. Бегают, летают или ползают. Почему там — на обочине не было креста? Обыкновенного деревянного креста?

Глотнул водки и ждал, когда тепло разольется по телу. Разлилось — у погибшего парня в жизни никого не было. Элла Сергеевна крест ставить боится — еще не так поймут. А зачем она тогда привезла меня на место трагедии? Боялась остаться одна? Чепуха.

Еще глотнул водки — Дима, у тебя, кажется, проблемы. Ты — свидетель. Ерунда. Элла

Сергеевна — умная женщина. Это скорее наказание нравственного характера, когда тебя тыкают в дерьмо, что ты сотворил. Думал — все, вышел срок, можно перевести дух и забыть. Ан-нет! Кто-то решил напомнить Эллочке о прежних грехах, но только исполнил задуманное, используя Диму Скворцова. Какой же я после этого свидетель? Я такая же жертва, случайно выступившая в роли палача. Что последует дальше? — Ничего! Утром позвонит Элла Сергеевна и попросит подать машину к подъезду. А вечером выпишет премию. Сколько? Две тысячи. Одну — Вадиму, вторую — купить каких-нибудь консервов и забить холодильник, чтобы раз и навсегда решить вопрос.

Элла Сергеевна, не переживай. Тебе неприятно? И мне неприятно. Я — не дурак и буду молчать. Думаю, и ты будешь молчать. Или расскажешь Григорию Аркадьевичу? И он меня взорвет в твоей машине — она же застрахована до последнего болта. И прежняя была застрахована. Глупость — слишком много риска. Григорий Аркадьевич умный человек — к чему ему чужие проблемы? В пятницу он выпьет со мной водки на своем ранчо — У Эллы Сергеевны вдруг якобы возникнут какие-то хлопоты. Выпьет по просьбе Эллы Сергеевны — он здорово умеет пить. Дима, ты готов — выпить с Григорием Сергеевичем? Многие сочли бы данное приглашение за честь. Тимур — тот вытаращит глаза и ничего не поймет — примется гонять шары в одиночестве и думать, что же на самом деле происходит? И я все забуду, а через неделю мы отправимся на ночные гонки — ох, как я их жду! Я — мерзкий и противный мальчишка задумал страшную пакость.

Григорий Аркадьевич вновь подтвердил, что он умный мужик. Выдернул меня в самый неожиданный момент — я дремал в машине. Есть разговор, — сказал он. Разговор состоялся в непринужденной обстановке: Гриша вывез меня не на ранчо, что и понятно. Велика честь для засранца. Кафе — они сейчас на каждом углу — лучшее место для приватной беседы. Я снял пиджак и повесил на стул — было жарко. Будешь пить? — спросил он. Все, как в дешевых сериалах — я зевнул.

— Дима, — сказал Григорий Аркадьевич, — ты меня расстраиваешь. У нас и без того хватает проблем. Эллочка и ты — ровесники. Я ей всегда говорил: сумасбродство тебя к хорошему не приведет. Она ужасно ранимая женщина. Думал, тот случай на нее подействует — где там! Скажу честно — я был против. Я с ней как-то ездил — она ненормальная. Предлагал обратиться к врачу — бесполезно. Она мне как дочь — понимаешь?

— Понимаю, — ответил я.

— И судьба у нее непростая, наверно, слышал? Не скрою, я к тебе присматривался, мне безразлично, кто находится в ближнем круге. На ловеласа ты не похож, с обязанностями справляешься. Дима, сейчас сложно найти приличную работу — она тебя устраивает?

— Устраивает, — ответил я.

— Человек быстро привыкает к хорошему. А потом ему кажется, что может быть еще лучше. Много проблем нам приносят близкие люди — те, с кем живем и работаем. Не какие-то вымышленные злодеи, а те, кто рядом с нами. Тебе нужны проблемы? Вот и мне не нужны, никому они не нужны — других хватает хлопот и забот. Почему ты ушел из милиции?

Вопрос вернул меня на землю — все, о чем прежде говорил Григорий Аркадьевич, действовало словно колыбельная. Я не особенно вникал в его слова и ждал главного, ради чего меня сюда и пригласили. Ранимая женщина... мне безразлично... близкие люди — всего лишь вводные слова и не более — некая декорация, на фоне которой должны развернуться главные события.

— Обстоятельства, — ответил я.

— Ты по-прежнему милиционер?

Интересный вопрос и, наверно, главный в нашей беседе. Уверен, Григорий Аркадьевич наводил обо мне справки. Вот только какой получилась анкета? И кто именно ее заполнял? Недоброжелатели найдутся всегда, как и повод прилепить ярлык — уж кому, как не мне знать. На любой вопрос существует тысяча и один ответ. Я не оговорился. На метафоры и прочие литературные приемы мне плевать. Только один ответ соответствует истине. Вся беда в том, часто сам не знаешь — где она — истина? Почему я ушел из милиции? Не знаю. Однако я понял и другое. Григорий Аркадьевич был озабочен. И беседа не носила характер профилактической. Они хотели знать, к чему готовиться.

— Мне уже заплатили, — напомнил я. — Элла Сергеевна выписала премию. Хорошие деньги и вовремя — я вернул долги.

— Ты хорошо стреляешь? — спросил Григорий Аркадьевич, — пошли, покажешь, чему учат в наших доблестных органах.

Оказывается, это был какой-то клуб, где палили из ружей и не только. Как я отстал от жизни! Приятно вновь взять в руки пистолет, почувствовать холодную сталь. Мы спустились в подвал. Как далеко было нашему старому тиру! Все на высшем уровне — кругом автоматика.

Для разогрева чтобы почувствовать оружие, я сделал несколько выстрелов. Привычно зашумело в голове, в нос ударил запах пороха. Григорий Аркадьевич стоял невдалеке и наблюдал. Я же забавлялся как мальчишка — палил по мишени. Сначала в классической, уже забытой стойке, заложив левую руку за спину. Получилось неплохо, краснеть не пришлось. Григорий Аркадьевич одобрительно кивнул, когда на металлическом тросе подъехала мишень. Еще? — Я лишь поправил наушники и загнал новую обойму. Сейчас я стрелял на время — лепил, словно забивал гвозди, — один, второй, третий... а напоследок сделал кувырок вперед и поставил окончательную точку.

— М-м-да, — как-то неопределенно усмехнулся он.

— Я протянул еще дымящийся пистолет.

— Ну уж увольте, — замахал руками Григорий Аркадьевич, — сроду не держал в руках оружие. И все у вас так стреляют?

— Все — не все, но стрелки всегда были. Сколько с меня за удовольствие?

— Оплачено.

Поднялись наверх и вновь сели за столик, где появились два бокала — прежде их не было. И в зале никого не было — мы сидели вдвоем.

— Тоже оплачено? — кивнул я и взял коньяк.

— Вы, Дима, — милиционер, и всегда им были, — произнес Григорий Аркадьевич, не спеша ко мне присоединиться. — Лишний раз тому свидетельство, как вы стреляли. Сколько времени не держали в руках оружие?

Я улыбнулся и сделал глоток.

— У меня есть знакомый, отличный парень и балагур, — сказал я. — Любит песни, хотя голосом не владеет. А еще он играет на баяне, но только в компании, когда попросят...

— Понимаю, — опередил меня Григорий Аркадьевич, — ваш товарищ прекрасно играет, хотя делает это от случая к случаю. Пистолет — не гармонь, уважения требует и внимания. Я не прав?

Умный, зараза, мужик — этот Григорий Аркадьевич. На мякине не проведешь. Хотя я и сам был удивлен результатами стрельбы.

— А может, вам лицензию сделать? Экий талант пропадает. Озадачили вы меня, Дима. Не на своем вы месте — обувной магазин, водитель у капризной женщины. Где же ваше самолюбие?

Ну вот и приехали. Григорий Аркадьевич ненавязчиво подвел меня к главному — кто есть Дима Скворцов? Он, случаем, не секретный агент, работающий под прикрытием?

— Грехи мучают? — нагло заявил я и вновь глотнул коньяка — он же халявный.

— А кто без греха? Покажите мне этого счастливого человека? В книге бытия что сказано? Не судите и судимыми будете. В ответе я за Эллочку — слово дал, а ты, Дима, слишком близко к ней подобрался. Вот я и думаю, ищу причину. Прогнать — не проблема, а кем будет другой? Со временем она, конечно, сама разберется — решит, кто ей нужен. Вас это удивляет? Женщине постоянный присмотр требуется — такие они существа. Взбалмошные, капризные, самостоятельные, а без присмотра никуда. Вроде и другие времена на дворе, а все идет своим чередом и когда-нибудь вернется на свои круги.

Григорий Аркадьевич глянул на часы.

— Будем считать — поговорили. Сейчас подойдет машина и вас отвезет. Эллочке ничего объяснять не нужно — она в курсе. Сказал, повезу вас в тир. Может, и в самом деле оформим на вас лицензию, а там и поглядим.

Григорий Аркадьевич вскоре ушел, не прощаясь, — встал и вышел прочь. По правде, он меня несколько удивил — слишком интеллигентен. Где он настоящий — сейчас или прежде? Другой вопрос — наша беседа. Чья это инициатива? Толком ничего не сказал, однако выводы сделал. Григорий Аркадьевич дал слово. Может случиться, он действительно взвалил на себя груз ответственности и приглядывает за Эллой Сергеевной — этакий умудренный опытом старый богатый папик. Элла Сергеевна — шалунишка, по вечерам балуется тем, что разбивает в хлам машины. У Эллы Сергеевны тяжелое детство и она, бедняжка, не наигралась. Диму Скворцова с испуга приняли за секретного агента, а чтобы легенда выглядела достоверно, выперли из органов и на некоторое время забыли. А когда он не спился и прошел иные испытания, вспомнили и решили дать важное задание — внедрились в банду.

— Кто заказывал машину? — спросил мужчина. Еще один идиот. Если в зале кроме меня никого нет, кто еще мог заказать машину? Я дохлебал коньяк и вышел вон. Затем вернулся и надел пиджак — он мне еще пригодится.

Я не только влез в ближний круг Эллы Сергеевны, я торчу в нем, как поплавок. Иногда меня дергают и наблюдают, как я себя поведу. Я ныряю вниз, затем устремляюсь вверх, и никто ничего не понимает. Вскоре мне дадут пистолет и я буду приезжать в тир шлифовать свое мастерство — не дрыхнуть в машине, а дырявить мишени и кувыркаться. Дима — ты крутой парень! У тебя желтый цыпленок, новый пиджак с одной пуговицей, а еще будет пистолет и микрофон в ухе! Вот только с кем ты будешь говорить?

* * *

Спустя три часа я управлял другим транспортным средством — катил перед собой огромных размеров тележку. Я — на задании, а чтобы его качественно выполнить, мне вручили инструкцию — отпечатанный на компьютере лист бумаги. Я должен купить какой-то хрени — тридцать пять наименований. Элла Сергеевна вручила. За ней заехала машина, кажется, Ауди — огромных размеров черный сарай с тонированными стеклами. Не удивлюсь, если завтра меня отправят в прачечную — еще одно секретное задание. Без оружия никак не справиться.

Что нынче предпочитают наши господа на ужин? Понимаю, почему мне всучили распечатку, а не написали от руки. Дима Скворцов — неандерталец, он никогда в жизни не знал, что существуют на свете... сейчас прочитаю по слогам. И по слогам не получается, нужно передать продавцу — пускай разбирается сама. Одним словом, какие-то морепродукты — креветки, кальмары, осьминоги, мидии и прочая гадость. Виски, оказывается, бывает разным — у меня пошла кругом голова. Хотя впечатление произвел сильное — все бросились мне угождать, с глубоким почтением, если не трепетом укладывая коробки со спиртным.

— День рождения, — слегка покраснев, объяснил менеджеру, — давно не виделись, еще со школы.

Мне сделали скидку, которую я тут же наглým образом присвоил — сунул в карман. И карточку подарили — там приз какой-то разыгрывался. Еще минут десять все это богатство заталкивал в машину.

Меня окликнули, и подошла моя бывшая. Думаю, она наблюдала, как я сражаюсь с горой продуктов, и не удержалась.

— Скворцов? Тебе помощь не нужна?

— Это не мое, — первым делом сообщил я. — Ты же знаешь, кроме пельменей я ничего не ем.

— А что за пиджак? И почему на нем одна пуговица? Или пиджак тоже не твой?

— Не строй из себя дуру, лучше положи спиртное в салон. Только, ради бога, — осторожно. Одна бутылка стоит... — я заткнулся, чтобы ее не волновать. — На следующей неделе верну долг. В рублях можно? Или в долларах? Как поживает...

— Вадим, — напомнила она, — хорошо поживает. Он тебя и заметил. Сказал — ничего себе, должничок! Ты глянь — у него покупок на десять тысяч!

— Я же сказал — это все не мое!

— Скворцов, ты что — мальчик на побегушках?

Удар ниже пояса — я проглотил обиду. Она у меня всегда не думает, что говорит.

— А эта машина, значит, тоже твоей мадам? Ну и вкус! Могу представить, какое нижнее белье она носит!

— Элла Сергеевна, — набравшись иронии, заявил я, — вообще не носит нижнего белья.

— Проверял?

— Нет, помогал снимать.

— Хам!

— Сама дура!

И она разбила мне бутылку — грохнула о землю. Прощай, моя скидка! Сейчас мне залепят по лицу — я пригнулся, словно желал убедиться, разбита ли бутылка. Огромный город, множество магазинов, двадцать четыре часа в твоём распоряжении. Они живут совсем в другом районе — она и Вадим. К чему тащиться в пробках, стоять на перекрестках и нервничать? Ответ на удивление прост — чтобы встретиться с Димой Скворцовым. Она меня преследует, не может забыть и каждый раз выдумывает всякую всячину.

— В долларах! — крикнула она. — И не вздумай принесли какие-нибудь занюханые грязные бумажки! Я тебя с ними выгоню! Слышал — ты, невоспитанный и порочный извращенец!

И это на всю стоянку. А голос? Ей на вокзале объявлять о прибытии поездов.

Еще один поганый день — я его чувствую. Столкновение возле супермаркета — прелюдия. Как я с ней прежде жил? А она — как? Извращенец! Это я-то извращенец? К чему выносить сор из избы? Я же не говорю о том... действительно я не говорю. Личный и интимный вопрос — кому, спрашивается, есть дело, как мы любим друг друга, то есть когда-то любили.

Успокоился я, только выбравшись из города. Оказалось — напрасно. Выдернули из потока, махнув полосатым жезлом. Что я говорил? — Неприятности только начинаются. Пристегнулся и сделал добропорядочное лицо идиота.

— Документики папашу, — не менее мило улыбнулись мне в ответ, — страховочка имеется? Имеется. Техталон настоящий? А как обстоят дела с огнетушителем?

Поток машин, час пик — все спешат по своим делам. Дима Скворцов ищет

огнетушитель — складывает на дороге огромную кучу продуктов.

— Не порядок, — объясняют мне, — огнетушитель должен находиться всегда под рукой.

Понимаю. Огнетушитель должен быть на поясе — мало ли что случится в дороге.

— А это что?

— Это виски, — объясняю я.

— Случаем, не пили?

— Бутылка разбилась.

— Ах, бутылка — понимаю. Спешили и поэтому нарушили скорость, а потом забыли пристегнуться — пройдемте, гражданин Скворцов, составим протокол.

Освободился я через пять минут — сунул коробку с бутылкой. А прежде показал бумажник — пустой, как и мой холодильник. Странное какое-то задержание — я же был в потоке машине и нарушить ничего не успел. Отматываю в памяти досадное происшествие — меня ждали! Стояли на обочине и высматривали! Глупость. Мнительный ты стал, Дима, ох, какой мнительный. Кому ты нужен?

Наконец, подъезжаю. Подхожу и жму кнопку — это я. А почему поздно? Почему не отвечал на звонки? Почему не купил виски? Дима! Я же тебе написала! Ты что — читать не умеешь? Ах, остановили, ах, на дороге, пристали, и ты отдал две бутылки виски. А почему ты все не отдал? Ты не мог позвонить? Дима, ты срываешь мне мероприятие! Садись и поезжай обратно. А мне какое дело! Где хочешь, там и покупай.

Черт! Как я был зол! А если у меня будет пистолет?

— Деньги! — заорал я, — у меня нет денег! Как я куплю виски, если у меня нет денег!

Однако дверь уже захлопнулась. Бросить все и уйти. Швырнуть ключи от машины и отправиться на автобусную остановку. Где здесь останавливается автобус? Оказывается, нигде не останавливается. Нет здесь автобусов. Здесь, Дима, коттеджный поселок, говоря доступным языком — здесь живут буржуи. Они не знают, что есть автобус и как туда садиться.

А вдруг это происки Григория Аркадьевича? Что ему стоит сделать звонок и задержать Скворцова? Мелкая пакость — кто заподозрит? А смысл? Смысл — на лицо. В который раз я не справляюсь с поручением. Даже в дом не пустила. Конуру бы сделала — у собаки и той крыша имеется. Ну ничего, мы народ не гордый, но злопамятный.

Вышла какая-то женщина — прежде не видел.

— Элла Сергеевна просила передать.

Две бумажки по пять тысяч — другое дело. Где здесь ближайший магазин?

Сижу и смотрю какой-то журнал — обманчивая упаковка. Вот и я — упаковка. Со стороны можно принять за кого угодно. Скучающий денди, ожидающий, когда его машину приведут в порядок. Постоянный клиент — меня уже узнают. И я кое-кого знаю. К примеру, вон та женщина. Мы, кажется, встречались. Только на ней была другая юбка. Она постоянно звонит по телефону или ей звонят. Где я мог ее видеть? Дурак. Здесь и видел — она тоже ждет, когда приведут в порядок машину.

Уже две недели мы не ездим по ночам — с Эллой Сергеевной что-то произошло, вероятно, она пошла на поправку. И пить она больше не пьет. Пью я. Но в разумных пределах. Открыл для себя новый напиток — горилка. Самогоном не пахнет, на утро никакого запаха и цена демократичная. И все же, где я видел эту женщину? Память у меня с возрастом стала избирательной, и что ей вздумается выбрать — вопрос. Ну, наконец, она прекратила болтать, хотя признаюсь, в этом что-то есть — наблюдать, как женщина говорит по телефону. Собеседник где-то там — за десятки или сотни километров, но сколько эмоций на лице! Только по одним эмоциям можно определить, о чем идет разговор.

— Следующий! — раздается голос.

Бросаю журнал и встаю. Моя знакомая незнакомка тоже встает и решительно направляется ко мне. Понятно. Сейчас она скажет — не пропустите меня вперед, а дальше надуманный предлог.

— Извините, — говорит она, — вы очень спешите?

Определенно где-то ее видел.

— Я вас угощу кофе. Вы кофе пьете?

Весь мир пьет кофе, пьет как сумасшедший с утра до вечера, я пью горилку.

— Следующий!

Лишние пятнадцать минут ничего не решают, и я соглашаюсь. Она бежит, чтобы вручить ключи от машины. Я же смотрю, как она бежит, вновь смотрю и не понимаю. Каблуки на асфальте — вот как она бежит! Пора, Дима, завязывать — с горилкой завязывать, иначе возникнут серьезные проблемы.

* * *

Помнится, Элла Сергеевна меня однажды уже увольняла. Второй раз увольнялся я — положил на стол заявление по собственному желанию. Случился мой бравый поступок спустя неделю после известных событий, когда меня задержали на дороге. Спиртное я купил, привез, а потом принялся писать заявление. Утром, как положено, доставил Элле Сергеевну на работу, перекурил и вновь зашел — заявление на стол. Она прочитала, что-то там чирикнула — ошибка, говорит. Садись — переписывай. Какая, к черту, может быть ошибка? Она что — сдурела? Человек увольняется, ты подпись поставь или объяснись. А тут — ошибка!

— Ваше решение окончательное? И куда ты пойдешь?

Мы оба уже давно запутались и через предложение сбивались на «ты» или на «вы» — дурной знак, когда не знаешь, как себя вести.

Я пыхтел и переписывал заявление — слово в слово.

— Написал? А теперь уже на другом листе — обязуюсь выплатить...

— Что? — взревел я, — какие пять тысяч долларов!

— Дмитрий Анатольевич, не нужно кричать, — спокойно произнесла Элла Сергеевна, — сколько стоит лицензия частного охранника? А пистолет сколько стоит, аренда тира на полгода? Дмитрий Анатольевич, сколько стоит договоренность решить все эти вопросы? Вам показать документы? С отчетностью у меня никаких проблем.

Григорий Аркадьевич — его работа. Дима Скворцов — частный охранник. Бред какой-то.

Она подошла к сейфу, пощелкала и открыла — ваше удостоверение.

Действительно — мое. И фотография моя. Только я здесь в форме. Откуда, черт, они достали мою фотографию? Она могла быть только в моем личном деле, упрятанном за семью замками.

— Форма вам к лицу, — как бы невзначай, заметила Элла Сергеевна, — моложе выглядите и вообще...

Григорий Аркадьевич человек серьезный, вот только к чему весь этот цирк? Кого я буду охранять? И зачем мне пистолет?

* * *

Мы пьем кофе — я и она. Сидим и о чем-то болтаем. Первая неловкость прошла, я позволяю иногда бросить шутку. Если у женщины нет чувства юмора — вставай и уходи. Похоже, она все прекрасно понимает. Случайная встреча случайных людей — пятнадцать минут. Интересно, какое впечатление произвел на нее мой пиджак? А ботинки — они у меня новые. Очень похожи на предыдущие. Ботинки с некоторых пор моя слабость. Хотя думаю, впечатление произвел пистолет — он у меня подмышкой. А пиджак я расстегнул — там всего одна пуговица. Говорим о машинах. Моя новая знакомая — большой знаток. Нужно будет купить журнал — вдруг последует еще одна встреча? А там третья, четвертая... ничего удивительного. Где мы приводим в порядок машины? На одной и той же мойке. Звонит телефон.

— Приятель, — говорю я, — Деточкин. Юра Деточкин.

Пару секунд она напряженно думает, а затем начинает смеяться — молодец! В телефоне у меня мелодия из кинофильма «Берегись автомобиля». Прекрасное кино на все времена — Эльдар тоже молодец.

— Потом перезвоню, — объясняю я и допиваю кофе. Обмениваться номерами мы не будем — к чему? Если судьба — встретимся и не однажды. Сейчас она встанет, поправит волосы и... застучит своими каблучками.

* * *

У Тимура тоже пистолет, только носит он его не в кобуре. Я вообще не знаю, где он носит пистолет. Ошибка исключается. Как обычно мы играли — гоняли шары. Пиджаки сняли — кто же играет на бильярде в пиджаке? И тут я вдруг почувствовал запах оружия —

совсем неуловимый, просто я его забыл. В тир ходишь? — спросил я. — Хожу, — ответил Тимур. И так запросто, словно он ходит в пивную. Получается, уже два ствола, а это серьезно. Пару раз меня сдавали в аренду. Приехал Тимур, спросил — волына с собой? Оружие у меня всегда подмышкой. И мы поехали на работу к Григорию Аркадьевичу. Посидишь, газеты считаешь, там холодильник, — объяснил Тимур. А ты? — спросил я. Зубы, — ответил он и уехал. Стоматолог — дело серьезное. Без зубов нынче беда — сначала покажи свои зубы, а уж потом трудовую книжку и рекомендации.

Выходит, Григорий Аркадьевич чего-то опасается. Хотя, может быть, и обыкновенная привычка. Как дети привыкают к няньке, так же зависимым становится и взрослый человек. Чем занимается Григорий Аркадьевич? Знает, вероятно, Тимур — он вроде ординарца. Что знаю я? — Ничего. Знаю, где живет, Элли Сергеевну знаю, вот, пожалуй, и все.

Апартаменты серьезные, кругом камеры — чего они боятся? Или дань моде? Еще одна возможность заявить о себе окружающим? Вряд ли. Камеры-то скрытные. Их нет, ты не видишь. Вот и я не увидел — понял, только когда уставился в монитор. Эта, получается, секретарь? А тут приемная — качество, конечно, не ахти какое, но различить лица можно. А вдруг у Эллы Сергеевны тоже стоят камеры? Бред! Ерунда полная. Что охранять? Башмаки? Или смотреть, как Дима Скворцов ковыряется в носу?

Цивилизация, ядрена вошь. Нужно уговорить Элли Сергеевну поставить камеру. Чем мы хуже? А случись что? Людям сейчас верить нельзя, психология нынче иная.

Я задрал ноги и положил на стол — чего я тут делаю? Смотрю в монитор? Что-то тут. Дима, не так. А как?

Встал и открыл холодильник. Горилка, конечно, у Тимура не водится... черт! Водится! Что за искушение? Да тут вечеринку можно организовать! И девок пригласить. Стоматолог — это серьезно. Час — не меньше. А если два зуба?

Налил сока, а сверху горилки — чисто символически, чтобы мозги разогнать. Они у меня по утрам слипшиеся. Пиджак, что ли, снять? Я снял ботинки — негоже с грязной обувью на стол, а вдруг кто зайдет? Григорий Аркадьевич, к примеру.

Огляделся еще раз — обычное служебное помещение. Стол, стул, диван — передохнуть, холодильник — перекусить, шкафчик — бумаги сунуть, ноутбук — документ подготовить.

Я поставил стакан и задумался. А компьютер-то включен. Бедный Тимур так спешил, что забыл выключить. А что есть компьютер? — Музыка, видео или фотографии — как я провел уикенд с любимой девушкой. Интересно, крайне интересно полюбопытствовать, что за девушка у Тимура и что он с ней вытворяет. Парень-то молодой — горячий. И заодно глянуть на документы. Вот это шанс!

Я вновь взялся за стакан — горилки мало налил, нужно было больше. А все скромность моя, воспитание, ядрена вошь. Ладно, еще пятьдесят грамм сверху и точка.

И тут мозги мои проснулись, зашевелились — я их почувствовал, как они у меня в голове ворочаются. Какой же я дурак! Нужно было сразу начислить в стакан норму и без сока.

Дима, — сказали мне пятьдесят грамм, — какого хрена ты тут делаешь? Ты же никого здесь не знаешь. А случись что? Какой из тебя охранник, если не знаешь, в какую сторону бежать и в какую дверь ломиться? Дима, ты же был неплохим ментом. Ну, был — что с того? Думай своими куриными мозгами — за что тебе в бытность свою грамоты вручали и руку жали? За что к награде собирались представить?

Он меня проверяет? — спросил я. — Григорий Аркадьевич — это его работа? И сейчас

они за мной наблюдают — так? Молодец! Почеши в промежности, чтобы их успокоить. Я почесал. И компьютер Тимур оставил включенным не случайно. Горилка — дрянь. Вот он, настоящий соблазн — залезть в компьютер, заглотить наживку и подавиться.

Ух! А кто говорил, что пить вредно? А кто говорил, что с утра пьют только личности опустившиеся? Монитор — я уже знал, они запустили какую-нибудь старую запись. Не удивлюсь, если сейчас зайдет посетитель в шубе. Они же идиоты! Полагают, Дима Скворцов пропил свои мозги. Уважаемые господа, талант пропить невозможно. Он вылезет, как прыщ на ровном месте, — огромный, яркий, — только слепой не заметит. А пистолет свой Тимур носит на заднице — он его в трусы сунет, а сверху рубахой, чтобы не видно. Чудило! Главное — не прикрыть пистолет, главное — быстро выхватить! Вот так — и я его выхватил. А потом спрятал и вновь выхватил. Учитесь, господа, смотрите. Здесь нет секрета. Секрет прост — ты сидишь и выхватываешь — раз, другой, десяток, сотню... тысячу раз. Не переиграть бы... если они и в самом деле за мной наблюдают.

Тимур появился через час. Сел на диван и ничего не сказал. Спросил я — как прошло? Больно? Ужасно боюсь стоматологов. Хороший врач? Может, адресок подскажешь? Ах, Григорий Аркадьевич договаривался? Какой заботливый? Я тут немного горилки выпил — ты не против?

Подозрительность — хороша, но только в меру. Возможно, я все придумал — большое мое воображение. Может быть, вот только лечить зубы Тимур ездил в стоматологию, расположенную за пятьсот метров от офиса. Удобно — ничего не скажешь. Бросил взгляд, когда садился, на спидометр — он кроме скорости еще показывает и пройденный путь. В рот я, конечно, к Тимурову не полез, а стоило — некоторые сомнения все же остались. Однако волновал меня другой вопрос — где я видел мою новую знакомую? Вновь выпить горилки — еще грамм сто? Так я сопьюсь! Если над каждым вопросом, что лезет ко мне в голову, буду думать подобным образом, никаких денег и здоровья не хватит.

И все же лезть в рот пришлось — я сунул туда свою железяку. А прежде выкурил полпачки и прочитал от корки до корки газету — господи, о чем нынче пишут! Я не только отстал от жизни, я вообще живу в ином измерении. Я, наверно, с другой планеты — только об этом не знаю. Мне вживили какой-нибудь чип, скорей всего в задницу — именно там чаще всего чешется, и отправили на вашу дурацкую планету. При прохождении плотных слоев атмосферы в моем головном компьютере произошел сбой, и я ничего не помню. Теперь жду, когда придут ремонтники и меня починят.

Громила меня узнал — его чинить не нужно, и память работает прекрасно.

— Не волнуйся, — сказал я, — он настоящий. Ты понюхай. Чувствуешь? Порохом пахнет. Я его вечером смазываю и оставляю на ночь. А утром в тряпочку и как новый. Пристреливал долго — не хотел пристреливаться. Меня спрашивают — вам как удобно? По центру или под яблочко? Индивидуальная особенность, нужно привыкнуть. Если стреляешь в живот, а он у тебя настроен под яблочко, разлетается голова. А кому это нужно? К сожалению, сейчас под яблочко не получится — расстояние слишком небольшое.

Собеседник мой попался не сообразительный — принялся гонять свой кадык или он хотел проглотить пистолет? Но сообразил я — позволил ему плотнеть спертым воздухом парадной, где пахло кошками.

— В портфеле какие документы были?

— Газеты.

— Какие еще газеты?

— Коммерсант, Ведомости, Московские новости...

— Деньги?

— Не было денег!

Я вновь вогнал ему в рот ствол — курок был взведен.

— Думаешь, сейчас спущу, чтобы покрасить стену твоими мозгами? Ошибаешься, сначала мы проверим, мужчина ты или нет — ты сам проверишь. Только проверять будет некого... или нечего? В словаре на сей счет не сказано — одушевленного он рода или неодушевленного.

— Не было денег!

— А куда они делись? Афтондил говорил — были. И документы, говорил, были. Я Афтондилу верил.

— Кинуть хотели — его затея. И документы он состряпал. Газеты были. Двести долларов.

Вопросы, вопросы, вопросы...

— Чья затея?

— Тебя кинуть — затея Афтондила.

— Портфель! Кто заказал тебе портфель?

— Не знаю! У него красный Гольф, сказал, позвонит. Я и думать забыл, а тут звонок — два месяца прошло. За базар отвечаю.

— Портфель где?

— Выбросил — бомжу отдал. Он его тут же схватил. Да отпусти ты меня — не продохнуть!

Я отпустил — никуда он не денется.

— Глотку всю порвал, — принялся жаловаться громила, — я что — расклада не понимаю? Парня ищи — красный Гольф у него.

— Номер?

Громила сплюнул и принялся ворочать у себя во рту — видно, я несколько перестарался.

— Сто баксов.

Ну и хам! Через минут пристрелят, как собаку, а он — сто баксов!

— Зачем тебе сто баксов? Ты что — кретин? К чему тебе на том свете баксы? Что ты с ними будешь делать?

— А похороны? Я — не Афтондил, у меня автосервиса нет. Сто баксов и точка!

— В рублях по курсу Центробанка.

— Не пойдет, — заартачился громила, — они комиссию берут.

— Не раздражай меня? Лелик. Видишь, в каком стрессом состоянии я нахожусь? У меня же было сотрясение, а мой нос? А моральный ущерб? Неоплаченный бюллетень — как быть с этим? Кто грохнул Афтондила?

— У него врагов, как у старого деда клопов, — не знаю. У Афтондила спроси.

— Номер красного Гольфа?

— Сто баксов, — Лелик, похоже, не шутил.

— РК, — минуту спустя сообщил мне он, сунув деньги в карман.

— Что РК? — не понял я.

— Номер у него — РК.

— Это не номер! Это буквы! Ты обещал номер!

— Не было цифр — грязь одна. И машина вся в грязи, спасибо скажи, что я буквы запомнил. Все? Ну я пошел.

И он ушел — провалился во мраке. Я так думаю, что совали в рот бедному Лелику не только пистолет, но и автомат. Иначе откуда столь завидное хладнокровие? А Дима и в самом деле крутой парень — набросился в темной парадной на подвыпившего мужика. Под зад нужно было дать Лелику — совсем забыл.

* * *

Ну вот, я и на своем любимом диване. На столе огурчики маринованные — крохотные, с палец толщиной. Баночка финской селедки и она — на одну треть пустая — я все же не пьяница законченный. Подведение итогов — так назывались у нас совещания. Как меня чихвостили! Берегли на десерт, чтобы сразу потом в душ подмыться.

Что мы имеем? — обычно говорил старший и смотрел на меня холодными глазами, — Скворцов, доложите, чем вы сегодня занимались? Согласно утвержденного у вас плана, — отвечал капитан Скворцов.

Бумаг в портфеле не было, как и денег. Вполне возможно. Афтондил с Леликом решают кинуть бывшего опера и срубить немного лавэ. Некий парень на красном Гольфе договаривается — внимание! — за два месяца до известных событий взять портфель у Димы Скворцова, который и знать не знал, что будет работать у Эллы Сергеевны. Полный и окончательный бред!

Где мои пятьдесят грамм?

Григорий Аркадьевич вдруг решает выписать Диме лицензию и начинает его проверять. Не меньший бред. Обычно проверяет до того, как выписывают лицензию. Элла Сергеевна — капризная дама с некоторыми отклонениями в психике переводит Скворцова на должность водителя. А прежде отправляет вручить портфель набитый газетами.

Перерыв мой начальник объявлял часа через три — он не курил. А перерыв был нужен, чтобы облегчиться по малой нужде. Обычно он насвистывал какой-нибудь мотивчик. Справлял дело и свистел — в приметы он также не верил. Дима тоже не верил в приметы, но курил.

Мой бывший коллега, а ныне руководитель сыскного агентства Костя, уверяет, что в портфеле находилась дарственная, однако составленная каким-то хитрым образом на некоего... фамилию потом вспомню, она у меня где-то записана. Костя определено что-то знает о моем начальнике, однако лишь предупреждает, что Элла Сергеевна меня сожрет. Затем она меня увольняет, потом увольняюсь я и никак не могу уволиться.

Какие-то люди по просьбе Эллы Сергеевны начинают поиск пропавших документов или газет и обещают их найти. Афтондила взрывают, когда тот везет Скворцову документы.

И напоследок главный вопрос — зачем Диме Скворцову нужна головная боль? Забыл. На повестке еще один вопрос — где прежде Дима мог видеть симпатичную женщину, что случайно встретил на мойке? Кажется, все? И в бутылке тоже, кажется, все. Детектив с меня хреновый — выпить да закусить. Костя прав — нечего мне делать в его конторе. Завтра с Тимуром едем в тир — Григорий Аркадьевич сказал. Как же он останется без охраны? Или есть еще один — третий ствол?

Напряженный сегодня день, радуется лишь одно — послал перевод на десять долларов

своей бывшей. Интересно, как быстро идут деньги? Главное, чтобы в ближайшее время не было инфляции. Следующий перевод думаю сделать через месяц или два, если, конечно, не забуду — Дима Скворцов порядочный человек.

Ударил дуплетом — класс! Прежде у меня столь удачно не получалась, словно кий за меня держал кто-то другой. Тимур сидел рядом и тренировался — выхватывал пистолет. Играть в одиночестве — занятие скучное, однако убедить его присоединиться невозможно. Единственный мой партнер — горилка. Два часа гонять шары — с ума сойдешь.

— Дима!

Луна в полнеба. Не люблю, когда она занимает едва ли не весь небосвод — что-то в этом есть зловещее. И цвет тревожный — бледный. Вылезает, когда все спят. Тимур парень старательный, думаю, у него получится... через годик. Кругом ночь, скоро осень. Выходит Григорий Аркадьевич. В свете фонаря вижу, как он стар. И лицо похоже на луну — такое же бледное. До развилки, — говорит он. Странно. Григорий Аркадьевич — умудренный опытом мужчина. Почему до развилки? Разбиться можно где угодно — малейшая ошибка, и желтый цыпленок узнает, что такое настоящий полет. Залезаю в машину и минуту сижу. Не знаю, к чему она мне — минута. А вдруг она последняя? И минута может превратиться в вечность... когда-нибудь превратится. Пуговица — я ее расстегнул.

— Как настроение?

Элла Сергеевна садится рядом. На меня не смотрит — Элла Сергеевна словно наркоман в предвкушении праздника, который уже в пути.

— Забыл сигареты, — говорю я и жду. Мы всегда курим — своеобразный ритуал после завершения гонок.

— Только быстро, — разрешает Элла Сергеевна. Она уже там — в гонке. Что случится, если мы поедем сейчас, а не спустя пару минут, прежде чем спуститься в подвал, взять забытую пачку и вернуться? Что произойдет? В темноте ночи на встречу вылетит машина? Или мы вылетим ей на встречу? Прежде бог миловал — порой мы видели — эту случайную машину. Дима, ты боишься? Желаете обмануть судьбу-злодейку? Думаешь, ей надоели ваши игры? Думаешь, она столь глупа, чтобы не набраться терпения и вместе с Эллой Сергеевной дожидаться, когда ты возьмешь свои сигареты?

Не верю я в приметы — они всегда обманывают. Что для одного радость, для другого — несчастье.

— Ты еще не уехал?

Тимур продолжает тренироваться — бедный парень! Он, кажется, сошел с ума — будет выхватывать пистолет снова и снова. Дорогу я знаю — каждый поворот, куст, дерево, я даже знаю, где нам суждено умереть. Красный Гольф — предыдущая машина Эллы Сергеевны. Сто две лошадки под капотом. Немного? Но каждый жеребец со своим характером, своими тараканами в голове, своей судьбой. А вместе — страшная сила.

Мало ли на свете красных Гольфов? Вот и во дворе у меня стоит один — тоже красный. А ночь хороша — несколько шагов и я чувствую, как холод забирается мне за шиворот. Лето гостит только днем, вечером хозяин осень, хоть она и не спешит.

Педадь в пол и время пошло. Болезнь не стоит на месте, она вас пожирает. Элла Сергеевна помолодела — скинула лет десять. Обожгла взглядом — чего только в нем не было! Музыки не было — молчал лес, дорога. Элла Сергеевна все-таки меня заразила своим вредоносным вирусом. Исчез страх — он остался у Григория Аркадьевича. Умереть чрезвычайно просто — достаточно лишь подумать, и ты умер.

— А почему желтый? — крикнул я.

— Что?

— Почему цвет желтый? Почему не красный?

Элла Сергеевна еще не понимает — сложить в полотно разбросанную мозаику требуется время, а его как раз и нет.

— Почему Пежо? Почему не Гольф? — кричу я. — Передний привод — здорово! Когда на скорости рвешь на себя ручник, машина не встает дыбом, не переворачивается — она крутится волчком. И вылетает на встречную задом. Сейчас я вам покажу...

Что произошло быстрее — свет, который вспыхнул впереди, или ручник, что я дернул? Цыпленок пошел в занос. Ожил спрятавшийся в ночи лес — закружился, словно в танце. Утверждают, в мгновения смертельной опасности в сознании пролетает ваша жизнь — ничего этого не было. Был страшный, похожий на стон вой покрышек — как они скулили! Я ждал удара — неминуемую расплату за беспечную самоуверенность и вызов судьбе. Сейчас мы оба вылетим через лобовое стекло, подушки сработают, когда нас уже не будет...

Свет — я в нем купался. Он был кругом — наверно, это туннель, о котором говорят очевидцы, вернувшиеся с того света.

— Дима — ты идиот!

Голос знакомый, похож на Эллу Сергеевну. Значит, в туннеле мы оба — я и она. Наши души начинают медленное восхождение на небеса.

— Дима, я, кажется, сломала ноготь! Точно — я сломала ноготь! Иди и скажи, чтобы он выключил свет!

Невероятно, но мы были живы. Я толкнул дверь и едва не вывалился на дорогу. Ноги — я их не чувствовал. А еще я ослеп — ничего не видел. Яркий свет продолжал гореть кругом. С минуту приходил в себя — восхождение на небеса откладывалось на неопределенный срок. Я стоял на ночной дороге и медленно соображал.

Я дернул ручник, а прежде заметил приближающуюся машину. Автомобиль был — стоял в каких-то трех метрах от желтого цыпленка. Ах вот оно что! Встречная машина не двигалась — мирно дремала на обочине с включенными фарами. Выполнив разворот, мы вылетели на встречную и припарковались рядом — маневр, который несомненно украсил бы любой фильм — даже скучную и плаксивую мелодраму.

— Скажи, пусть выключит свет! — крикнула Элла Сергеевна, — я уже ослепла! Где моя сумочка? Дима — ты забыл мою сумочку! Там сигареты.

Что за вздор? Сломанный ноготь, сигареты... она не поняла, что находилась на краю гибели. Она, кажется, испугаться не успела — испугался Дима.

Иду, передвигаю непослушные ноги, и что я вижу? — Перепуганные глаза. Если кто и напугался, так эти глаза. Что за народ? Или они романтики? Заниматься любовью в машине — это же так неудобно, в смысле некомфортно.

— Занесло, — объясняю мужчине. Похоже, он ничего не понял. — Нам всем сегодня крупно повезло. Пару метров не хватило.

В голове рисуется возможная картина. Разбитые в хлам машины. В одной — молодой мужчина со спущенными портками и полуголая девица. В другой... а вот об этом не будем. К чему говорить о том, чего нет?

Существует множество методов разговаривать человека, не все пристойные. Есть среди них и метод критической ситуации — своеобразный гипноз. Похоже, на Эллу Сергеевну он не действует — она сидела и курила мои сигареты.

— С каких это пор, — начала она, — ты пьешь за рулем?

— Я не самоубийца, это вы пьете за рулем.

— Я? — удивилась она, — ты что-то путаешь. Кто они?

— С жилплощадью, видно, проблемы. На машину деньги есть, а на квартиру не хватило.

Экстремалы они — занимаются любовью.

— В машине?

— Разворот понравился? Могу научить.

— Дима, ты слишком много себе позволяешь. Водитель мне нужен, чтобы не было лишних проблем.

— А лицензия к чему? Без пистолета никак нельзя? Элла Сергеевна, к чему мне оружие? Вам угрожают, вы беспокоитесь за свою жизнь? А-а-а-а, понял! Элла Сергеевна желает научиться стрелять. Машину водить она научилась, теперь хочет научиться стрелять из пистолета. Никаких проблем — вот он, всегда при мне. Можно приступить к занятиям прямо сейчас.

— Не юродствуй. Тебе мало платят?

— Нормально платят — ботинки новые купил. Обратите внимание — у вас купил. Ваши деньги к вам и вернулись.

Мы помолчали.

— Дима, — говорит она. — Произошел несчастный случай. Он сам разбился. Понимаешь? Меня в машине не было. Я не знала, что он носится как сумасшедший. Володю мне нашел Григорий Аркадьевич — его кандидатура. Мне позвонили и сказали — Володя разбился. Мне действительно жаль — совсем молодой. Всем занимался Григорий Аркадьевич. Хочешь — поговори с Тимуром. Так и скажи — Элла Сергеевна разрешила. Мне скрывать нечего. Поэтому и купила Пежо. А как бы ты поступил? Купил бы точно такую же машину?

— Вы гоняли?

— Случалось. Думай что хочешь, но моей вины нет. Дима, я тебя не принуждаю. Только скажи, и мы прекратим. Они, кажется, собираются уезжать? Давно пора — тоже мне, нашли место.

Любовники и в самом деле уехали — в ночном лесу остались лишь мы вдвоем.

— Мы когда-нибудь свернем себе шею, — продолжил я. — Подобные увлечения иначе не кончаются. Рулетка — болезнь, зло, за которое приходится расплачиваться. Володю вы тоже обманывали?

— То есть?

— В портфеле документов не было — Володя знал об этом?

— Поехали! — излишне требовательно произнесла она.

— В портфеле были газеты. Элла Сергеевна, кто еще кроме вас знал, что в портфеле газеты? Григорий Аркадьевич?

— Какое твое дело? Что ты хочешь — оказаться вновь на улице?

— Документов в портфеле не было, — пропустив мимо ушей угрозу, продолжил я, — но они пропали. Значит, кому-то было выгодно, чтобы они пропали. Небольшой спектакль и они пропадают. Как вовремя подвернулся Дима Скворцов! Подарок небес. Только как мог Володя организовать нападение на самого себя? Володя что-то знал. Или вы использовали его в темную? И вдруг — трагедия. Красный Гольф разбивается в лепешку. У Эллы Сергеевны железное алиби, однако что-то пошло не по плану. Нужно срочно переписать

сценарий и вручить роль новому статисту — Диме Скворцову. Вот только время не ждет — слишком мало его осталось.

* * *

— Дима, сколько тебе нужно времени, чтобы сходить за сигаретами? — Элла Сергеевна смотрит на меня с осуждением, — а ну-ка... да ты пьян! Вот это номер! Дима Скворцов — пьян! На рабочем месте. Ты, дружок — нахал. Ты понимаешь, что я должна тебя выгнать? Водитель называется! А пистолет — Дима, где твой пистолет? Господи, он еще и пистолет потерял!

Да, Дима Скворцов несколько не рассчитал свои силы. А пистолет — вот он, я его в штаны сунул.

Всю дорогу Элла Сергеевна меня чихвостила — на лицо не только нарушение трудовой дисциплины. К чему нужен водитель, если ты сама его везешь? А потом еще ждешь в ночном лесу — Диме приспичило по малой нужде. Остановились мы, где прежде стоял автомобиль с любовниками, и где не состоялся возможный разговор.

— Идиот, — сказал я, застегивая штаны, — а мог бы сейчас и в начальники выйти. Выходить-то некому и ты бы, Дима, вышел — терпения у тебя нет. Это точно, терпения у Скворцова ни на грош, но голова варит. Если и сейчас, после этой дурацкой выходки меня не уволят, значит я прав. Дима Скворцов нужен. И увольнять его нельзя. Сколько трудов вложили в Диму? А потом взять и уволить?

И все же, что у них за план? И когда наступит время «Ч»?

Дверь я открыл и понял — в квартире кто-то был. Когда человек живет один, обмануться невозможно. Не нужно быть проницательным или обладать необычными способностями, нужно иметь хороший нос. Мой нос подсказывал — кто-то побывал в мое отсутствие. Ну вот, — сказал я, — что-то похожее на детектив. Труп есть? Есть — Афтондила убили. Украли документы, которые оказались газетами. Красный Гольф, покойный Володя, а теперь и в квартиру залезли. Все правильно — я их проверяю, они — меня. Корзина грязного белья и пара пустых бутылок — весь их улов. Наверно, их постигло глубокое разочарование и не менее глубокая тоска. Я же секретный агент, ядрена вошь! Меня же с утра до вечера учили, как вас всех вокруг пальца обвести.

* * *

Новый день — новые возможности, забытые долги и обязательства. Кажется, вчера я слишком много себе позволил. Небольшой эксперимент и, чтобы его завершить, снимаю трубку.

— Слушай, — говорю я, — какого черта? Мы с тобой, помнится, договаривались. А если бы я был с женщиной?

— Ты о чем?

— О чем? Ты же ко мне приходила. Хотя бы крышку на унитазе подняла.

— Скворцов — ты законченный идиот. Ты — больной! Ты всех и всегда подозреваешь. В каждом углу тебе мерещатся враги! Дурак!

Прозвучавшая ругань пролилась сладостным бальзамом. Но каков я! Бывшую жену не учуять! Про унитаз — дешевый прием.

— Я знаю, ты оставила себе ключи. Не стыдно? Что ты желала найти — лифчик на торшере или помаду на фужере? Перевод получила?

— Какой перевод?

— Как! — на этот раз уже я стал терять терпение. — Ты не получила извещение? Я выслала тебе деньги — десять долларов в счет погашения долга.

— Скворцов — ты полное ничтожество. Сунь свои доллары в...

Браниться она умеет, а вот ругаться — нет. Издержки гуманитарного образования, у меня — техническое. Возможная причина нашей размолвки, думаю, как раз в этом и заключается. Когда я впервые выругался в ее присутствии... в общем, она была крайне удивлена. Я — не меньше. Откуда она свалилась? Я — с планеты, название которой забыл при приземлении. Но она-то всю жизнь провела здесь! Не знать родного языка — странно и непростительно.

— Ты, наверно, меня ревнуешь? — с гордостью в голосе сказал я.

— Пошел ты...

В литературе данный прием называется повтор, если что — лингвисты меня поправят. Когда тебя посылают в одно и то же место, возникает вопрос... к слову, задница у нее роскошная. Вероятно, я сначала влюбился в задницу, а уж потом во все остальное.

Гора с плеч. Она все-таки была в моей квартире — плевать. Однако мой нос упорно подсказывал, что был и кто-то другой. Не думаю, что это Вадим. Этот другой зашел, когда она ушла — хитрец отменный. Кто на примете? Кандидатов не столь много — Костя и человек Григория Аркадьевича. Почему Костя? Он у меня однажды был, а зайти второй раз уже проще. Григорий Аркадьевич — сплав жестокости и сентиментальности. Я помню его глаза. «До развилки» — сказал он. В действительности Григорий Аркадьевич сказал — Дима, сколько можно ждать? Когда, наконец, ты ее грохнешь? Грохни, и я тебя отблагодарю. Пистолет — научи эту стерву стрелять. Я видел, как ты стреляешь — молодец. Прошу, научи Эллочку стрелять. Володя меня подвел — большое расстройство. Я же на Володю надежды возлагал. А она колготки порвала и ноготок сломала. Вся рубашка мокрая — ткнулась головой и плачет, дуреха. Пришлось успокоить — погладить по головке. Говорю — ребенок ты у меня несмышленный, не переживай, купим мы тебе другую машину. Цвет выберешь — не переживай.

Новый день — прекрасно. Когда-то я вставал, открывал кран и залезал в раковину. Кран хрипел, плевался и скандалил. Вода ледяная. Дима Скворцов — молодой, красивый, полный планов. Она спала. Дима ее целовал — осторожно прикасался и убегал на службу. Думаю — я устал. Всю жизнь только тем и занимался, что думал. С утра до вечера. Думать — мое наказание, а не призвание. И что? Я стал умней или богаче?

Ну пришел он — этот таинственный некто — в мою квартиру. Какой риск, если он знает, где сейчас находится Дима Скворцов. Бывшая жена тоже ушла — какой риск? Ему интересно? Но ты поставь вещь на место! Глянул и на место! Терпеть не могу бардак. А этот кто-то — явно полный кретин. Тронул и забыл.

Сколько уже? — Девять. Обычно в это время я уже стою перед домом Эллы Сергеевны. А сейчас и рожу побрить не успел. Интересно, где я видел незнакомку? Определенно, я где-то ее видел. Память еще цепкая — не сегодня, так завтра подскажет. А сейчас молчит и в этом интрига. А вдруг... я видел ее на мониторе в конторе Григория Аркадьевича? Господи,

только не это, только не у Григория Аркадьевича.

Звонок в дверь. Что-то новое! Отправляюсь в прихожую — пара шагов. Щелкаю замком и понимаю, что забыл натянуть штаны.

— Привет.

Кажется, Тимур воспылал ко мне товарищеским чувством — не замечает моего вида. Сейчас выхватит пистолет и ткнет в мой волосатый живот. И чтобы уважить парня, кручу подсечку и валю его с ног — пистолет-то на предохранителе. На серванте мебельной фабрики имени Эрнста Телля у меня стоит ваза — приз республиканских соревнований по стрельбе среди работников правоохранительных органов. И вот эта ваза разлетается на сотню осколков, один из которых едва не угодил мне в глаз. Этот идиот держит патрон в патроннике! Пуля не долго гуляла по комнате — влипла в стену. А если бы я сделал ремонт?

Нормальный парень Тимур, но дурной. Вероятно, он понимает насколько дурной, и впервые на его лице вижу слабую тень сожаления. Значит, парень еще не окончательно потерян для общества, однако ему придется долго и упорно работать, прежде чем влиться в наши с вами ряды. Но надежда присутствует, что уже не плохо.

— Научишь? — спрашивает Тимур и поднимается с пола.

— Без проблем, — отвечаю я и подтягиваю трусы. Они у меня находятся в той критической зоне, когда их наличие или отсутствие не играет никакого значения.

— Ты что, типа, спецназ?

— Вроде того, вот только пенсию мне, типа, забыли выписать. Кофе пьешь?

Мы пьем кофе — еще один шаг в укреплении корпоративного единства.

— Дима, — говорит Тимур, — ты мне сначала не понравился. Гонора много.

Он прав — сколько во мне гонора! Я всегда от него страдал. Думал — собственное достоинство, оказывается — гонор.

— И живот у тебя, — подсказывает Тимур. — В зал сходи. Живот это плохо. Ты должен его видеть, а что видишь ты?

Тимур мне нравится. О чем думает, о том и говорит. А говорит крайне мало и неохотно. Сегодняшний разговор что-то невиданное, пресс конференция перед многочисленными корреспондентами, годовой отчет. А живот — нормальный. Я и муху сейчас могу рукой поймать — только ее нет. Для непосвященных — муха и вовсе не муха. Реакция еще сохранилась. Вот она летает, а вот и нет мухи. Таким образом Дима Скворцов себя проверяет — насколько он стар.

Пятнадцать минут, а прежде требовалось десять. Взгляд в зеркало — пиджак на одной пуговице, ботинки — они мне всегда нравятся, и слегка серое лицо. Сейчас мы поедем. Кожаные сиденья — я в них утону. Если у меня когда-нибудь будут сумасшедшие деньги, ни за что на свете не куплю себе джип! Не хочу, чтобы мной кто-то управлял.

— Здесь деньги, — объясняет Григорий Аркадьевич и показывает. К чему он это делает? Денег много. Никогда прежде не видел такую огромную сумму.

— Сейчас мы поедem и эти деньги отвезем. Тимур! Сколько раз тебе говорить! Опять жуешь! Ты что — корова?

Тимур стусевался и, вероятно, проглотил жевательную резинку. Смотрит смущенно — хозяин всегда прав.

— Дима, максимум внимания. Ты сегодня какой-то взъерошенный. Все в порядке?

— Максимум внимания, — повторил я.

— Молодец. Портфель возьмет Тимур. Не потеряешь?

Григорий Аркадьевич шутит. У Григория Аркадьевича прекрасное настроение. Опять спектакль — к чему он? Почувствовать ответственность? Вряд ли. Мы и без того ответственные — нам за это платят. Григорий Аркадьевич спокоен — перебирает четки. Мы сидим и наблюдаем, как он их перебирает. Опять портфель. Один и тот же снаряд не падает в воронку дважды. Значит, следует ждать что-то новое. Мы ждем — сидим и молчим. Закопошилось предчувствие, взмокли ладошки, и стало тоскливо в груди. Вроде, как ты собрался в дальнюю дорогу. Билет в кармане, чемодан собран, а душа не лежит, а почему — ты не знаешь. Мы сидим и ждем. Смотрю на свои ботинки — с них все и началось. Ботинками все и закончится. Я не мистик, я в этом уверен. В любом важном деле, главную роль играет мелкая деталь. Афтондила я не догнал — развязался шнурок. Я бежал и думал, когда на него наступлю и наступил — растянулся на мостовой. Тогда я не понял — и почему развязался шнурок, и почему я на него наступил. Случайность — рядовая закономерность. Я не фаталист, я — циник. Я мог всадить в спину Афтондилу обойму — не всадил. Забыл про пистолет. Афтондил стрелял дважды — бестолково, глупо, как стреляют со страха. Наверно, я старею — причем здесь Афтондил? А Григорий Аркадьевич — причем?

Звонит телефон. Григорий Аркадьевич берет трубку.

Сейчас мы с Тимуром выйдем. Я впереди, он за мной. Григорий Аркадьевич в это время заменит портфель — тот другой, братец-близнец, стоит под столом. Требуется секунда или две. Вот только к чему? В носу вдруг появился запах пороха — значит, придется стрелять. Вот только в кого? Заныло под ложечкой — еще один дурной знак. В туалет, что ли попроситься? А затем положить на стол пистолет и уйти — запрыгнуть в автобус и сразу в баню.

— Встреча отменяется, — говорит Григорий Аркадьевич и кладет трубку. — Тимур отвези Скворцова до стоянки.

Дима Скворцов обнаглел. Запрыгнул в Пежо и отправился в баню. Долой туманные мысли, долой тревогу, долой труссы — я влетаю в парилку и лезу на верх. Настоящий ад — то, что нужно! Фетровая шляпа! Боже! Николай Васильевич! Мужчина поворачивает ко мне разгоряченное лицо — нет, это кто-то другой. Покрываюсь липкой пленкой, а затем лопаюсь, как гнилой помидор.

Григорий Аркадьевич заготовил мне роль — спектакль уже начался. В первом действии роль небольшая — эпизодическая. Сидеть и ничего не делать, так мы с Тимуром и поступили — сидели и ничего не делали. Играл Григорий Аркадьевич. Молодец, старался, поэтому и переиграл. Во втором акте все проще. Он не будет объяснять задачу и ругать

Тимура, лишь спросит, а может, и не спросит. Возьмет портфель и выйдет. Денег в портфеле не будет, но будет стрельба — яростная, ожесточенная, и меня убьют. Или подстрелят. А если подстрелю я? Дима Скворцов — отличный стрелок. Верно, но когда тебе стреляют в спину, уже не важно, как хорошо ты владеешь оружием. Ты — мишень. С этим понятно, непонятно другое — кто и с какой целью приходил в квартиру в мое отсутствие? Крохотный Будда — его невозможно не взять в руки. Взяли и вернули на место. Именно так им показалось. Спасибо, Будда, — ты меня здорово выручил. Еще бы сказал, за чем они приходили? Кроме корзины с грязным бельем и пары пустых бутылок на кухне с Димы Скворцова взять нечего.

— Так и будешь сидеть?

— Что?

— Пара подбрось, — сказала фетровая шляпа.

Я подбросил и вновь забрался на самый верх парилки. Еще минута и я расплавлюсь.

— Дурь выходит, — шляпа принялась яростно себя истязать. Волны раскаленного пара следовали одна за другой. Странное создание человек. Почему, чтобы ощутить вкус жизни, нужно подойти к краю? Заглянуть в пропасть и только потом осознать, как хороша жизнь. Мужчина лупил себя без пощады, лупил так, что мне стало его жаль. Дай ему в руки железную цепь, чтобы пошла кровь, и тело превратилось в кусок красной говядины... что они делали в моей квартире? Будда — ты все знаешь. Ты сидишь уже который век, не открывая глаз. Что ты там увидел? И тут я последовал его примеру — закрыл глаза.

Темнота. Обыкновенная темнота — я ее призвал на помощь. Я не просил открыть мне смысл жизни, не просил наставить меня на путь истинный, простить мои грехи или стать мудрей. Я спрашивал — какого хрена они делали в моей квартире! Дима гол, как сокол! К нему в гости прекратили ходить даже тараканы...

Будда молчал — он всегда молчит. Он дружит со всей вселенной. Дима Скворцов — пылинка в мироздании. И свершилось чудо. Будда открыл сначала один глаз, затем другой и сказал. Ноги затекли, — сказал он, — а встать нельзя. Народ не поймет. Ты о чем-то спрашивал? Ах, да... за чем они приходили? Если у тебя нечего взять, значит... Тут он вновь глаза закрыл и провалился в нирвану.

— Вышла дурь? — гаркнула фетровая шляпа. На, держи, — и мне сунули веник, — потом отдашь.

Я сидел в предбаннике и приходил в чувство. Будда остался верен себе — ничего толком не сказал. Что мне остается? Последовать его примеру — залезть на скамью, поджав ноги, и ждать ответа?

— Скворцов, какого черта? Ты где?

По голосу в трубке я понял, что Элла Сергеевна в дурном расположении. Пропал не только водитель, пропал и автомобиль.

— Мы сломались, — нагло соврал я. — Еще час. Механик сказал, ничего серьезного. Заводской брак, все устранят по гарантии. Мне еще повезло — взяли без очереди. Элла Сергеевна, и вам повезло — случись поломка, за рулем вы и одна.

— Что именно сломалось?

— Пустяк, но требует времени.

— А что там за голоса?

— Мы в ремонтной зоне, здесь всегда шумно. Элла Сергеевна, я подарил мастеру горилки — типа презента, знак внимания. Вы не против?

Врать нужно с умом. Большого греха я здесь не вижу. Главное, перехватить инициативу, ложь должна быть максимально бытовой, чем проще, тем лучше.

— Она же новая! — все еще упиралась Элла Сергеевна. — Дима, скажи правду — ничего серьезного?

Ну вот, что и требовалось доказать. Теперь уже я успокаивал Эллу Сергеевну. Времени у меня вагон, можно не спешить — даже чая заказать. Не забыть только заляпать капот автомобиля — типа механик не совсем аккуратный попался. Комар носа не подточит. Из бани я вышел в довольном неплохом расположении духа. Даже обратил внимание, что небо высокое и облака перистые — со школы помню, когда облака перистые, дождя бояться нечего. Тут я заметил, что машина Эллы Сергеевны куда-то исчезла.

* * *

Разбор полетов — крылатая фраза или, как говорила моя бывшая супруга, идиоматическое выражение — снискало большую популярность и с некоторых пор, не имело отношения к авиации. Не собираюсь рассказывать, как я метался и какие меры предпринимал — желтый цыпленок пропал. И вот я сижу на комиссии по разборам полетов. Председатель — все тот же Григорий Аркадьевич. Сопредседатель — Элла Сергеевна. Прошел час времени, я написал множество бумаг. Сколько я дал чистосердечных признаний — не вспомнить.

— Дима, знаешь, сколько стоит машина? — строгим голосом говорит Григорий Аркадьевич. Элла Сергеевна не говорит — перечитывает мои показания.

— Как ты мог так поступить? Ответственный, серьезный человек и такое разгильдяйство. Что прикажешь с тобой делать? Выгнать? Обязательно выгоним. Продашь квартиру и возместишь ущерб.

— Она не приватизирована.

— Приватизируешь, мы тебе поможем. Возьмешь ссуду в банке. Эллочка — не переживай. Пусть переживает он. А какая наглость! Среди рабочего дня уйти в баню! Он у тебя отпросился?

— Да, — говорит Элла Сергеевна, не поднимая глаз.

Я ничего не понимал! Лишь открыл рот.

— Дима позвонил и попросил час времени, — после некоторой паузы продолжает Элла Сергеевна. — Он не сказал, что направляется в баню — это его личное дело.

— И все равно! Пусть ты его отпустила. Садись на автобус, зачем брать чужую машину?

Вновь спектакль. Какое там у нас по счету действие? Если кто и расстроен — так Элла Сергеевна. Григорий Аркадьевич артист далеко не выдающийся. А что за слова? Разгильдяйство... возместишь ущерб. Кто писал сценарий? Григорий Аркадьевич даже не удосужился внести изменения — слишком спешил. И машину угнали с его подачи. Вот только зачем ему это нужно?

Будда молчит — он обо мне забыл. Наблюдает, как «инь» переходит в «янь». Будда размышляет, почему его учение потерпело крах в Индии, но обрело силу в Китае. Спокойствие и самообладание — еще не счастье, но гораздо полезней, нежели скорбь и тревоги. Истина — заблуждение, но стремление к ней — уже огромный шаг человечества в самопознании. Это я запомнил навсегда — спокойствие и самообладание. Мой крохотный

Будда всего лишь копия большого благословения.

— Будем искать, — говорю я, — желтый цвет редкость. В конце концов попрошу помощи у своих бывших коллег.

— Сколько? Сколько ты будешь искать? — Григорий Аркадьевич, похоже, собой доволен, — Две недели. А потом за дело беремся мы.

Вот тебе и новый день... новые возможности, новые долги и обязательства. Я был подавлен — какое, к черту, самообладание! В самый раз плеснуть от души в стакан и загнать в угол время. Двадцать тысяч — не меньше. Таков был мой нынешний долг. Сколько потребуется лет, чтобы его отработать? Все — Григорий Аркадьевич посадил меня в долговую яму. Но Элла Сергеевна! В женщинах я не научился разбираться — к чему она солгала? Почему не выцарапала мне глаза? Бросить все и уехать далеко-далеко, сбежать на край земли куда-нибудь в Сибирь или еще дальше на Дальний Восток. Валить лес или пасти скот, а по вечерам сидеть рядом с Буддой.

— Здорово.

Голос мужской и незнакомый — видно, ошиблись номером.

— Ну, здорово, — ответил я.

— Хреново?

— Есть немного.

— Штука баксов.

Они что — считать не умеют? Почему штука? И почему баксов?

— А немного ли? — спрашиваю я. Смотрю на крохотную фигурку — Будда продолжает молчать.

— Ты чего! Много? Штука баксов для тебя много? Через час спускаешься вниз и бросаешь в мусорный бак — понял?

— И что? Бросил, что дальше?

— Мы считаем деньги и говорим адрес.

— Адрес? Какой адрес? — растерялся я.

— Скворцов, думал, ты умней будешь, — рассмеялся голос. — Тебе машина нужна? Штука баксов и мы говорим адрес.

Какое у нас там по счету действие? И кто кукловод? Неужели вновь Григорий Аркадьевич? Вряд ли — не тот масштаб. Диму Скворцова решили подоить все кому не лень! Эй! — заорал я бешеным голосом, — кто еще желает подоить Диму? Кому еще нужны легкие деньги?

Штука — она у меня имеется. Там дядька в парике, из Америки он — зеленая бумажка. Сижу, считаю — тысяча долларов. Вновь считаю и вновь тысяча. Может, еще разок пересчитать? Выбросить в мусорный бак — молодцы! Они издеваются — лучшего места для денег найти сложно. Час времени — за тридцать минут можно добежать до магазина и обратно.

— Костя! Привет, ты меня прикроешь? Долго рассказывать — ты меня прикроешь? Ничего делать не нужно — проследить бомжа. Он подойдет к мусорному баку. Во дворе моего дома. Только проследить. Уедет? Куда уедет? Он же бомж! Людей нет — понимаю. У бомжа тысяча долларов — они твои. Пять минут работы. Наглые ублюдки. Они пытаются меня дважды кинуть! По порядку? Хорошо, слушай по порядку, только потом не говори, что ты не можешь! Какая лампочка? Откуда я знаю — горит она или не горит. Прежде горела. Что? Думаешь, вообще не ходить? А-а-а, понял, если лампочка в парадной не горит, не

ходить вообще. Думаешь, они рискнут? Перезвонят? А если не перезвонят? Костя, я им мозги вышибу. Сидеть и ждать?

Как я был зол! Подонки решили срубить легкие деньги. В любом случае это засада — ни денег, ни адреса.

Константин не приехал. Я бегу как сумасшедший — тысячу лет не бегал. Бегу с одной единственной мыслью в голове — не отстать. На деньги мне плевать — они у меня дома. Я их спрятал — ни одна сволочь не найдет. А бомж хорош — скинул фуфайку и припустил, как сумасшедший. Нужно продержаться пять минут — он же не стайер! И я не стайер — забеги на длинные дистанции мне противопоказаны. Меня от них тошнит и прежде и сейчас. Пустит пулю в спину — никаких проблем. Опуститься на колени, вдохнуть, выдохнуть и спустить курок. Бомж швыряет в сторону пакет — урод! Думает, в пакете деньги и я сейчас брошусь за ними. Кто первый из нас сдохнет? Бег не мое занятие, однако я все равно бегу. И вот мы встали — две тени, судорожно хватаящие воздух. Придурок не знает, что у меня пистолет — он его не видит. Пусть не видит, но слышать-то он должен. Передергиваю затвор — сейчас охладится.

Машины я не видел, и кто стрелял в меня, тоже не видел. Пальнули наугад в темноту. Я ответил — вскинул пистолет и спустил курок. Кто-то закричал — ложись! Кому кричали — не понял. Шум шагов, ругань и вновь выстрелы — один, второй, третий... многовато. Скворцов! Дима! Ты живой?

Я плюнул и вытер рукавом лицо — боже, я был мокрый как мышь — пот хлестал, как в парилке. Погоня выбила из сил — они меня покинули. Я стоял и сжимал рукоятку пистолета — кажется, мне было все равно.

Дима! Ну слава богу — живой!

Это был Костя — я ошибся. Костя приехал, вернее, не доехал...

— Быстро в машину. Сейчас здесь будет милиция, — он меня куда-то затаскивает. Хлопает дверь, и мы несемся — летим в ночи. Я продолжаю сжимать рукоятку пистолета — сколько раз я выстрелил? Выстрелов было много — четыре или пять.

— Да убери ты его! — кричит Костя, — не наигрался? Войны, ему, видите ли, захотелось! Получил свою войну?

Сонный город — желтые фонари и пустые проспекты. Костя сбросил скорость — теперь мы обычные, задержавшиеся в дороге путники. Спешим домой, но спешим аккуратно, не нарушая правил. Мелькнула машина ДПС — они курят. Лениво поглядывают и ждут указаний. Значит, команды не было.

Ну и денек! Сценариста я не оценил — в самый последний момент устроил карусель. Все как полагается — погоня, стрельба, вот только о трупах ничего не могу сказать.

— А кто стрелял? — спрашиваю я Костю.

— Я стрелял. Ты что, не видел?

Ничего я не видел.

— Ну даешь! Заварил кашу — устроил настоящий погром, а потом спрашиваешь?

— Я выстрелил только один раз.

— Правильно — один...слушай, а откуда у тебя пистолет?

— На день рождения подарили, — огрызнулся я. — Кто еще стрелял? Они?

— Ты просил, я прикрыл, — ответил Костя. — В машине сидел, ждал твоего бомжа — шустрый парень. Вижу — через дворы побежали. Кругом мотнулся, на перехват пошел, думаю, у мосточка возьму, а там они. Ты что, не видел?

— Не видел. И тебя не видел — не до того было. Хотел припугнуть, передернул, и тут началось.

— Деньги, надеюсь, не передал?

— Ты мне объясни, к чему устраивать цирк? Мне что — нельзя дать по голове в парадной? Какой-то бомж, погоня по ночному городу, стрельба — спрашивается, ради чего?

— Дима, я не знаю, в какое говно ты наступил. Я тебя предупреждал — забыл? Если в тебя стреляют, значит, есть причина.

— Причина вот она.

— Пистолет? Что с того? А вдруг он газовый? Или игрушка?

— Костя, они знали — не газовый у меня пистолет.

— Согласен, принялись палить как сумасшедшие, едва я только подъехал. Чудо, что никого не зацепило. А деньги? Лишний повод тебя выманить? Что-то тут не складывается — логики не вижу.

— Логика, Костя, в учебниках и на лекциях. Спасибо тебе — выручил.

— Да ладно — сочтемся. Главное, живой и здоровый. Подожди минутку — я перезвоню. Волнуется дуреха.

Подобного развития я, конечно, не ожидал — все что угодно, но перестрелка! Хотя спровоцировал пальбу именно я — щелкнул затвором на всю улицу. А вдруг это обыкновенные бандиты? У них же мозгов — кот наплакал.

— Увольняться не надумал? — Костя выключил телефон.

— На мне долг в двадцать штук.

— Ого! С таким приданным вряд ли скоро объявится жених!

— Меня развели.

— А кто сомневался? Тебе популярно объяснили — не суйся в дерьмо! Дима Скворцов красивый жизни захотел. Бары, рестораны, рулетка и ведьмы с длинными ногами до пупа. Двадцать штук — не слабо. Лицензию оформили, чтобы Дима за бутылкой бегал. Пистолет покажет и без очереди. Григорий Аркадьевич еще та штучка. Тебя, поди, уже в дело оперучета внесли. А что! Бывший мент подался на вольные хлеба. Каждый сморчок должен знать свой шесток. Помнишь? И я помню — скромней нужно быть. Пошел бы в школу, сидел на вахте — сутки через трое, проверял пожарную сигнализацию и читал бы книжки или мемуары писал. Спросил бы, я тебе рекомендацию оформил, грамоты свои собрал — надеюсь, не выбросил? Скажи, ты бы приехал, если Костя позвонил тебе в час ночи? Вот видишь — не знаешь. Жрать что-то хочется — ты не хочешь?

— У меня денег с собой нет, — честно признал я, — если только пистолет толкнуть? Дома есть пельмени, ты любишь пельмени? Готовить быстро — бросил в кастрюлю.

— Нужен кетчуп.

— Сибирские — они как вареники — здоровенные и мяса много. Мужуку без мяса нельзя — глупый становится и злой. Насчет школы — ты серьезно?

— У Димы Скворцова поехала крыша. Я не призываю тебя идти вахтером, я подсказываю направление. Сейчас мы едем и покупаем пельмени.

— Горилка?

— Сейчас мы едем и покупаем пельмени «Сибирские» Много пельменей и кетчупа — не могу же я тебя здесь бросить. И квартиру проверим — вдруг пока мы с тобой за жизнь толкуем, они еще одну подлянку задумали?

— Горилка?

— На твое усмотрение, — неожиданно легко сломался Константин. — В отпуске я, понимаешь, в отпуске!

* * *

Нормально посидели. Уже давно я не чувствовал вдохновения. На меня определенно что-то нашло — я был Косте рад. Суетился, бегал, вытирал стол и не знал, куда его посадить. Он прошелся по квартире, хотя что там смотреть — берлога одинокого холостяка. Опустился на диване, словно чувствовал, где я провожу большую часть времени.

— Подкинул ты мне задачу, — признал он после первой. — Тебя же сожрут. Уже начали грызть. Помнишь, говорили о документах — не было их. Парни оплошали, а я поверил. Никакой дарственной не было — туфта полная. А ты, поди, сам копать начал?

Подобного поворота я не ожидал.

— Вообще-то я это дело бросил, — осторожно начал я, — что скажут, то и делаю. Никуда не суюсь. Григорий Аркадьевич мне — а давай мы тебе лицензию оформим. Какие проблемы — оформляйте. Ну стрельнул в тире, молодость вспомнил, себя показал. Элла Сергеевна без претензий — у нее своя жизнь, у меня своя. А тут в баню пошел. Взял машину, и вот результат.

— Какие-нибудь соображения? — Костя налил по второй.

— Какими могут быть соображения? Деньги, говорят, возвращай.

— В чем-то они правы. Кто взял машину? — Дима. У кого украли? У Димы. Крайний получается. Документы на машину в бардачке? А там только анализ твоих нет — схема знакомая. Они и прежде поступали подобным образом — предлагали угнанные машины за полцены. А здесь адресок за тысячу. Молодцы — точный психологический маневр. И времени в обрез — час времени. Только чтобы достать из чулка деньги и пересчитать. Напугал ты их, Дима, — они тебя за фраера держали. Сунуться — они не сунутся. Хвост прижмут и будут искать другую возможность скинуть машину.

— Заметная она.

— Дима, ты откуда свалился! Знаешь, сколько развелось извращенцев? Прежде по щелям сидели, а сейчас выползли. Заметная? Они уже вечером покрасили. В каждом сарае покрасочная — только деньги плати. Кто тебя дернул сказать, что был в бане? Сказал бы, ездил на сервис или другое место. Помнишь, у нас был капитан... как его, Юра...

— Мельников?

— Юра Мельников — точно. У него машину сперли — новую, месяца не откатался. Так вот, Юра взял отпуск за свой счет и поднял на уши весь город.

— Тогда в городе было три машины, — напомнил я.

— Согласен — три и одна машина. Важен подход и знающие люди. Хочешь, поговорю?

— Сколько?

— Аванс, конечно, они возьмут — у нас в стране все же рыночные отношения. У них есть база данных — кто и как занимается угонами. По крайней мере, ты не будешь как слепой котенок.

— У меня только тысяча.

— Нормально — хорошие деньги. Для начала дашь пятьсот, а там посмотришь. Ну что — звонить?

— Сейчас?

— Дима, ты отстал от жизни. Я же говорю — рыночные отношения. Если тебе предлагают деньги, ты будешь рад им всегда, даже в три часа ночи.

— Серьезные люди?

— Специальный отдел. Я звоню.

Выбора у меня не было. Робкая надежда — все же надежда. А еще я вспомнил Афтондила — как пригодилась бы его помощь! Он хоть и мошенник — пусть земля будет ему пухом — а все одно человек. Станным каким-то образом все возвращалось на круги свои. Память — ты где? Нужно вспомнить и подельников Афтондила — живы ли они? Костя, сам того не ведая, подсказал мне направление поиска.

Мое решение начать самостоятельное расследование Элла Сергеевна встретила без особого энтузиазма. — Берите отпуск и занимайтесь, чем хотите. Тем более что заниматься вам здесь нечем. — Я уволен? — Сдайте оружие и удостоверение Тимуру. Григорий Аркадьевич? Он уехал.

На крыльце — Кристина. Она еще меня помнит. Говорят, Элла Сергеевна разбила машину, — сообщила девушка. — Это правда? Дима, вас выгоняют? Ах, отпуск! Пусть лучше отпуск, сейчас так сложно найти работу. Гроши, конечно, но и за них приходится цепляться. Мишу не видели? Как он? Дима, вы какой-то серый — у вас все в порядке? Вам нужно сдать анализы, хотите телефончик? Все анализы за один день, и не дорого.

Пятьсот долларов я отдал какому-то сержанту. Он их сунул в карман и повеселел. Затем прочел лекцию, какую и где следует ставить сигнализацию — похожую статью я читал как-то в газете. Лучше, чтобы была спутниковая связь, а машину нужно держать в охраняемом гараже. Наверно, я был похож на идиота. Я вручил ему особые приметы желтого цыпленка и понял — вряд ли в скором будущем услышу его простуженный голос. Выкурил сигарету, поймал такси и отправился к покойному Афтондилу.

Встретили меня довольно мило — не понятно, за какие заслуги угостили кофе. Сунули проспекты автомобилей и... забыли. Иногда заходили какие-то люди, кого-то спрашивали и уходили. Затем пришел мужчина моего возраста и спросил, что я здесь делаю?

— Жду Афтондила, — ответил я, — он скоро придет?

Мужчина нисколько не удивился, лишь более внимательно принялся меня разглядывать.

— Я вас не помню, — сказал он.

— Ничего удивительного, я вас тоже не помню, — парировал я.

— Простите, вы — кто?

— Я представился.

— Дело в том, что Афтондил Иосифович отсутствует. У вас с ним была договоренность?

— Он обещал мне машину.

— Машину? — оживился мужчина, — могу спросить, какую именно?

— Вообще-то машина нужна не мне, я лишь ее покупаю. Афтондил Иосифович обещал позвонить еще два месяца назад и не звонит. Может, он сменил телефон? У нас с ним была частная договоренность, так сказать, никаких документов о намерениях.

— Понимаю. О какой машине шел разговор?

— Машина нужна для дамы — что-нибудь особенное, но не дорогое — не более пятнадцати тысяч. Новую машину я позволить не могу, через год придется продать. Она только учится.

— Понимаю, — впервые улыбнулся мужчина, — кажется, припоминаю — Афтондил Иосифович мне что-то говорил. — Европейец или азиат?

Я вздохнул.

— Понимаю, — сказал мужчина, — все зависит от предложения. Недорогая, гольф класса машина для дамы. Яркий цвет, коробка автомат, ухоженная и не курящая.

— Именно. А вы, наверно, Алик?

— Олег Николаевич.

— Простите, у нас с Афтодиллом ровные товарищеские отношения, когда в титулах нет необходимости.

— Афтондил Иосифович погиб.

— Как!

Я старался изо всех сил, выказав крайнюю степень удивления.

— Трагическая нелепость — Афтондила взорвали вместе с его любимым автомобилем.

— Даже вот так — вместе с автомобилем! Я, право, сожалею. Простите, — и я поднялся, — есть один нюанс, впрочем...

— Вы сделали предоплату?

Я кивнул.

— Сколько?

— Обычная практика — показать серьезность намерений.

— Считайте, ваши деньги пропали.

— У меня нет претензий, да и глупо предъявлять какие-то обязательства покойному. Деньги не большие, как вы понимаете, я не в обиде.

— Положение можно исправить, — оживился Олег Николаевич, — предоплата пойдет в зачет. Напомните ваши пожелания — я их запишу, чтобы не было разногласий.

Дима! — Закричал мой внутренний голос. — Куда ты опять лезешь? Тебе мало неприятностей? Они — мошенники! Заткнись, — сказал я. Хочешь, чтобы взорвали тебя? — Велика честь! За кого ты меня держишь? Взорвали! Может, еще послать стратегический бомбардировщик, чтобы ликвидировать Диму Скворцова? Да им плевать — лишь бы платили деньги.

— Мы вам позвоним, — Олег Николаевич старательно записал мои пожелания.

— Спасибо, лучше я вам сам позвоню — слишком долго прежде ждал.

— Без проблем. Вот моя визитка... как вы сказали?

— Дмитрий Анатольевич, — повторил я.

— Дня через три, думаю, мы вам что-нибудь подберем.

Конечно, это была страшная авантюра. За три дня можно слетать в космос, вернуться обратно, получить орден и дать не одно интервью общественности. За три дня можно узнать ваши родственные связи, какими хроническими заболеваниями страдала ваша прабабушка, на каком фронте воевал ваш дедушка, а также много других интересных фактов. Шанс, что мне предложат угнанный Пежо — один из тысячи. Именно на этот единственный шанс я рассчитывал. Логика — проста. Если они настоящие, а не показные мошенники, им нет дела кого и как обмануть. Мое сценическое мастерство страдало множеством изъянов, но я верил в человеческую алчность. Олег Николаевич уже считал прибыль. Я видел доллары у него в глазах. Слишком велико искушение.

Я вышел и залез в какой-то джип.

— Ты чего, мужик? — вытаращил на меня глаза водитель. — Ты что, в самом деле?

— До угла, только до угла — плачу три сотни. Она на меня смотрит.

— Кто?

— Она — моя женщина, я должен произвести на нее впечатление. Умоляю!

— Никаких проблем! Только деньги вперед.

Я отдал три сотни, и мы поехали. Готов поспорить — Олег Николаевич стоял и смотрел в окно.

Отпуск — всегда замечательно, даже если он вынужденный и неоплачиваемый. Можно пойти в музей или на выставку — приобщиться к высокому искусству. Отвезти детей на природу, захватить лохматого пса и поиграть в футбол. Можно прочитать умную книгу или просто нажраться до поросычьего визга, предвкушая, как ты утром откроешь холодильник и достанешь запотевшую бутылку пива.

Я резал бумагу. Собрал в доме всю имеющуюся бумагу и резал ножницами — аккуратно и не спеша. Я делал деньги. Сто долларов — одна банкнота. Тысяча — десять банкнот. Мне нужно было — пятнадцать тысяч. Получается... короче, много получается. Не знаю почему, но я был уверен — Олег Николаевич позвонит в ближайшее время. И что? Где я возьму деньги? А так — вот они, под рукой. Взял и пошел. Еще одна авантюра? С волками жить, по волчьему выть. Да и кто мне даст пятнадцать тысяч? Может быть, Элла Сергеевна или Григорий Аркадьевич?

Отправился на кухню, чтобы передохнуть, и что я слышу? Кто-то лезет ко мне в квартиру! Вставил ключ и пытается провернуть замок. Совсем обнаглели! Мало им погони и стрельбы. Черт! А пистолета у меня нет! Я его, как было сказано, сдал под роспись. Чтс остается? Время уже пошло — остаются секунды. А если их двое? И оба с оружием? Медленно отступаю и открываю шкафчик кухонного стола. Что это? Вилка не пойдет и ложка тоже не пойдет. Скалка! Пусть будет скалка — она же деревянная. Со всего маха по лбу — мало не покажется. Злодеи замерли или кто испугнул? И я замер, чувствуя, как бьется сердце. Лучшая оборона — нападение. И внезапность — когда тебя не ждут. Иду в прихожую и выбираю позицию. Куда открывается дверь? Вот за дверью я и встану. И скалку нужно поднять — пуля быстрее, но шанс у меня есть. Ушли? Терпение, Дима, только терпение. Замок вновь ожил, и дверь отползла в сторону, едва не придавив меня к стене. Кажется, пора...

Господи! Как я не взял грех на душу, как не убил — чудо! В последнюю секунду Будда что-то шепнул мне на ухо. Это была она — моя бывшая супруга.

— Скворцов, ты почему не на работе?

— Что?

В моем воспаленном сознании она лежала с разбитой головой — вся в крови.

— Какая работа?

— А к чему тебе скалка? Ты что — пироги печешь? Скворцов, ты меня удивляешь.

И тут эта дура, похоже, заметила мою бледность и испарину на лице.

— Опять пил? Да помоги мне, наконец! Возьми сумку!

Мы заходим в комнату, и раздается новый вопрос.

— Что тут вообще происходит? Ты чем занимаешься?

Про дуру — я погорячился. Несколько минут и она смотрит на меня, широко открыв глаза — она все поняла! Она поняла, чем я занят, — делаю «куклу». Несколько пачек, перехваченные резинкой, лежат на столе.

— Какое твое дело? Ты зачем пришла? — перехожу в наступление я. — Какого черта ты врываешься в мою интимную жизнь?

— Машинка, я обещала Насте машинку.

— Какая еще Настя! Какая, к лешему, машинка!

— Банки закатывать, она на антресолях, только я не помню где. Ты мне поможешь?

Иду на кухню, хватаю стул и возвращаюсь. Почему я не могу придти к ней в любое время? Заставить бросить дела и искать какую-то идиотскую машинку! Почему я всегда должен подчиняться обстоятельствам? Будда смотрит на меня и улыбается. Останавливаюсь на полпути и вижу — крохотный Будда улыбается! Растянул в ухмылке губы и молчит. Ерунда какая-то! Не может деревянный Будда улыбаться — он игрушка. Крохотная, деревянная, но игрушка.

— Где? Где твоя машинка?

— В коробке из-под обуви, она в углу была.

Еще не хватало свернуть себе шею. Лезу на антресоли. Ну и пыли! Хоть снова отправляйся в баню. Вот она — других коробок я не вижу.

— Держи.

Осторожно сползаю вниз, беру стул и поворачиваюсь.

— Скворцов, что это?

Она стоит. В одной руке коробка из-под обуви, в другой...

Я чего-то не понимаю — отказываюсь понимать. Она держит аккуратно перехваченные резинкой доллары. Только доллары настоящие — ошибка исключается. Еще секунда и Дима Скворцов приходит в чувство.

— Дай сюда! — спокойно говорю я.

— Чьи это деньги?

— Не волнуйся — не мои. Оставили на сохранение.

— Скворцов — что происходит?

Лезу вновь на антресоли, переворачиваю все вверх дном, нахожу еще одну коробку — в ней машинка.

— Дима? — она явно растеряна.

— Что — Дима? Что — Дима? Ты зачем сюда пришла? За машинкой? Бери свою машинку — мне некогда. Никаких объяснений! Все объяснения потом. Вадим внизу? Прекрасно, и не забудь сумку.

Едва захлопнулась дверь, как я рухнул на диван. Дрожали ноги. В голове — туман и вопросы, вопросы, вопросы. Дима Скворцов не мистик, он — циник. Встаю, беру в руки Будду — он уже не улыбается. Будда сделал свое дело. Как я не додумался? Крохотная фигура подсказывала — если у тебя нечего взять, значит, тебе что-то принесли. Доллары! Я о них забыл. Мне подбросили доллары! Сколько — сейчас узнаем.

Считаю, сбиваюсь, вновь считаю. Иду на кухню, курю — двадцать тысяч! Ничего не понимаю. Мне подбросили двадцать тысяч долларов!

* * *

Олегу Николаевичу я позвонил на третий день. Есть варианты? Приятно иметь дело с профессионалами. А цвет? Красный? Боюсь, красный не подойдет. Жаль? И мне тоже жаль. Что еще? Купер? Ах, мини Купер — шустрая такая машинка. Как же, знаю. Можно глянуть и даже прокатиться? Сегодня? Вы даже сами подъедете — очень мило с вашей стороны. Документы в порядке? А кто хозяин? Снята с учета — понимаю. Договорились, буду ждать, до встречи.

Брился я основательно и не спешил. Напел себе под нос и думал, сколько заломит Олег Николаевич. Три дня — срок не малый. Уже на третий день с меня требовали отработать несколько версий. Никому не было дела, чем я занимался, куда бегал и с кем общался. Мне могли поручить задание, не имеющее отношения к моим обязанностям — в зачет они не шли. Я должен был взять под козырек и выполнять. А потом меня возили мордой об стол и спрашивали, почему я валяю дурака и где результаты.

Если бы Дима Скворцов был секретным агентом, он вычистил бы авгиевы конюшни и дал бы триста процентов плана. А что вы думаете, у них тоже имеется план. Они считают несовершенные преступления, поломанные судьбы, угнанные машины. Они сидят, переписывают, правят, уточняют, согласовывают, затем вновь переписывают, а уж только потом подписывают. Они носятся с бумагами, куда-то их отправляют, получают, проводят планерки, совещания, заседания — городские, республиканские, региональные. А жизнь происходит вдали от кабинетов, где они сидят, заседают и подписывают. У Димы Скворцова был стул, стол и сейф — ничего больше не было. Если что и было, так это жена, которая в один день встала и сказала, как она устала. Дима Скворцов не понял — а как же боевые подруги? Наш надежный тыл? Вечерняя похлебка и тусклая линза издыхающего телевизора советских времен?

Дима Скворцов остался в прошлом. И немолодой мужчина, что оценивал себя в зеркале, явно на него не похож. Я еще не знаю, на кого он похож — не решил.

Я уже собирался открыть дверь, как а нее постучали. Не позвонили, а постучали. Вновь бежать за скалкой?

Дверь едва не вылетела с петель — столь стремительно я ее распахнул.

Кажется, мы знакомы. По крайней мере, уже однажды виделись. Они всегда ходят парой.

— Скворцов, есть разговор, — произнес старший и прошел мимо меня в комнату. — Спешить? — бросил через плечо, — ничего, много времени мы не зайдем.

В избытке приятных манер их не заподозришь. Башмаки хоть бы вытер — вон сколько грязи оставил. Но и предлагать тапочки я не собирался — нет их у меня — моль сожрала.

— Где вы находились в ночь с пятое на шестое сего месяца?

Господи! Что за наказание! Сколько раз в жизни я задавал этот вопрос! Уверен, окажись я на небесах, апостол Петр задаст мне тот же самый вопрос — Скворцов, — спросит он, — где ты находился в ночь с пятого на шестое?

— Пил горилку и ел пельмени «Сибирские» — могу показать чек. Алиби? Без проблем — записывайте, к слову сказать, Костя ваш бывший коллега. Он как раз вышел в отпуск. Мы это событие отметили. Еще вопросы?

— Вы недавно оформили лицензию? Как быстро это вам удалось?

— Старые связи. Кое-кто, оказывается, меня еще помнит. Однако все в рамках закона.

— Оружие?

— Только под роспись и только в интересах службы — дома не держу. Учебные стрельбы в арендованном тире — запишите адрес.

— Учись, — сказал старший, вероятно, обращаясь к своему более молодому товарищу. — На Скворцова где залезешь, там и слезешь. А что ты делал у Алика с Гороховой?

— Простите?

— Да ладно Ваньку валять. Ты что, не знаешь Алика?

— Олега Николаевича? А как же — по делу проходил, как свидетель. Афтондила Иосифовича, помнится, прищучили, а Олег Николаевич был чист. Я же вам уже говорил, что ищу машину. Компаньон — да, ну и что? Каждый волен выбирать себе партнера по бизнесу. Обратился я в связи с вынужденными обстоятельствами — машину у нас угнали. Желтый Пежо. Вы, наверно, уже читали заявление? Понимаю — не ваша епархия, у вас другие обязанности.

— Смотри, Скворцов, не споткнись.

— Аккуратней, — посоветовал я.

— Что?

— Статуэтка, вы с ней аккуратней.

Оперативник поставил Будду на место — он не улыбался.

— Прошмонать бы тебя.

— А постановление?

— Грамотный больно. А живешь ты, Скворцов, бедно — не на чем взгляду зацепиться. Баба, говорят, от тебя ушла.

Я молчал — пусть выговорится. Разговор не под протокол, а пинать под зад — меня уже пинали, как свои, так и чужие. Одной оплеухой больше, одной меньше — спокойствие и хладнокровие. Будда был спокоен, только шепнул — терпи. Бог терпел и нам велел.

— Природу любим?

Он стоял и смотрел на картинку, что я прилепил на стену — место, куда выстрелил Тимур.

— Пейзажи успокаивают, — ответил я.

— И ночные прогулки по городу. Алиби, говоришь, проверим мы твое алиби, и оружие проверим.

— Простите, но мне действительно нужно идти.

— А что — хороший пейзаж. Купил или подарили?

— Из календаря вырезал. Год прошел, а календарь остался — не выбрасывать же.

Явно, он не знал, о чем еще спросить — все вопросы по делу были заданы. Тянул время на удачу, которая от него отвернулась. Вероятно, вскоре он и сам сообразил, бросил взгляд, полный презрения и вышел. Второй — за ним.

Я сел и закурил. В чем-то он прав. Главное, — не споткнуться на ровном месте. Они шерстят покойного Афтондила, ходят кругами и, как всегда, не успевают — плетутся в хвосте событий. Дима Скворцов уже неоднократно мозолил им глаза. И они не решили, как с ним поступить. Либо привлечь к сотрудничеству, либо повесить на него чьи-то грехи. Сегодняшний визит — лишнее тому подтверждение. И придумывать повод для визита нет необходимости — Афтондил ехал ко мне на встречу.

Позвонил Олег Николаевич — видно, нервничает.

— Десять минут, — извинился я, — вынужденная задержка. Коллеги бывшие зашли, как отказать?

— Я вас жду. Марку машины вы знаете.

— Хорошо, до встречи.

Не думаю, что меня пасут — в чем смысл? А вот за Олегом Николаевичем может запросто работать наружка. Кто скажет, какие за ним грехи?

Машину я не покупал никогда. Как-то не довелось, и вот он — шанс, почувствовать, что чувствуют миллионы счастливицков. Покупка железного друга — событие. Никакой оговорки — кусок металла на четырех колесах. Именно таким было мое мнение, пока я не оказался за рулем желтого цыпленка — земля ему пухом. Новая машина не произвела должного впечатления — слишком она неказистая, хотя шарм присутствовал. Маленький, но гордый Купер, чья слава появилась за долго, чем я впервые его увидел. А дело было так.

Мы проводили совместное мероприятие с нашим Большим братом — сидели в засаде с парнями из федеральной службы. Они, как всегда, работали под прикрытием — большие мастера. Либо они пожарники, либо собирают мусор, латают дорогу или копают могилы. На сей раз ничего лучшего, как вырядиться в форму милиции, они не придумали. А для большей достоверности взяли нас — настоящих служителей правопорядка. Мы сидим, ждем сигнала и травим байки — кто во что горазд. Проезжает машинка — тот самый Мини Купер. Не серьезно, — говорит кто-то. Это же Запорожец. Какой еще Запорожец! — вспыхнул федерал и рассказывает нам занятную историю. Москва. Холодная война. Американское посольство. Парни из комитета на своем боевом посту отслеживают подозрительные перемещения дипломатов. Скромные на вид Волги с форсированными двигателями. За рулем — профессионалы, знающие каждый сантиметр родной столицы. И вдруг из ворот посольства вылетает какое-то недоразумение. Наши в погоню — приказ есть приказ. И что происходит? Недоразумение отрывается на прямой! Уходит со светофора, словно гоночный болид, ныряет в переулок и пропадает! Еще больше огорчило то, что за рулем сидела женщина. Скандал! Пузатые генералы смущенно отводят взгляд и в качестве оправдания несут какой-то лепет о секретном оружии. Гонки продолжались более месяца, и каждый раз наши парни лишь разводили руками. Недоразумением оказался обыкновенным серийным Купером. Вот тебе и Запорожец!

Я пробую залезть в салон малыша — получается. Олег Николаевич отслеживает мои реакции, изредка напоминая о достоинствах машины. Она начинает мне нравится — мы еще не подружились, однако взаимная симпатия уже возникла.

— Сколько? — спрашиваю я, лаская рычаг коробки передач.

— Двадцать три.

— Как двадцать три! Олег Николаевич, я что-то не понимаю! Где бумага о наших намерениях?

— Эксклюзив, — объясняет он. — Уникальная машина — рельефные пороги! Бампера с дополнительными решетками, колесо на семнадцать дюймов, весом менее десяти килограмм. Сто семьдесят лошадей. Стабилизация, контроль тяги, трэкшн-контроль. Это по-вашему дорого?

— Он не новая, — привел я достойный аргумент.

— Она на гарантии, — парировал он. — Джон Купер — легендарная личность, созданное им дитя приводит в трепет миллионы. Машина, которая не оставит вас равнодушным. Оглянитесь, каждый из проходивших мимо, бросил влюбленный взгляд. Дмитрий Анатольевич, ваша дама будет вам благодарна до смерти. Двадцать три — не цена.

— Девятнадцать.

— Двадцать два с половиной.

— Девятнадцать. У меня не останется денег на страховку!

— Двадцать одна и точка. Завтра ее не будет, — заверил Олег Николаевич.

— Афтондил Иосифович остался мне должен тысячу долларов. Моя последняя цена — двадцать и полный бак.

— Хорошо. Но при одном условии. Вы никому не скажете настоящую цену. Двадцать три — договорились?

— Последняя просьба.

— Слушаю, — насторожился Олег Николаевич.

— Я должен показать машину даме. Конечно, это подарок и дареному коню, как говорится... и тем не менее. Вы должны меня понять.

— Понимаю. Куда ехать?

— Олег Николаевич, вы не поняли. Приехать должен я один.

— Это невозможно. Как вы себе представляете? А если вы — мошенник?

Я принялся хохотать — вор у вора дубинку украл! Ну, он меня и насмешил — а если вы мошенник!

— Деньги хоть покажите, — взмолился он. Я показал.

— Уговорили, вы не против, если я вам составлю компанию? Никакого беспокойства с вашей стороны. Дама ничего не заподозрит. Мы будем незаметно за вами следовать и держать дистанцию. Согласны?

— Ключи.

— Минутку, — Олег Николаевич полез в карман, чтобы достать... телефон. — Арсен? Срочное дело. Жду через пять минут у себя. Что? Я сказал через пять.

— Дело в том, что известный брэнд уже давно заинтересовал людей из BMW. Сейчас Мини является подразделением концерна. Двигатели для машины производят на заводе Хэмс-Холле... это так, для общей эрудиции. Фирма Джон Купер Воркс — уникальна. Вы его почувствуете.

— Кого?

— Дух Джона Купера, он здесь, — Олег Николаевич бережно коснулся автомобиля. — Только не обессудьте, если дама вдруг к вам временно охладает. Старик Купер знал, как очаровать женщину.

Что это? На стоянку, где мы любезничали, вальяжно покачивая темными боками, влез шестисотый Мерседес.

— Незаметно, — напомнил Олег Николаевич, торжественно вручил мне ключи от малышки, и направился к монстру.

Подарков я никому не вручал тысячу лет. Я забыл, как их вручают, что при этом говорят и как улыбаются. Я забыл блеск в глазах и тревожное ожидание сказки — а что там в этой нарядной коробочке, заботливо перевязанной не менее нарядной ленточкой? Забыл восторг, который меня переполняет, и легкое волнение — а вдруг не понравится? А вдруг я не угадал желания?

На привычном месте, где стоял обычно Пежо — непонятная машина и скучающий водитель — явно взятый в аренду. Пикнула сигнализация — я шагаю с гордо поднятой головой. Знак приветствия бывшим сослуживцам, а вот дверь — за ней Элла Сергеевна. Капризная и взбалмошная женщина.

Черт! Почему мне не везет? Почему день не может завершиться на одной мажорной ноте? Он что — раньше не мог зайти? Григорий Аркадьевич смотрит на меня снисходительно. Я вижу его глаза, хотя и упрятанные за линзами темных очков.

— Какие проблемы? Наш герой пришел сообщить что-то важное. Эллочка, глянь, ну не гусар ли? Аксельбанта не хватает и усов. Мой тебе совет, Дима — срочно отпусти усы.

На иронию, полную сарказма, я отвечаю молчанием. Сажусь без приглашения на диван. Ботинки у меня еще класс — есть, на что посмотреть. Закидываю ногу на ногу и говорю.

— Неделя прошла.

Старый лис Григорий Аркадьевич начинает медленно соображать, о чем пойдет речь.

— Двадцать три тысячи, — продолжаю я, — наличными без торга. Покупатель в темном Мерседесе.

— А что мы продаем?

— Мини Купер, последняя модель, машина на гарантии.

Затем встаю, подхожу к Элле Сергеевне, беру за руку и картинно опускаю в ладошку ключи.

Какая великолепная пауза! Ручаюсь, она украсила бы любой спектакль. Оба не могут сообразить и понять Диму-скомороха. Сегодня он в ударе.

— Ну что? Продаем или оставляем? Клиент ждет.

Григорий Аркадьевич принимается хлопать — сначала медленно, потом более одобрительно.

— Ай, да Дима! Мы тебя явно не оценили. Эллочка, Дмитрий Анатольевич делает тебе подарок — вместо угнанного Пежо — Мини Купер. Достойно, возразить нечем. А вкус? Эллочка, Купер — машина со своей харизмой. Английский дух старика Джона. Отказываться нельзя.

Ты глянь, — мысленно говорю я Элле Сергеевне, — Подойди к окну и высунь свой нос. Кто и когда делал тебе столь уникальный подарок? Это же сказка! Эллочка в стане чудес! Только не нужно лететь на другую планету — я здесь — человек из ниоткуда.

— Она не краденная? — разрушает сказку Григорий Аркадьевич, — или Дима Скворцов у нас фокусник?

— Вы пойдете смотреть?

— Сходи, Эллочка, глянь. Надеюсь, она не красного цвета? У Элочки уже был красный Гольф, нам с ним не повезло. А дурные приметы нам не нужны.

— Она красная, — говорю я. — Ужасно красная, она как Кармен.

— А что! — вскакивает на ноги Григорий Аркадьевич, — почему бы и не красная? В этом что-то есть. Сходи, посмотри.

— Я сама решу, что мне делать.

— Люди ждут, — напоминаю я, — Элла Сергеевна, никакого обмана, машина действительно принадлежит вам.

— Еще не принадлежит — я думаю.

Ну до чего женщины капризны! Она думает! О чем? Что происходит в твоей голове? Откуда отстраненный взгляд и тень под глазами? Ты должна прыгать, смеяться, ты должна броситься на шею и меня поцеловать. Плюнь на него и забудь или сделай вопреки, брось вызов — если шалить, так шалить до конца.

Элла Сергеевна смотрит, словно прочитала мои мысли. Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы я тебе поцеловала? Ты что, Скворцов, и в самом деле дурак?

— Мы принимаем твое предложение, — заявляет Григорий Аркадьевич, — принеси документы. Оформление — моя забота.

— Оформление входит в цену. Все оплачено.

— Ну и прекрасно. Эллочка, тебе какой номер оставить? Или Дима уже и здесь позаботился?

В общем, старый лис еще излил несколько галлонов желчи, прежде чем отбыл. Заглянувший Тимур незаметно подмигнул — похоже, он мне был рад.

— Дима, что за цирк? Откуда у тебя машина? — Элла Сергеевна засыпала меня вопросами — присутствие старика явно ее смущало.

— Люди ждут, — напомнил я, — мы идем смотреть машину?

— К чему? Я согласна.

— Через час. Всего лишь час — приеду и отвезу вас домой.

Олег Николаевич, вероятно, нервничал — пускал клубы дыма и был чем-то недоволен.

— Вопрос решился положительно, — улыбнулся я, — есть проблемы?

— Это был Шепитько?

— Да, это был Григорий Аркадьевич, вы знакомы?

— А кто его не знает? Григория Аркадьевича в нашем городе знает каждая собака. Купер будет иметь к нему какое-нибудь отношение?

— Ну, как вам сказать...

— А так и скажите — будет?

— Это как-то меняет дело? — удивился я.

— Арсен, — Олег Николаевич, обратился к водителю, — сходи пройдишь — недолго, минут пять.

Парень беспрекословно выполнил команду — открыл дверь и направился за угол.

— Почему вы не сказали о Григории Аркадьевиче? — набросился Алик.

— А что я должен быть сказать? Не понимаю, какое он имеет отношение к нашей сделке?

— Неприятностей не хочу — вот какое! Дмитрий Анатольевич, боюсь, я не смогу быть вам полезен.

— То есть?

— Сделка отменяется. И не уговаривайте — не могу и все! Моральный ущерб — пожалуйста. Тысяча вас устроит? Хорошо, две тысячи.

Кажется, я не оценил в полной мере серого кардинала. А как еще его назвать, если Алик

с Гороховой шарахается от него, как от прокаженного? Две тысячи! Да он за каждый доллар бьется, как за последний! Они все жадные и алчные, а тут — две тысячи!

— Сделку отменить невозможно, — сказал я тоном, не терпящим возражений, — Григорий Аркадьевич одобрил.

— Правда? Вы меня не обманываете? Он действительно одобрил? Ну и славно.

— Как быть с оформлением машины?

— Никаких проблем, все входит в цену. Мы вам и страховочку организуем, так сказать, подарок от фирмы. Номер желаете особый? Ну там буквы какие, можно по имени вашей дамы. И помните — машина на гарантии. В любое время.

Я был тронут до глубины души. Рыночные отношения имеют свои плюсы.

* * *

Жизнь удивительна и неповторима. Утром я резал бумагу, чтобы сделать «куклу», а вечером сидел в новой машине, которую купил. Я их даже потрогать не успел — передал Олегу Николаевичу. Он был сама любезность — шутил, смеялся, наблюдая, как шелестят зеленые бумажки.

Элла Сергеевна позвонила в начале первого ночи. И опять она была пьяна.

— Дима, я вот о чем подумала...

Знаю, о чем ты подумала, можешь не продолжать — болезнь вернулась. Сейчас я вызову такси и отправлюсь на стоянку. Тридцать минут по объездной и мы за городом. Ты уже дрожишь, адреналин стучится тебе в сердце, ты роешься в сумочке и не находишь. Хватаешь мои сигареты и куришь, куришь, куришь...

Элла Сергеевна, я не принц с далекой планеты, я всего лишь вернул долг. Вернул чужие деньги. А знаешь, кто мне их любезно подарил? Сунул в коробку и забросил на антресоли? Думаю, это твои деньги.

— Дима, ты почему молчишь?

Элла Сергеевна, я не молчу — я уже проехал в мыслях по нашей трассе — она вас еще не утомила? Красный цвет — пора вернуться на прежнее место. Как его звали — Володя? Он не оправдал ваши надежды — молодость спешит, торопится.

— Ты приедешь?

Звучит не как приказ или капризная просьба. Ты желаешь о чем-то сказать? Элла Сергеевна, о чем ты говорила Володе? Ты искала и не находила, злилась на себя за малодушие и обещала впредь не повторять ошибки. Ты умная женщина — от себя не убежишь, не скроешься.

Холодно. Лето ушло, отправилось в иные края, на родину. Осень я не люблю. Осень — подведение итогов. Подводить нечего, нужны факты — скупые события.

Дима спешит — шагает по лужам, не особенно заботясь о последствиях. Если Дима купил Мини Купер, новые башмаки он себе купит без проблем. Дима спешит получить ответ на вопрос — чьи деньги он нашел?

Классная машина, которая досталась за бесценок. Она не может стоить двадцать тысяч. Миллион с лишним, а если быть точней — миллион и сто тысяч рублей. Какой у нас нынче курс? Элла Сергеевна, ты только не торопись с ответом.

А вот и наш малыш. Интересно, кто у тебя был хозяин — женщина или мужчина? А ты

как думаешь?

Крохотный Будда — всего лишь копия большого благословения. Я держу его в руках. Прежде он пылился, забытый и покинутый. Его даже хотели выкинуть! Откуда ты пришел? Кто тебя сделал? Кто вселил в тебя дух?

Женщина, — говорю я. — Нет, мужчина. А ты — как думаешь? Я не думаю, — слышу я. Думать — заблуждение. Думают и заблуждаются. Ты — мужчина, но ты и женщина. Инь и янь, ночь и день, свет и тьма — не думай. Закрой глаза и ответ придет. Нужно только захотеть.

Распахивается дверь, и в салон влетает другой мир — она рядом. Где капризы? Где холодный взгляд? Где, наконец, Элла Сергеевна?

— Спешил, — оправдываюсь я и срываю галстук, — когда спешу, вечно путаюсь, вот и галстук повязал.

Элла Сергеевна водит носом, — а знаешь, говорит она, — чужого запаха нет. Я ужасно привередливая и чужой запах меня пугает. А его нет!

Мои предположения оправдываются — это ее деньги я нашел.

— А почему красный? Дима, только правду — почему красный?

— Настоящий Купер должен быть красным. И выбора не было, как и времени — он вам нравится?

— Еще не знаю, не могу сказать — чужого запаха нет.

— Очень резвый, но коварный, в повороте не любит тормозов, — объясняю я, снимите ногу с газа, и не тормозите — накажет. Дух старика Джона Купера.

— Дима, вы старик?

Я ошибся — Элла Сергеевна не брала капли в рот.

— Мы едем или как?

— Сначала мы покурим — он должен нас почувствовать.

Почему она не спрашивает, откуда у меня деньги?

— Григорий Аркадьевич был взбешен, — сообщает она, — я никогда прежде не видела его в таком состоянии. Поверьте, я знаю его много лет. Дима, он вам отомстит — не бойтесь?

— Он меня убьет?

— Не знаю, может и убить. Его все боятся.

— Вы тоже?

— Меня Григорий Аркадьевич не тронет — он дал слово. Это долгая и грустная история, но он дал слово.

— Вам? Кому он дал слово? Нет человека, нет обязательства. Кому Григорий Аркадьевич дал слово?

— Поехали. Хочу ближе познакомиться — он кто? Мальчик или девочка?

Ветер рвет ночные облака, судорожно мечется лес, освещенный на мгновение ярким светом. Хорош мотор — старина Джон Купер отошел от сна, но еще не проснулся. Элла Сергеевна только сейчас поняла — мальчик или девочка. Крохотная баранка в руках повторяет рельеф дороги. Кони переходят в галоп — несутся, отрывая ноги от поверхности. Я их сдерживаю, не решаясь подарить свободу. Еще один поворот, за ним другой — извилистой лентой вьется шоссе. Какие двадцать тысяч! Я готов отдать жизнь, чтобы управлять духом старика Джона.

Внимание!

Что?

Тормоза!

Бью по тормозам, и мы оба виснем на ремнях. На смену растерянности приходит страх и чувство обреченности — сколько может длиться полет? Темный силуэт приближается и приобретает очертания — трактор! Огромный, в несколько десятков тонн, он стоит поперек дороги. Ни намек на скольжение — мы вылетаем из поворота, как ядро из пушки. Наверно, это конец.

* * *

Помню школу. В классе у меня не было постоянного места — сидел, где придется. Много лет спустя понял — это была репетиция моей взрослой жизни. Сонным взглядом окидываю комнату — что-то здесь не так, чего-то не хватает. Вылезаю с дивана, беру пиджак и вываливаю на стол содержимое карманов. Вновь на диван — теперь все в порядке. Крохотный Будда занял свое привычное место.

Так вот о школе, как-то мы собирали мозаику — огромное полотно, что уместилось только на полу. Мы ползаем, толкаемся, друг другу мешаем и ругаемся. Разноцветные кусочки отказываются найти свое положение. Сейчас я понимаю, в чем дело. Мозаику нужно собирать в одиночестве.

Ночью мы едва не разбились. Каким-то чудом остановились в метре от груды металла. Ума не приложу, откуда взялся трактор. Вблизи не ведутся строительные работы, место заброшенное, значит, чей-то злой умысел. Мысль одна — Григорий Аркадьевич пожелал свести счеты. Нанести один коварный удар. Для него не существует проблем, если потребуется, трактор будет доставлен на Красную площадь, и ни одна живая душа не узнает, как это ему удалось.

Мозаика — тот же детектив, в основе все тот же принцип — отыскать необходимое связующее звено. У меня лишь масса разбросанных фрагментов. Помнится, я уже пытался. Многие события между собой не связаны, доказательства отсутствуют и только воображение подсказывает — может быть, может быть...

Дима Скворцов не мистик, он циник. Если мне прежде нужно было раскрутить дело, я не впадал в нирвану, выстраивая в голове цепь возможных событий. Доставал сигарету, брал блокнот и писал — «Прошу провести мероприятие». Человек — социальное существо — он куда-то ходит, с кем-то общается, ему звонят, пишут, о нем говорят — он вынужден общаться. За ним смотрит наружка, его слушают люди в наушниках, наконец, ему подставляют «казачка». И все! Остается лишь перечитать справки по результатам мероприятий и принять решение.

Однако сейчас у меня нет ни одного из доступных прежде средств. Я вынужден обращаться к дедовским методам, прислушиваться к внутреннему голосу и верить в мистику. У Димы Скворцова нет выхода. Дима — один в поле воин. Мой цинизм и неуместная ирония — бронезилет. Горилка — не впасть в отчаяние. Единственный товарищ — крохотная фигура Будды. Прежде чем его превратили в божество, приукрасив множеством мифов и легенд, Будда был обыкновенным человеком — таким же, как мы с вами. Я не говорю о религиозном течении, я говорю о его пронизательности, о волшебном даре дать ответ на самый сложный бытовой вопрос. Он сейчас мой учитель — крохотная деревянная фигурка.

Если в куске металла на четырех колесах может жить дух Джона Купера, почему в деревянной фигурке не может присутствовать частица великого Будды?

Какой мотив у Григория Аркадьевича? К чему ему нужна моя и Эллы смерть?

Ревность? Стремление наказать распоясавшегося Диму и вместе с ним и отбившуюся от рук женщину? Вряд ли. Это не мотив — Григорий Аркадьевич человек иного склада характера — хитрый, расчетливый и безжалостный. Нужен другой, более серьезный мотив.

Позвонил телефон — благородный и смешной Юра Деточкин отправился восстанавливать справедливость в мире. Я дослушал мелодию и взял трубку.

— Скворцов? Привет, ты не подъедешь?

Медленно соображаю — куда я должен подъехать. В трубке шум улицы. Кто-то бранится. Зачем чихает. Вновь шум.

— Ну так что? Подъедешь?

Сержант, — слышу я в голове старческий голос.

Поворачиваю голову — крохотный Будда вновь улыбается.

Как я мог забыть! Сержант, которому я вручил пятьсот долларов. Уточняю, куда именно должен подъехать. Пять минут и я спускаюсь по лестнице. Вылетаю на улицу и нос к носу сталкиваюсь с Леликом. Ну и рожи у нас были в тот момент! Свою я, конечно, не видел, а вот Лелик... бедняга, вероятно, подумал, что я вновь вставлю ему ствол в одно место — его перекосило. Лелик швыряет в меня какой-то пакет и удивительно легко для своих внушительных габаритов улепетывает. Вижу, как стремительно мелькают его подошвы. Что это? В пакете конфеты! Я не люблю конфет. Конфеты любят дети и женщины. Ах, вот в чем дело! Костя прав — у Лелика в моем доме живет она — таких же внушительных размеров королева сердца. Бедный Лелик — я ему сорвал свидание. Он — конфеты, она ему селедочки с рынка, и оба закужились в сладостном танце любви.

Как и положено, сержант остановил меня полосатым жезлом. Решительно подошел и бросил привычное — дакументики папашу. Конспирация — понял я. У них сейчас с этим строго. Говорят, своя служба безопасности, ищут оборотней в погонах.

— Деньги принес? — первым делом спросил он, как только мы залезли к нему в машину. Коллега, напоминающий майского жука, предусмотрительно вышел, абы не нарушать нашей интимности.

— Принес, — соврал я, за что сразу и поплатился.

— Черт! Кажись, забыл! Права сунул, а кошелек забыл, в кошельке они у меня. Вот незадача!

— Напрасно. А если бы и впрямь нарушил правила?

— Так я их не нарушал!

— Деньги всегда нужно держать при себе, — дал он мне мудрый совет, — иди и поезжай за деньгами.

— Как!

— А вот так. Есть деньги, есть разговор, нет денег, нет и разговора.

— Товарищ сержант...

— Что товарищ сержант? Я, можно сказать, рискую, помощь тебе, Скворцов, оказываю, а он — забыл!

— А пятьсот долларов?

— Тьфу на твои пятьсот. Из них осталось — выпить да закусить. Информация денег стоит. Я вообще-то не понимаю, кто к кому с просьбой обратился?

— Будут деньги. Честное слово.

— Не обманешь? — строго спросил сержант. — Видишь, стоит мой товарищ. Смотри! Палкой отдубасит, неделю на задницу не сядешь. Записывай...

Я записал.

— А это что?

— Штрафная стоянка.

— !!!

— Чего идиотом смотришь? — ухмыльнулся сержант. — Штрафная стоянка. Лучше места не сыскать. Кто сунется искать угнанную машину на штрафную стоянку? В списках-то ее нет.

— Сколько?

Сержант почесал голову.

— С учетом аванса — триста. Подойдешь и скажешь — я от Евгения Михайловича. Дождись, чтобы дед был один. Дашь ему пару сотен или бутылку купи, но только хорошую — капризный он. И поставь настоящую сигнализацию. Не ворон пугать, а настоящую. Дежурство у меня до двух — успеешь?

Майский жук уже кого-то прихватил — читает по слогам фамилию нарушителя. Бегу мимо и кричу — спасибо, товарищ сержант, я больше никогда не буду. Врубаю скорость и на глазах оторопевшего сотрудника пересекаю осевую линию — лечу в обратном направлении. Сколько стоит столь грубое нарушение правил дорожного движения? Похоже, часть денег я возместил.

В магазине суета. Раздувая ноздри, хватаю бутылку водки и бегом к кассе.

— Не терпится харю залить, — слышу за спиной.

Выбегаю и что я вижу? А вижу, что какой-то урод поставил свою машину таким образом, что мне не выехать! Швыряю бутылку на сиденье и бросаюсь вновь в магазин... за второй бутылкой.

— Ты гляди! — слышу знакомый голос за спиной, — уже залил!

Машину мы передвинули за пять минут — мы ее вынесли, взяли с двух сторон подняли и вынесли. Приз — все та же бутылка водки — отдал трем молодцам. Похоже, потеха пришлась им по душе. Я уже подумывал, а не вручить ли еще одну, чтобы парни унесли машину за угол?

Мы идем вдоль длинных рядов. Они справа и слева, он кругом — заляпанные грязью, дождем, я даже вижу прошлогоднюю листву на капоте. Кладбище — стоянка чем-то напоминает мне погост. Дед, как и положено, шагает впереди. В кармане пятнистого камуфляжа бьется бутылка — недалекая перспектива скрасить унылые будни. Говорить нам не о чем, поэтому оба молчим.

— Ну вот, — подает голос охранник, — тут она, родная, и стояла.

Дима Скворцов медленно тупеет и открывает рот. Затем он его вновь открывает и вновь закрывает. Дима разучился говорить.

— Вот как раз перед твоим приездом, получается, ее и забрали.

— Кто забрал?

— Сейчас узнаем.

Охранник достает рацию и строгим голосом кричит.

— Первый! Ответь второму. Второй слушает, — прорывается сквозь треск нечеловеческий голос. — Саня, кто машину с пятьдесят второго места взял? А хрен знает, —

отвечает Саня, — баба какая-то взяла.

— Баба, — объясняет мне охранник.

— Когда взяла?

— Саня, глянь, когда взяли?

Рация шипит, охранник крутит громкость, я жду.

— А тут не разобрать, — прорывается в эфир Саня, — карандашом написано. А потом зачеркнули и исправили.

— Слышал? — уточнил охранник, — в общем, баба забрала. Пойдем что ли, обратно?

— Привет Евгению Михайловичу, — напутствует меня охранник, явно утомленный прогулкой, — жена, наверно, забрала. Не переживай. Я тебе вот что скажу — нечего бабам спуску давать. Строго нужно. Пусти козла в огород — понял?

— Машина какая? — вдруг опомнился я, — желтый Пежо?

— Желтый, желтый, — успокоил меня охранник.

— А женщина какая?

Охранник тупо на меня смотрит.

— Ты чего? Жену свою забыл? Саня! Какая была баба? — кричит он в рацию.

Выходит Саня. Долго и тщательно давит окурок в грязную землю. Затем плюет и сморкается.

— Баба как баба, вот тут две сиськи, а там, значит, задница. Симпатичная в целом — твоя, что ли?

— Саня у нас до женщин страшный охотник, — объясняет его напарник. Он кроме сисек ничего в упор не видит. Не обижайся, мужик. Если Саня обратил внимание, значит, того стоит.

— Женщина была одна?

Саня засмеялся.

— Не переживай, одна она была.

* * *

Довольно странный и неожиданный поворот в цепи событий. По описанию охранников — если пошлость можно назвать описанием — женщина похожа на Эллу Сергеевну. Фигура, на которую обращают внимание. Неутешительный вывод, что она является частью плана Григория Аркадьевича, меня расстроил. Я принялся рыться в карманах.

— Кристина? Привет! Не узнала? Это Дима. Что за люди? — Мой знакомый. Школьный приятель. Познакомить? Кристина, у него семья. Как — ну и что! Ты собираешься разрушить семью? Девочка, не следует выходить замуж за Мерседес. Он может сломаться, попасть в аварию, его просто могут угнать. А потом Алик тебе не пара. Две половинки — помнишь? Или по-другому, муж и жена одна сатана. Будет у тебя принц. Он тебя уже давно ищет. Устала ждать? А как он устал — думаешь, ему легче? Как нет принцев? Разобрали? Кристина, у меня к тебе просьба. Элла Сергеевна на месте? Не знаешь? А ты сходи к ней, придумай предлог и сходи. Как не можешь? А в туалет ты имеешь право сходить? Плюнь! Ни в какой должностной инструкции нет запрета ходить в туалет. Хорошо, я буду ждать.

Сколько нужно времени, чтобы приехать на край города, забрать машину и вернуться в кабинет? — Два часа. Однако машину нужно еще и спрятать. Глупость. К чему у себя

угонять машину, рисковать и нервничать? Первый же патруль остановит машину, которая находится в розыске. А если заявление забрать? Как все просто! Нет заявления — поиск прекращается. Ты можешь спокойно ехать куда захочешь. Вновь я плетусь в хвосте событий.

— Ну что? Нет? Эллы Сергеевны на месте нет? И не было с утра!

Они оба заодно. Дима Скворцов потерял напарника, а как он старался! Дима — ты кретин! Кому ты доверился? Костя прав — она меня сожрет. Но уж слишком все сложно — какие-то многоходовые комбинации и ради чего? А может, с ней поговорить? Припереть к стенке и забросать вопросами.

— Евгений Михайлович? Это Скворцов, Я стою в банке и снимаю деньги. Вам как лучше — по сто долларов или по пятьдесят?

Евгений Михайлович, вероятно, думает — что за идиот ему попался.

— Что? Можно по пятьдесят? Понимаю. А если по пятьдесят нет? Понимаю предпочтительней по пятьдесят. По пятьдесят у них закончились, но есть у моей жены. Она сейчас за рулем. Представляете, забрала у меня перед носом машину и усвистала! Ничего не понимаете? И я не понимаю! Думаю, хотела меня наказать — мы накануне поссорились. Что вы! Все договоренности остаются в силе. Скворцов — человек слова! Евгений Михайлович вы там гляньте в свой компьютер... ах нет компьютера? А тогда по рации, рация-то у вас есть? Мне бы эту стерву найти — разве можно так над человеком издеваться! Я же ночью спать не могу, а расходы... желтый Пежо, номер... не нужно номер? Понимаю, Евгений Михайлович — профессионал. Вы перезвоните? Конечно, в наших с вами интересах. Жду!

Чем глупей, тем лучше. Что стоит сержанту выйти в эфир и обнаружить желтый Пежо? Они даже руки могут заломить и бросить на капот. Хватит, пора от слов переходить к делу. Теперь парадом командует Дима Скворцов! А что делать с Купером? А мы его продадим Алику с Гороховой. Скажем — Григорий Аркадьевич передумал. Цвет слишком крикливый — в глаза бросается. У вас есть темный Купер? Тогда простите. Денег нет? А вы не в кассе возьмите — в столе или сейфе. Проверять? Мы вам доверяем, Олег Николаевич. Сегодня обманете вы, завтра — мы, спрашивается, а как нам жить после завтра?

Будда улыбается. Определенно, Дима Скворцов ему нравится. Ты мне тоже нравишься — где ты прежде был?

— Слушаю, Евгений Михайлович. Нашли? Так быстро! Не надо ее задерживать, я сам задержу. Она ужасно скандальная женщина — здесь ОМОН потребуется. Что? Где я нахожусь? Как — где? В машине сижу и жду вашего звонка. Евгений Михайлович, не стоит беспокоиться. Быстрее? Ах, с мигалкой быстрее? Вы впереди, а я за вами? Понимаю, все прекрасно понимаю.

Никогда прежде не ездил с почетным эскортом. Знаете, а в этом что-то есть. Когда ты несешься по разделительной полосе и кроме музыки ничего не слышишь. Мир с почтением расступается перед тобой, а ты его вращаешь, как в детстве — толкаешь, обутой в стоптанный ботинок, самокат. Блаженная улыбка и никаких забот — наверно, так я выглядел со стороны. Как мне хотелось, чтобы Элла Сергеевна находилась в машине. Чтобы я подкатил, хлопнул дверью и направился к ней.

Город вдруг показался мне крохотной деревней. Десять минут и я его увидел. Желтый цыпленок — он не изменился. Еще мгновение поправить галстук. Равнение на — середину! — захотелось крикнуть мне. Где этот жалкий сценарист? Срочно переписывай текст.

— Вы?

Элла Сергеевна сморщилась и едва не превратилась в старуху. Человеческое лицо — сколько в нем загадок! Оно увядало с каждой секундой — всего их было десять. На большее меня не хватило.

— Триста долларов, — сказал я, — и обязательно банкнотами по пятьдесят.

Она роется в сумочке и послушно протягивает деньги.

— Я просил по пятьдесят. Иначе Евгений Михайлович меня не поймет.

— Дима, я вам сейчас все объясню.

— Книга! У вас есть какая-нибудь книга? Любая книга, а журнал? Дайте мне ваши права.

На фото Элла Сергеевна смотрится не менее привлекательно. Каким-то образом она умудрилась показать свою роскошную грудь, которую я прикрываю пятидесяти долларовой банкнотой. Впрочем, скоро грудь вновь показалась — Евгений Михайлович забрал деньги.

— Она?

Я кивнул.

— Не завидую я тебе, — неожиданно признался сержант, — у твоей бабы черти в глазах. Намаешься, Скворцов, поверь моему опыту. Не баба, а сатана. Будут проблемы — звони.

— Они меня арестуют?

Элла Сергеевна вздрогнула, когда я вновь залез в Пежо.

— Если кому и суждено арестовать, так это мне, — вздохнул я, — у вас десять минут, прежде чем подъедут мои коллеги.

— Дима... Дмитрий Анатольевич, вы не поверите, но вины моей нет!

Еще один прием из моего прошлого арсенала — брать клиента тепленьким. Элла Сергеевна полыхала как печка. Лицо старухи куда-то исчезло. Непонятно, с какой целью расстегнула кофточку и придвинулась.

— Осторожно, Дима! — прошептал мне голос, — она сейчас утащит тебя в омут. Ты глянь — какие глазищи! И не позволяй ей взять себя за руку!

Поздно! Элла Сергеевна уже прикоснулась ко мне, и электрический заряд вошел в мое тело.

— Соловьев! Дима!

К чему орать, если у меня прекрасный слух? Тридцать четыре? — Тридцать четыре. Двадцать семь? — Двадцать семь. Помнится, проходил медицинскую комиссию, и мне шептали в одно ухо, прикрыв другое.

— Соловьев! Вы не видели Соловьева? Где его черти носят?

— Курит на втором этаже.

— Опять курит? Он что-нибудь, кроме сигареты, держит в руках!

— Ну? Чего надо? — спрашиваю я. — Согласно трудового кодекса Российской Федерации от двадцать первого декабря две тысячи первого года, статья сто пять, рабочий день делиться на части. На тех предприятиях, где это необходимо вследствие особого характера труда...

— Зайти в главный офис к Анне Антоновой.

— Анна? Она кто? — подтягиваю джинсы и медленно соображаю. — Моего непосредственного начальника зовут иначе... забыл, как ее зовут, но только не Анна. А вдруг у меня новый начальник? Черт! Не мешало бы побриться — предупредить нужно. Вот и джинсы пузырями на коленках пошли, и молния, кажется, не работает. Открываться она открывается, а закрывается только на половину.

Офис в другом здании, а тут обыкновенный склад. Короче, поди — принеси.

Захожу в офис — меня проверяют. Охрана, ядрена вошь. Затылки побрили и думают, они охрана. Смотрю по сторонам — какой кабинет они сказали?

Толкаю дверь и захожу.

— Вызывали?

— Ах, вот вы какой — Дима Соловьев!

Сейчас она скажет — представляла вас иначе. А что меня представлять? Я и сам могу себя представить.

— Вы садитесь, вот сюда и садитесь. Дима, я вас прочитала. Признаюсь, не без интереса. Главный герой у вас Скворцов. Интересный персонаж. Вы не работали прежде в милиции? Элла Сергеевна у нас тоже есть, только она блондинка, ваш непосредственный начальник, на складе работает. У нее красный Гольф... понимаю. Но почему вы бросили там, где нельзя бросать? Это не только неуважение к читателю, это нарушение жанра. У вас что? Детектив. Устоявшийся в литературе жанр с определенными правилами. Вы все испортили, перечеркнули все свои труды — ступайте и немедленно закончите.

— Не могу.

— То есть как?

— У меня нет времени, днем устаю, как черт, а по ночам полагается спать. Я хочу выспаться.

— Жаль, очень жаль, мог бы получиться неплохой роман. А вы заболейте! Возьмите больничный и пишите, а ночью спите.

— Нельзя. Если я возьму больничный, могу и в самом деле заболеть.

— Вы смешной.

— Мне уже говорили.

— Будда, он не молчит? — спросила она.

— Спросите у Будды, — ответил Соловьев, — вы редактор?

— Редактор.

— Я вас прежде видел. Вы стояли и говорили с мужчиной и женщиной. Они чем-то похожи на брата и сестру. Только они не брат и сестра. Я прав?

— Вы правы. Они не брат и сестра. Скажите, незнакомка в вашем романе, она еще появится?

— Нет. Она уехала. Навсегда уехала. Она — несбывшиеся мечты моего героя, плод воображения, попытка убить время, когда ты сидишь и ждешь, когда тебе моют машину. Незнакомку послал Будда. Незнакомка и есть Будда. Помните «инь» и «янь»? Две половинки одного целого. Так вот, у Скворцова никогда не было этой второй половинки. Он неплохой парень, но обречен. Ему не хватает второй половинки.

— Дима, у вас три дня. Запомните — три! Идите и пишите.

* * *

У Димы Скворцова три дня — так написано на бумажке, что я обнаружил у себя в почтовом ящике. За первый день можно продать Купера. На второй — оформить доверенность на квартиру. На третий — купить билеты на поезд и нажраться.

Где небеса? Что там происходит? Снизу видно плохо, вижу — одна туча нашла на другую. Ударил гром, внизу открыли зонты. Пролилась грязь, у нас внизу ее достаточно. Будда там и здесь — вверху и внизу. Дима Скворцов держит крохотную фигурку — согрел руками. Он не верит в мистику, у него вечер, а если точнее — три часа. Билеты в кармане и четыре стопки, в каждой по пять тысяч — они на столе. Олег Николаевич упирался не долго, достаточно было упомянуть имя Григория Аркадьевича. Дима трезвый, как памятник на площади, — скоро его снесут, и будет новый супермаркет. Дима думает — сидит и крутит в руках крохотную фигурку.

Грянул дождь, забарабанил по крышам, рвет листья — осень, подведение итогов.

Я в него верю, он должен шепнуть — ехать мне или не ехать.

Будда молчит. Я не прошу его ответить, я прошу подсказать, подать знак. Встаю, иду на кухню и даю ему последний шанс. Десять минут.

Десять минут я курю и смотрю в окно — там дождь. Дима Скворцов — не один в поле воин. Он стал мудрей и вынужден подчиниться обстоятельствам. Плохих или хороших людей не бывает. Мама меня обманула, прав был отец, когда рвал мне уши.

Беру стул, возвращаюсь в комнату, лезу на антресоли и аккуратно складываю в коробку из-под обуви пачки долларов — она знает, где их искать. Чихаю — пыль со времен царя Гороха. Бросаю последний взгляд — Будда молчит. Сидеть и ждать три часа? Скажем на прощание «привет» Элле Сергеевне.

Хлопнула дверь, в замке повернулся ключ.

Будда молчал. Каждый имеет право на свой выбор, — мог бы сказать он, однако, как всегда, промолчал.

* * *

— Дима, — сказал Григорий Аркадьевич, — заставляешь себя ждать. Ты мне и без того все карты спутал. Ты бы знал, как я от тебя устал! Вместо того, чтобы заниматься делом, я вынужден заниматься тобой. Молодцы — хитро придумали. Устроиться в магазин продавцом! Дима, у вас там что, все дураки? Мы книжек не читаем? Хорошо — не читаем, но мы смотрим кино. Секретный агент! Да у тебя на лбу написано, кто ты и с какой целью явился. Честно скажу, я мог тебя прихлопнуть, как муху, уже в первый день. Не прихлопнул — было интересно.

— Володя — ваша работа?

— Володя — отработанный материал. Слишком глуп и доверчив.

— Чевадзе?

— Афтондила было жаль. Но сколько можно терпеть его алчность? А потом он возомнил себя моим партнером! Это уж ни в какие ворота. Какой из Афтондила партнер — мелкий мошенник.

— Григорий Аркадьевич, вы допустили ошибку — Афтондил ничего не знал.

— Правда? А чего он не знал?

— В портфеле никогда не было документов.

— Правильно, не было. Мы их прежде уничтожили — наши долговые обязательства.

— А Володя? К чему заказывать нападение на самого себя?

— Володя — дурак, за что и поплатился. Скажи, как ты понял, что я подбросил тебе деньги? Наследили? Я прав? Бестолочи, не могут выполнить простого задания. Дима, представляешь, с кем мне приходится работать?

— Почему не организовали липовое нападение на самого себя? Боялись повториться? Хотя задумка хороша — не нужно отдавать партнеру деньги. А подбросили деньги зачем? Чтобы пустить следователей по ложному следу? Мол, Дима Скворцов спрятал на первое время.

— Дима, я старый человек. Чтобы наши партнеры поверили, Тимур должен был в меня стрельнуть, а стрелок он паршивый.

— Планировали меня убить?

— Молодец. А что мне еще оставалось? К сожалению, нужна трагедия. Мы бы тебя похоронили, как человека Эллочка женщина сентиментальная, отработала бы за двоих — всплакнула бы от души. Памятник поставили бы, но уже через год. А ты гусар! Купера на мои деньги купил. Вот уж повеселил старика. А впечатление какое на Эллочку произвел! Она была готова броситься тебе на шею.

— Бомжа кто играл?

Григорий Аркадьевич окончательно развеселился.

— Дима, ты меня огорчаешь. Неужели не узнал? Или темно было?

— Тимур?

— Он и здесь не справился, а ты здорово бегаешь. А если бы еще не курил? Ох, и напугал ты нас! Перестрелку устроил в центре города. А пистолет какой попросил — револьвер! Гильзы-то в барабане остаются.

— Глупо.

— Почему? По-моему, логично. Пусть Дима Скворцов голову ломает. Григорий Аркадьевич не будет опускаться до какой-то жалкой тысячи долларов.

— Пежо к чему угонять?

— Чтобы у тебя занятие появилось. Чтобы оставил на время меня в покое. Полагаешь,

кроме тебя мне больше нечем заняться? Деньги, Дима, на деревьях не растут, а если бы они росли, сначала нужно их посадить. Много деревьев. А потом ухаживать, поливать, с вредителями бороться.

— Какое слово вы дали Элле Сергеевне?

— Эллочка — женщина. А любая женщина может влюбиться. Прежнего мужика я быстро оформил. Вот ему слово и дал. Прежде чем его, беднягу, в лодку погрузили, дал слово настоящего мужчины — буду, мол, за женой приглядывать и в обиду не давать. Утонул. Представляешь? Искали, искали — не нашли. И сам искал — два дня в лесу — комары оводы, а у меня язва по осени открывается. Вот с тобой поговорим и махну в санаторий. Знаешь, Дима, я тебя бы не тронул. Но как ты меня обманул! Я же со страха решил, ты и в самом деле секретный агент. Иначе чего с тобой возиться? А тут умные люди мне и говорят. Кто? Димка Скворцов? Да какой он агент! Ему пинка под зад дали и забыли. Как я расстроился! Что же получается? А получается полная и окончательная конфузия! А расходы какие? Моральный ущерб. Знаешь, они правы — тот, кто требует возмещение морального ущерба. На своей шкуре почувствовал — как больно. И язва едва не открылась. На таблетках сижу. А прежде до октября никаких проблем. Вроде, все вопросы обсудили? Или тебя еще что-нибудь мучает?

— Элла Сергеевна.

— Прости. Вопрос не ко мне. У Элочки спросишь. Чувствительная оказалась. Думаю, ну когда дура разобьется? Не трогал, решил не брать лишний грех на душу. Да и привык. Вроде как приедет, поговорим и приятно.

— Трактор вы подогнали?

— Дураки подогнали. Я их не просил. Подарок захотели сделать — лишняя головная боль. Они как думают: если старик пожаловался на дочь, так ее сразу на плаху? А что, Дима, пойдешь ко мне? Хоромы не обещаю, но жалование положу приличное.

— Григорий Аркадьевич, — улыбнулся я, — вы меня через месяц убьете.

— Прав — убью. Может, не через месяц, но убью. Умный ты слишком, Дима, и опасный. Выгнать такого парня! А знаешь — почему? Умные, Дима, нам не нужны. Нужны сообразительные. Есть разница? О-о-о! Огромная разница. Устал я. Монолог закатал на полчаса, что-то вроде покаяния. Вот что, — Григорий Аркадьевич полез в карман, — будешь там, скажи обязательно, мол, Шепитько в грехах каялся. На коленках не стоял, но правду говорил. Признает за собой, не отпирается. Но и желает возразить — многие нынче так и живут. И что? Кто их призвал или наказал? А детей у меня нет — некому нести проклятие. Опять желудок заболел. Где таблетки? Думал, появилась дочь... Тимур, глянь, неужели дышит? Бестолочь, подушку прижать не может! Что за наказание! Эллочка... ты жива?

Пуля — дура. Она пролетит мимо. Оторвет клоч с моей головы и уткнется в стену. Вдох — выдох. Мир — фальшивые декорации. Я принимаюсь вращаться. Одна нога согнутая, вторая прямая. Блеклый фонарь просыпается — озаряет светом мрачное помещение. Удивленное лицо Григория Аркадьевича. Тимур мне не подмигивает. Он выхватывает пистолет, который тут же взмывает вверх. Сейчас пистолет выстрелит! Я уже видел, как он стреляет.

Время — не секунды и минуты. Вижу мать. Она улыбается и протягивает руку. Вижу отца — мужская сдержанность тает у меня на глазах. И в этот момент свинец входит мне в голову. Растет дырка — как точка на экране телевизора — я его выключил. Сколько раз я видел эту точку — оказывается, не видел. Все! Я мертвец. Дима Скворцов понимает — он

— Соловьев! Опять он курит? Господи, дал бог работника. Сколько можно терпеть? У нас что — нет других грузчиков?

Выходит Элла Сергеевна — кошмарная баба со склада. Грудь у нее кругом. С какой стороны не посмотришь — сплошная грудь. Элла Сергеевна об этом своем уникальном качестве, вероятно, знает. Разговор начинается с того, что припирает своей могучей грудью всякого к стенке.

— Соловьев! — ревет она морским котиком, — ты уволен!

День был поганим с утра. Пять минут я выслушивал по телефону ругань сумасшедшей тетки, которая настоятельно требовала соединить ее с каким-то Григорием Аркадьевичем. Тетка обещала его убить. Затем у меня лопнула резинка на трусах. На Филиппинах упал и разбился самолет. Кажется, экипаж и пассажиры погибли. Упал и рубль, а вместе с ним доллар. Известный астролог обещал через месяц Апокалипсис. В завершении позвонила моя бывшая.

— Я приду, чтобы забрать машинку. Она где-то на антресолях в коробке из-под обуви. Помнишь, я купила тебе ботинки? Желтые, импортные. Не помнишь? Ты, Соловьев, ничего не помнишь. Соловьев, ты прилетел с другой планеты — здесь тебе не место.

— Меня убили, — сказал я.

— Что? Убили? Плохо тебя убили. Нужно было убить как следует. Соловьев, ты опять пьян?

— В финале меня убивают. Пуля входит мне в голову, и я вспоминаю детство, родителей вспоминаю...

— Вчера у них была, — сообщила моя бывшая жена. — Тебе не стыдно? Трава по пояс!

Григорий Аркадьевич скалит зубы — вылитый вампир. Тимур испугано таращит глаза и ищет пистолет. Он здесь, — мрачная тень протягивает руку — какая длинная рука!

Костя! Вот он мой спаситель! Ну где ты был все это время? Терпеливо стоял за кулисами и ждал своей минуты? Она наступила — твоя минута...

— Не зашибли, Дима? Кровь на лице. Возьми платок — утрись.

Зло обречено. У зла нет шансов. Причин множество. Во-первых, потому что оно зло. Во-вторых, потому что зло есть зло. И в-третьих, и в-четвертых, и в-пятых, — у зла нет шансов. Костя мой преданный товарищ. Как я мог о нем забыть? Глотаю слезы и медленно поднимаюсь с пола — подсечку на этот раз я выполнил паршиво — выбил у Тимура пистолет, но и сам упал. Я знал, я верил, я читал и видел в кино, наконец, мне говорила мама. Папа ничего не говорил. Так вот, мама говорила: Дима, на свете много добрых и хороших людей. Выключи свет! — орал из другой комнаты папа, — мне на работу в шесть утра вставать. Папу я уважал. Прежде чем говорить о смысле жизни, о хороших или плохих людях, он рвал мне уши.

Ветер рвет облака. Дима Соловьев написал заявление — пожалуй, единственный мужественный поступок. Элла Сергеевна — крашенная блондинка со склада готовой продукции — положила свою грудь на стол — она читает.

— Дима, — говорит она, — куда ты пойдешь?

Не знаю. Честное слово, не знаю, куда пойдет Дима Соловьев. Может быть, на улицу?

Шесть вечера и меня уже нет. Элла Сергеевна покинула здание редакции в плохом настроении. Дима — не проблема. Замену найдет в ближайшее время. Красный Гольф терпеливо ждал на стоянке. Пора искать и ему замену, Элле Сергеевне нравится Пежо, лучше желтый.

— Володя? Привет. Ужасно тяжелый день. Даже пришлось одного уволить. Мальчишка. Наивный романтик. Оказывается, он пишет роман. Что? Вот пускай и пишет — никто не мешает, не отвлекает. Все! Я о нем забыла. Как ты?

Элла Сергеевна берет телефон в другую руку и щелкает зажигалкой.

— Прекрати! Опять за свое? Гонки хочешь? Юноша, у тебя никаких шансов! Ты уверен? Ах, ты уверен! Хорошо, уговорил. Встретимся на прежнем месте.

Красный Гольф сорвался с места, пролетел под аркой, притормозил перед светофором, пропустив спешащих пешеходов. Выскочил на проспект, где, почувствовав свободу, тут же набрал скорость.

* * *

Ветер не рвал облака — их не было. Не было ночного неба, тусклого фонаря и часов на стене — они остановились. Костя спустил курок и выстрелил Диме Скворцову в голову. Ковер! — крикнул Григорий Аркадьевич, — срочно закатайте его в ковер.

Диму Скворцова с тех пор никто не видел. Говорили, он, якобы уехал то ли в Сибирь, то ли еще куда-то — на Дальний Восток. Продал Мини Купер и уехал. Спустя неделю его бывшая жена Маша Гончарова получила перевод на десять долларов. Она долго сидела на кухне и молчала. Кроме Маши молчала и крохотная фигурка Будды.

У Эллы Сергеевны случился сердечный приступ. Прямо среди ночи. И если бы не Григорий Аркадьевич, все закончилось бы печально. Как переживал старик! Поднял на ноги лучших специалистов. Личный доктор господин Фенгольд примчался вовремя, а сам Григорий Аркадьевич не отходил от женщины ни на минуту.

Кристина вышла замуж и уволилась. Магазин проработал еще некоторое время и закрылся. В опустевшей витрине висело объявление «помещение сдается в аренду». Затем появилась бригада мастеров, и закипела работа.

Константин переехал в новую квартиру — настоящий особняк. Руководить бригадой грузчиков, что привезли мебель, согласился Тимур. Костя решал в это время какие-то проблемы — на горизонте появился выгодный заказ, который никак нельзя было упускать.

Григорий Аркадьевич стал сентиментальным и неожиданно для многих сделал крупное пожертвование. Поговаривали, он может отойти от дел. Ошиблись, Григорий Аркадьевич на время уехал в санаторий. Кажется, в Чехию.

Николай Васильевич продолжает ходить в баню. Рука у него зажила, остался небольшой рубец. Парится он по четвергам — все та же фетровая шляпа, два березовых веника и шлепанцы. В перерыве Николай Васильевич пьет горячий чай из термоса и ругает на чем свет стоит городские бани.

Михаил Петрович долго не мог найти работу. Сначала он торговал газетами, потом ходил по квартирам и предлагал лекарства. Затем в парадной его избили какие-то подонки, и он окончательно исчез. Подонков не нашли, но задержали Лелика — он выхватил у старушки сумку.

* * *

Чтобы стать буддистом, человеку ничего не нужно делать. Требуется лишь публично заявить о своей вере и повторить слова Утешения: «Я нахожу свое утешение в Будде; я нахожу свое утешение в Учении; я нахожу свое утешение в Братстве».

Буддизм является развивающейся религией и способствует сохранению высоких нравственных ценностей. Спокойствие и самообладание — еще не счастье. Кто верит в эту философию, тому легче преодолет страдание или хотя бы понять их причину.

Дима Скворцов никогда не увлекался буддизмом. Ему нравилась деревянная фигурка Будды, которая вечно молчит. Прежде чем отправиться на небеса, Дима прошептал: «твори свое спасение».

— Конец-

Больше книг на сайте - Knigoed.net